

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

2

1961

УРАЛЬСКИЕ
О ГЕРОЯХ
РАССКАЗЫ БЫВАЛЫХ ЛЮДЕЙ
И СОВРЕМЕННИКОВ
ЗАНИМАТЕЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ
УРАЛ ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА
КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ
СЛЕДОПЫТСКИЕ ДЕЛА

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СВЕРДЛОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

В НОМЕРЕ:

ШКОЛА МУЖЕСТВА, СИЛЫ, МАСТЕРСТВА. ЭСТАФЕТА ГВАРДИИ. Материалы к годовщине Советской Армии. • НИКОЛАЙ ТОМИН. Воспоминания члена КПСС с 1917 года А. Медведева. • ВО ИМЯ ЖИЗНИ. Рассказ, присланный на конкурс В. Волосковым. • ТАНТАЛОВЫЙ МЕД. Очерк Г. Михайлова. • НЕФТЯНОЙ КАРЬЕР. Статья Б. Цывьяна. • ГРАНИТНЫЕ ПАЛАТКИ. Рассказ о памятниках природы Свердловской области. • УЛИЧНОЕ ИМЯ. Очерк В. Бирюкова. • В СЕРДЦЕ ТАЙГИ. Репортаж Е. Ананьева. • С КАРАНДАШОМ И КИСТЬЮ НА ВЫСОТЕ 1493 МЕТРОВ. Заметки художника А. Бурака. • ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ? Продолжение приключенческой повести В. Черетина. • ЛИТЕР ГЛАГОЛЬ. Киноповесть И. Келлера и М. Моценка. • СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ. • ИЗ БЛОКНОТА СЛЕДОПЫТА. • ГАЗЕТА СЛЕДОПЫТА. • ЗАМЕТКИ КОЛЛЕКЦИОНЕРОВ. • На второй странице обложки фото «После катка», присланное на конкурс И. Тюфяковым.

2

ФЕВРАЛЬ

1 9 6 1

Свердловское Книжное Издательство

ШКОЛА МУЖЕСТВА, СИЛЫ, МАСТЕРСТВА

К годовщине Советской Армии

Жизнь нашей армии тесно связана с жизнью всего народа. Военная служба в нашей стране — закон, защита Отечества — священный долг. Партия и правительство много работают над тем, чтобы добиться всеобщего разоружения — мечты советского народа, подающего в этом всему миру пример. Но пока мы крепим свою армию и, сокращая в числе, заботимся о ее мощи, о неприступности обороны государства.

Ежегодно Родина и миллионы граждан — каждый в отдельности — отмечают в своем сердце годовщину создания Советской Армии. Для одних она — воспоминание молодости, когда военная служба стала первым в жизни университетом. Для других — воспоминания о суровых днях на фронте в Великую Отечественную войну. И тем, кто помоложе, служба в армии в мирное время дала закалку, расширила современные познания,

ЭСТАФЕТА ГВАРДИИ

Много раз я слышал об увлекательной старой тетради, что переходит из рук в руки у воинов нашей танковой части. Говорили, что тетрадь якобы найдена в развалинах фашистского рейхстага. Говорили, что ее прислали молодым солдатам старые гвардейцы.

Так или иначе, ее зачитывали до дыр и продолжают читать. Любопытство разогрело меня, и я, как журналист, бывая в разных подразделениях, стал у всех спрашивать о тетради, настойчиво разыскивать ее.

Наконец, однажды ко мне подошел невысокий паренек — черные погоны, шоферские эмблемы. Это Анатолий Свердловченко — водитель автомашины. Он показал мне старую-старую, истрепанную, затасканную тетрадь: — Может, вы разыскиваете эту? Посмотрите — интересно, ребята зачитываются,

Тетрадь обыкновенная — сто листов, в линейку. Она давно без корочек, без начала и конца. На последней потертой странице кто-то сделал пометку: «Важный документ, найденный при раскопках старых развалин рейхстага. Написан неизвестным солдатом».

— Это неверно, — объяснил мне Анатолий. — Возможно, тетрадь такая не одна, и их путают.

Много интересного в тетради. В ней записаны фронтовые песни, что были любимы всеми в дни войны — и «Землянка», и «Священная война», и «Любимый город», и «Галочка-уралочка». Есть и неказистые лирические стихи, сочиненные кем-то в передышках меж боев. Иногда это — грустно-мужественные раздумья солдата:

*Развевл ветер горклый дым,
И кровь впиталась в снег,
Из боя вышел я седым,
Как будто прожил век...*

А иногда — просто восхищение боевым товарищем, сдержанное без громких слов:

*День за днем, напористо и смело,
Как достойный сын своей страны,
Выполняет он большое дело —
Терпеливый труженик войны...*

В одних стихах неизвестного поэта встречаются такие строки, обращенные к будущему:

*Кто битвы забудет,
Кто мертвых предаст, —
Тому — наши гнев и презренье...*

Как это сильно звучит сегодня, когда некоторые наши прежние союзники помогают вооружаться фашиствующей Западной Германии!

Целый раздел в тетради — под шуточным названием «Энциклопедия мыслей». Здесь записаны полюбившиеся бойцам афоризмы, поговорки.

Жизнь без борьбы и благородных стремлений — не жизнь, а существование.

кругозор, воспитала волю, самодисциплину и оставила теплую память о бескорыстной и требовательной мужской дружбе.

Всегда отличишь человека, отслужившего в армии положенный срок,— по выправке, по выдержке, по ясности ума. «Мужик — все парень, коль солдатом не был»,— гласит старая народная поговорка.

Поздравляем наших читателей (у многих из них по возрасту военная служба — впереди) с 43-й годовщиной создания Вооруженных Сил страны. Ныне Советская Армия, оснащенная величайшими достижениями отечественной техники,— не только школа мужества и дисциплины, но и школа основ радиолокации, электроники, кибернетики, высшей баллистики, телемеханики, ракетоплавания. Пусть же будет всегда крепка стоящая на страже интересов Родины наша славная армия! И пусть каждый парень, собираясь идти служить, хорошенько готовит себя к этому.

«Уральский следопыт» печатает несколько заметок из многотиражной газеты одной воинской части о сегодняшней жизни воинов. Эта часть стоит далеко от Урала, но она хранит и развивает добрые традиции фронтовиков уральцев-добровольцев, сражавшихся под знаменами нашего края в дни Великой Отечественной войны.

Так служат Родине визовские ребята

В конце прошлого года с крупнейшего на Урале Верх-Исетского завода, или, как его любовно называют уральцы, ВИЗа, отъезжали служить в армию три неразлучных друга, три па-

ренька из треста «Уралдомноремонт»: Юрий Завьялов, Николай Мухамедьяров и Владимир Половников. Их биографии чем-то схожи. Каждому по 19 лет, все по специальности каменщики, передовые рабочие. Рано начали ребята трудовую деятельность. Да и выросли они в рабочих семьях. У Юрия Завьялова отец и сейчас трудится на Свердловском заводе бригадиром электрослесарей. У Николая Мухамедьярова и Владимира Половникова отцы погибли на фронте в Великую Отечественную войну.

В части эти ребята тоже служат в одном подразделении. Они упорно осваивают сейчас специальность механика-водителя танка. Учеба идет хорошо. Николай Мухамедьяров является круглым отличником, а Завьялову и Половникову не хватает по одной-две пятерки до общей отличной. Курсанты уже хорошо знают грозную боевую машину, успешно выполнили все начальные упражнения по вождению. Особенно большие трудности испытали эти воины при вождении танка ночью. Закрытый люк, едва различимые в темноте препятствия сильно затрудняли действия. Уралцы стойко преодолевали эти трудности. Несмотря на темноту, воины успешно преодолели эскарп и контрэскарп, противотанковый ров, воронки и другие заграждения.

Юрий Завьялов, Николай Мухамедьяров и Владимир Половников не только твердо знают вверенную им технику и приемы ведения современного боя. Они хорошо закалили себя физически, стали подтянутыми, выносливыми воинами. Каждый из них сейчас успешно сдает нормы комплекса «Готов к труду и обороне» II ступени, а Николай Мухамедьяров даже решил получить значок ГТО с отличием.

Говоря об этих войнах, нельзя не сказать несколько теплых слов и о Юрии Загвоздине. Он,

Сам погибай, а товарища выручай.

Смелого пуля боится,
Смелого штык не берет.

Тот, кто хвастается многочисленными друзьями, не имеет истинного друга.

Каждый человек имеет право быть дураком, но правом этим нужно пользоваться умеренно.

Лучше шутить о серьезном, чем всерьез молоть чепуху.

Хочешь, чтоб уважали тебя,— уважай товарищей.

Любить девушку только за красивое лицо — все равно, что любить книгу за красивый переплет, не зная ее содержания.

Бой идет, святой и правый,
Не для смерти, не для славы,—
Ради жизни на земле.

Не пускай к себе в душу тех,
кто мнит себя выше тебя.

Артиллерия — бог войны, пехота — царица полей, а танкисты — работяги — чистильщики дороги к победе.

Есть упоение в бою,

После взятия Кенигсберга какой-то наш Иван написал на памятке философу Канту: «А ты говорил, что мир непознаваем!»

Но самое главное в тетради — описание боевого пути какой-то очень хорошо действовавшей на фронте гвардейской танковой части. Я подробно изучил детально приведенный маршрут солдата. Это оказался путь армии генерала Рыбалко, которая в свое время прошла с боями до Берлина, затем до Праги, бок о бок с легендарными танкистами Уральского Добровольческого корпуса. Сейчас в столице Чехословацкой Социалистической Республики стоит их машина № 23 на гранитном пьедестале — памятник славы уральским танкистам.

Записи о боях в дневнике очень короткие. Но они с увлечением читаются нашими солдатами. Молодежь — наследница боевых традиций фронтовиков-отечественников, а эти неровные торопливые строчки, забрызганные грязью, маслом, а кое-где и кровью — живые записи фронтовика на фронте.

«16.04.45 года. Лес Пор Форстен. Свежее, бодрящее утро. Зеленеющий лес настороженно молчит.

6.20. Лес ожил, заговорил тысячами языков. Огнем бросает «Катюша», с треском бьют пушки, звонко отдаёт эхо наших минометов. Все смешалось в один общий язык — язык «бога войны». Тысячи орудий, минометов, «Катюш», извергающих реактивные снаряды, так освещают огнем все вокруг, что никто не замечает, как на востоке алеет заря. Тонны раскаленного металла летят на головы врагу.

Первая оборона противника прорвана, вслед за огнем валом пошли танки, за ними пехота. Фашисты огрызаются, но их продолжает бить издалека тяжелая артиллерия. Слева от нас слышится «ура-а!»

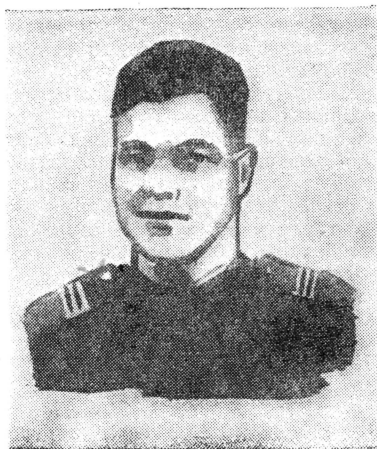
6.50. В небе появляется наша авиация. Грозно и плавно идут боевые машины строем на запад — «Илы», «Петляковы», «Лавочкины» — идут и идут, кажется, что им не будет конца. На земле

как и трое его друзей, о которых рассказывалось выше, тоже до армии работал на ВИЗе резчиком в прокатном цехе. Сейчас воин с оружием в руках защищает мир и покой советского народа, своих земляков. Курсант Загвоздин учится и служит Родине по совести и чести, как подобает советскому воину.

Так учатся воинскому мастерству ребята с Верх-Исетского завода Юрий Завьялов, Николай Мухамедьяров, Владимир Половников и Юрий Загвоздин. Родные этих воинов могут гордиться своими сыновьями и братьями. Они — достойные защитники любимой Родины.

Вот какие они—уральцы!

Все Вооруженные Силы СССР, всю страну облетела весть о славном подвиге 22-х старослужащих воинов нашей части, создавших тракторную бригаду и решивших ехать на целину. Этот

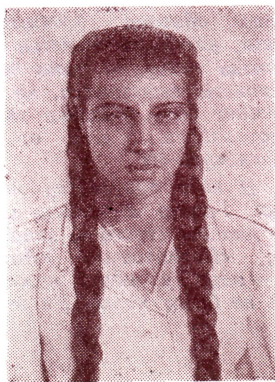

А. Кучумов.

оживление не меньше. Снимается артиллерия. Мы тоже подтягиваемся вперед, продолжая свою работу. Всюду чувствуется спокойствие, твердая уверенность в своих силах.

9.00. Быстро двигаемся вперед. Свернули минометы, подцепили к

Т. Байдыченко.

автомашинам. Шоферы дают полный газ. Линия обороны противника сломлена.

20.00. Пересекли реку Нейссе по мосту, наведенному саперами. Догоняем наши танки. Путь на Берлин открыт!..»

Подобные записи составляют более половины тетради. Как же попала эта фронтовая рукопись к нашей молодежи, проходящей сейчас воинскую службу в танковой части, которая свято хранит и развивает традиции уральцев-добровольцев?

Начинаю выяснять.

У Анатолия Свердлюченко есть большой друг — славная девушка Таня Байдыченко. Живет она сейчас в Черкасской области. Когда Анатолий уезжал служить в армию, провожать его пришла и Таня. Она и принесла ему эту тетрадь:

Г. Садыртинов.

подвиг одобрен Н. С. Хрущевым. Среди 22-х патриотов — два воина с Урала. О них мы и рассказываем ниже.

Галлину! Садыртинов самостоятельную трудовую жизнь начал в колхозе «Гордкужим», Кудинского района, Пермской области. Там он научился обрабатывать добрую уральскую землю, ценить труд. Работал Галлину! прицепщиком, животноводом. Никакого труда не гнушался. В колхозе приучился юноша делать все на совесть, доброту, вкладывать в порученное дело всю душу.

Не случайно поэтому и в армии его всегда отличали большое трудолюбие, добросовестное отношение к своим обязанностям, усердие и дисциплинированность. Галлину! третий год безупречно служит Родине в нашей части. Ни разу воин не заслужил порицания от командира, а похвалы удаивался неоднократно.

Да и как не похвалить уральца! В первые же месяцы службы он изучил артиллерийское дело и стал первым номером в расчете — наводчиком. За короткий срок овладел другими, смежными артиллерийскими специальностями. А когда потребовалось, он охотно пошел учиться на шофера. В свою батарею воин возвратился классным военным во-

— Возьми. Сам считаешь и товарищам дай.

Вот и все. Тетрадь переходит из рук в руки. Анатолий сам еле отыскал ее, чтобы показать мне.

Но кто же этот «неизвестный солдат» — автор дневника?

С разрешения Анатолия я написал Тане в Черкасскую область. Она ответила, что не знает, чья это тетрадка. Ее дала почитать Тане подруга, которая тоже, в свою очередь, брала у одного парнишки, а тот — у девушки, ныне отсутствующей. Но Таня обещала постараться обязательно что-нибудь узнать об авторе. Она почувствовала, как это важно и интересно.

Долго продолжались ее поиски. Наконец, из другого села Черкасской области к нам в часть пришло письмо от Николая Грущинского. Он сообщал, что на фронте вел дневник и что записи в тет-

дителем. Сделано много. Но Галлинура Садыртинов, этот неугомонный уралец, и на этом не остановился. Недавно он стал механиком-водителем артиллерийского тягача.

Некоторые читатели могут подумать, что ефрейтору Садыртинову все дается легко. Однако это не так. Служба военная, учеба боевая не даются легко. Ратных успехов добился солдат в упорном труде. По-уральски, по-гвардейски стремился юноша всегда вперед и потому сумел преодолеть все трудности, все тяготы армейской службы. Теперь осталось недолго носить военную форму. Но у Галлинура не убавилось забот о боеготовности. Он сам по-прежнему учится отлично и ко всему еще готовит себе хорошую замену.

В бригаду 22-х входит и командир отделения тяги сержант Александр Кучумов, свердловчанин. Кучумов жить не может без техники. Он классный специалист. Любознательный парень! Еще в колхозе «Победа» села Сладково, Слободотуринского района, его знали как неплохого шофера. А в армии Александр Кучумов стал признанным мастером своего дела.

Таковы они, наши уральцы, два замечательных парня из 22-х патриотов, известных во всех Советских Вооруженных Силах.

Обратный адрес—город Свердловск

С тех пор, как в гостях у воинов нашей части побывали уральские писатели С. Н. Самсонов и В. К. Очеретин, прошел год. Товарищи Самсонов и Очеретин за это время выступили на многих предприятиях и в вузах Свердловска и области. И как итог этих выступлений — сейчас к нам каждый день приходят письма, телеграммы от трудящихся города, студентов, школьников, в которых высказываются добрые пожелания нашим воинам, наказ еще выше держать боеготовность и зорче следить за поисками врагов мира и демократии.

Хорошее, задушевное письмо прислала недавно студентка Свердловского государственного университета Татьяна Аккуратова. Вот что она пишет:

ради делались не только им одним, но и другими солдатами подразделения. И правда. Вся тетрадь заполнена не одной ручкой, по почеркам видно.

Молодые солдаты написали ветерану Отечественной войны, просили рассказать о себе подроб-

нее. Вскоре Николай Грущинский прислал ответ.

«Очень тронут, что мой дневник попал к Вам, что Вы беспокоитесь о нем и обо мне, как фронтовике. Вы спрашиваете моего согласия, чтобы тетрадь была помещена в Комчате боевой славы. Я не возражаю и буду очень доволен, если мой дневник сослужит свою службу молодому поколению воинов.

Воевал я в минометном полку резерва главнокомандующего. Полк входил в танковое соединение, которым командовал Рыбалко. Полк прошел с боями большой путь. Этот путь и записан в моем дневнике. Особенно памятен для меня рейд на Берлин, штурм фашистского логова.

На фронте я был три раза ранен в грудь, поэтому здоровье

«Добрый день, дорогие друзья!

Пишу, как говорят, по горячим следам событий. Признаться, немного даже страшновато, так как никогда не писала писем воинам Советской Армии.

...Наш Свердловск очень похорошел, отстроился. В скором времени на привокзальной площади будет сооружен памятник воинам-уральцам, воевавшим с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны. Это будет самый величавый и красивый памятник в городе. Я предполагаю, что среди вас есть свердловчане, и не знаю, когда вы были здесь в последний раз. Все равно, вам об этом интересно знать».

Не менее теплое письмо прислала из Свердловска медицинская сестра Людмила Попивненко.

«Нам сказали,— пишет она,— что вы, дорогие друзья, находясь далеко от Родины, скучаете по ней. Мы верим этому. Служба солдатская тяжела и сурова, тем более вдали от Родины. Но не скучайте, больше думайте о близких, родных, о своем доме».

Испытываешь чувства исключительной радости, душевной теплоты, зная, что о тебе помнят и берегут в сердце память тех, кто далеко от родных мест с оружием в руках защищает мир и свободу на земле.

Писатель С. Самсонов среди воинов Советской Армии.

А. Свердлюченко.

пошлывает. Но я работаю. Сейчас — бригадир закройщиков в сапожной мастерской. С работой справляемся, План перевыполняем.

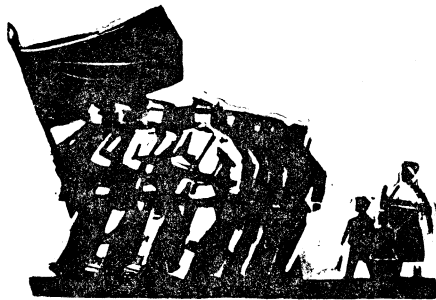
Вы спрашиваете, какое я имел звание и должность в армии. Звание мое — гвардии рядовой. Был наводчиком...».

За ратные заслуги перед Родиной у Николая Грущинского шесть боевых наград.

Дневник ветерана рассказывает молодежи о славных подвигах наших воинов в годы Великой Отечественной войны. Тетрадь его — ценная реликвия для нас, это эстафета, передаваемая старшим гвардейцем новому поколению.

Старший лейтенант
В. ПРОКОПЬЕВ

СТИХИ СОЛДАТА

ПЕСНЯ В ПОХОДЕ

На походе,
Как известно,
Где-нибудь в лесной глуши
Вдвое,
Втрое
Легче с песней,
Если песня — от души.
Изо всех дорог,
Без спору,
К цели та верней ведет,
Та дорога, по которой
Рота с песнею идет...
Запевала спорит с ветром
Так, что хрип стоит в груди.
Незаметно
Километры
Остаются позади.
Как рукой снимает вялость,
И шагает тверже строй:
Расстоянья
И усталость —
Все в плену
У песни той.

ЦВЕТЫ И БРОНЯ

Танкобром
Гудит от лязга гусениц.
Пыль —
На двадцать метров высоты.
Но
Глазами круглыми, как бусины,
Из зеленых клумб глядят цветы...
Сколько их,
Аллеями спеленутых,
Робко стебли устремили ввысь!..
Здесь они,
Людской заботой тронуты,

Отблагодарили —
Прижились.
Выстояли
Всем на удивление.
Защели,
Зардели,
Как один,
И расположились без стеснения
Возле грозных боевых машин.
Где еще такое встретишь
Мужество?
...Истинной поэзии сродни
Это сочетание —
Содружество
Крохотных растений
И брони.

ЗЕМЛЯ

Десятки миллионов лет
Ни сна, ни отдыха ей нет.
Безостановочно она
Вертеться в Космосе должна...
Бери с нее пример, трудись,
Трудись всегда:
В движеньи —
жизнь!

Р. ШИПУЛИН

НИКОЛАЙ ТОМИН

Рассказ коновода

Впервые о Николае Томине я узнал и повидал его в марте 1918 года. Наши боевые рабочие дружины пришли тогда со Среднего Урала в южноуральские степи, чтобы подавить мятеж белоказаков против Советской власти.

В Троицке нам, делегатам 2-й Уральской дружины комиссара И. М. Малышева, привелось побывать в ревкоме. Нужны были проводники для наших дозоров, выдвигаемых в район мятежных станиц. Принимал нас член троицкого ревкома урядник Оренбургского казачьего войска Николай Дмитриевич Томин. Строевик, подтянутый и щеголеватый, он обращал на себя внимание необычной для казака интеллигентской эспаньолкой.

Пока мы поджидали в коридоре ответ, к нам подошел пожилой казак-коновод. Закурили, разговорились. Оказался старослужащим из поселка Кочердык, Усть-Уйской станицы,— земляком Томина. От него-то мы и узнали о том, кто такой казак, поразивший нас своим необычным обличем.

— Еще на Румынском фронте мы своего одностаничника Николая Митрича, как он от всей души стоит за рядовую казачью и солдатскую братию, выбрали председателем... Сначала в полковой, а потом и в дивизионный комитет. Избирали его, конечно, не за бороду, за ум. Ты не смотри, что он по чину только старший урядник. Распорядиться он не хуже любого генерала может... И твердый мужик. Вот, пока ехали в Россию, хотели его петлюровцы да калединыцы купить, чтоб он и нас на их сторону увел за собой... А что получилось? Выгнал этих врагов революции из штабного вагона и вдогонку их мешок с деньгами выкинул. Дескать, берите свои иудины серебряни-

ки и подавитесь ими... А в Москве мы красную присягу приняли на верность Советской власти.

Больше полугодом прошло с этой первой встречи. Боевые дороги нашего малышевского полка и конных частей, руководимых Н. Д. Томиным, снова сошлись, на этот раз — под Кунгуром. Было нам тогда тяжело: дрались с превосходящими силами противника, выпиравшего нас с Урала. И вот в это-то время неожиданно-негаданно из глубоких тылов белых вышла на соединение со своими краснопартизанская армия Блюхера. В составе ее были троицкий отряд красноказачьей конницы, названный полком имени Степана Разина, и 17-й Красноуральский полк. Вот эти-то две воинские части и возглавлял на правах командира бригады Николай Томин.

Молебские „Канны“

Едва блюхеровцы вышли на соединение со своими, как приняли участие в боевых действиях на нашем участке фронта. Не последним в этих боевых делах был и Николай Томин.

По его замыслу, в ознаменование

первой годовщины Октября, полк имени Степана Разина во взаимодействии с пехотой нашего полка имени Малышева зажал в клещи под Молебским заводом 6-й белочешский полк и несколько сотен 17-го Оренбургского дутовского полка. Преследуя разгромленного противника, малышевцы с ходу заняли железнодорожную станцию Кордон, захватив и пленных, и богатые трофеи. Среди них были и вагоны с боеприпасами и продовольствием, и бронепоезд, и даже разобранный, но вполне исправный самолет, стоящий на платформе.

Из числа белых, оборонявших станцию, уцелели и удрали немногие, в том числе и начальник участка фронта генерал князь Голицын. Радуюсь победе, мы не могли себе простить, что упустили матерого вражину и палача уральских рабочих.

Это было первое из многих последовавших боевых дел, свершенных война-

ми 2-й бригады 30-й дивизии, комбригом которой был Николай Тomin. В томинскую бригаду входили 2-й горный полк, полк имени Малышева, 17-й Красноуральский. Бригада в начале 1919 года дралась с белыми на правобережье Камы под Беляевкой, Казанкой, Андреевским, а весной, как и другие части Восточного фронта, пошла в контрнаступление.

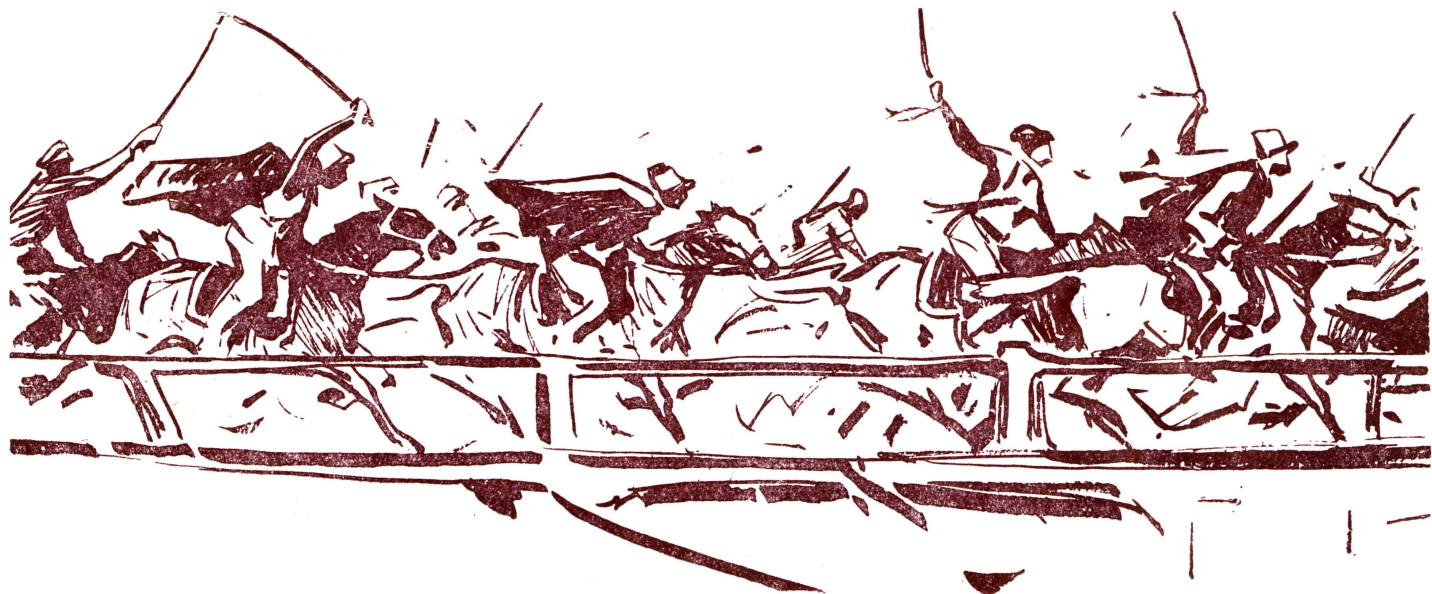
Однако бригада наступала в несколько увеличенном составе. Ей была придана сводная кавалерийская группа. Командовал этой сводной кавгруппой по совместительству комбриг Тomin.

Ловушка под Чепцой...

Запомнился хорошо один из боевых эпизодов в начале этого победоносного марша армий Восточного фронта.

Служил я и тогда конным разведчиком в Малышевском полку. Двигаясь

впереди наступающих по Казанскому тракту частей, мы установили, что противник подготовил нам ловушку на реке Чепца. Нам, разведчикам, бросилось в глаза, что белые, обычно уничтожавшие при отступлении переправы, на этот раз изменили своему правилу. Мост через Чепцу был целехонек.

Почему? Ведь глубокая река могла бы составить серьезную преграду и задержать продвижение наших частей.

— Что-то тут неладно, ребята... Айда в обход, поглядим, что за мостом...

Мы скрытно перебрались на противоположный берег. И чутье нас не обмануло. За мостом оказалась тройная линия окопов, в которых засели беляки. А в селе Чепца притаилась артиллерия.

Мне лично пришлось докладывать разведанную обстановку Николаю Дмитриевичу. Выслушав донесение и прикинув по карте, Томин отдал приказ: к вечеру стянуть к мосту всех конных разведчиков бригады и два дивизиона конницы. Малышевцам поручалось «оседлать» тракт перед мостом, поддерживать

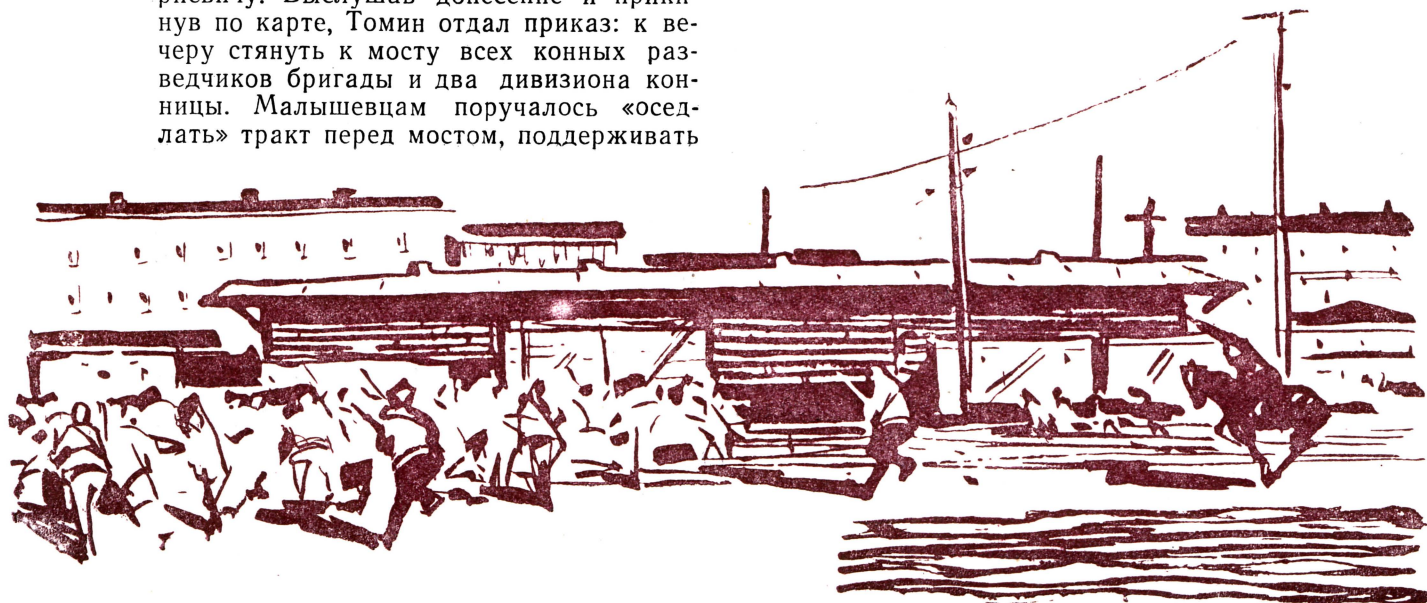
огнем конников, не допустить взрыва моста, а частью сил переправляться левее моста.

На конников Томин возложил задачу: с ходу ворваться на мост, обрушиться на засевших в окопах белых и прорываться к селу, где захватить артиллерию.

Как задумал Томин, так и получилось. Конники рванулись через горящий мост и, прорубившись через боевые порядки пехоты белых, ворвались в село. Артиллерию взяли.

„Химический генерал“

Через десяток дней, переправившись через Каму, мы рубили за Юго-Камском части вновь испеченного колчаковского генерала с причудливой фамилией Ка-

загранди. Казагранди известен был также под кличкой «химического» генерала, так как, кокетничая своими «боевыми заслугами», он носил генеральские погоны, нарисованные химическим карандашом на солдатских погонах.

Этого итальянского проходимца мы помнили еще в полковничьем чине, когда он в письме на имя Томина в конце мая грозился «утопить в реке Кильмези» нашу бригаду. Тогда мы, по совету Томина, написали Казагранди ответ в духе известного письма запорожцев турецкому султану. Публикации текст этот совершенно не поддается, но помнится, что мы пообещали Казагранди при случае соорудить из его «христолюбивого воинства» с помощью наших уральских златоустовской стали клинков отбивные котлеты, да и с итальянскими макаронами в придачу.

Отбивные и бифштекс с макаронами

Спустя всего два месяца после этого обмена любезностями, под вечер 2 августа 1919 года, сводная кавгруппа Томина в составе двух дивизионов 1-го Уральского полка, полка «Красный гусар» и конных разведчиков 2-й томинской бригады совместно с пехотой и частью 4-го Уральского полка под селом Подкорытовым выполнила свое обещание.

В тот вечер томинцы смяли и изрубили колчаковскую конную гвардию, полки «Черных гусар», «Голубых улан», «Сибирских драгун» и пехоту 16-го Ишимского добровольческого полка, командиром которого был пресловутый Казагранди. С ходу заняв тогда город Шадринск, томинцы попутно сгоношили отличный бифштекс из офицеров и солдат Русско-английской бригады, замешкавшихся при погроме шадринского спирто-водочного склада.

Сам Казагранди успел удрать, но ненадолго отсрочил свою гибель. В ноябре 1919 года конники 2-го дивизиона Первого Уральского полка, прорвавшись в тыл белым севернее Петропавловска, настигли «химического» генерала. Этим дивизионом, в котором служило немало наших верхисетцев и сылвенцев, командовал двадцатидвухлетний Константин Рокоссовский.

После того как миновала оперативная надобность в массированных рейдах

конницы, кавгруппу товарища Томина рассредоточили. Однако традиция кавалерийских рейдов в тылы противника осталась в боевой практике конницы 3-й и 5-й армий Восточного фронта. Прославленным мастером их был наш славный комбриг Николай Дмитриевич Тomin.

Н. Д. Тomin в 1920 году командовал сформированной преимущественно из уральцев 10-й кавалерийской Красноуральской дивизией, громившей белополяков и взявшей Гродно и Вильно.

Последняя встреча

Поздней осенью 1923 года на перроне Челябинского вокзала мне довелось в последний раз повстречаться с Н. Д. Томиным... Бойко приглядываясь темно-кариими глазами да изредка прищипывая изрядно поседевшую эспаньолку, он скороговоркой рассказал:

— В прошлом году, командуя Забайкальской группой войск, участвовал в штурме Волочаевки, опять же в соратниках Василия Константиновича, товарища Блюхера... Знатно раздолбили мы тогда и семеновцев и японских самураев-захватчиков... И коли раньше не додумался, так под старость (а было-то ему всего лишь 36 лет) я вступил в ряды РКП большевиков, с которой я накрепко связал всю свою жизнь...

И, как всегда, скромный в рассказах о себе, Николай Дмитриевич ни слова не сказал, что за самоотверженность и беспримерную доблесть Советское правительство наградило его к этому времени тремя орденами Красного Знамени...

Ехал он с группой Забайкальской конницы в Среднюю Азию укреплять Советскую власть — добывать английских наймитов-басмачей...

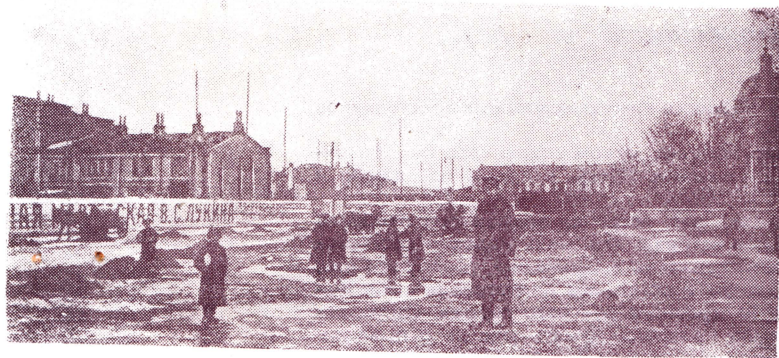
Лишь спустя полтора года мне стало известно, что 12 августа 1924 года в жаркой схватке под каким-то кишлаком в Восточной Бухаре был смертельно ранен и окончил свой боевой путь прославленный командир красной уральской конницы Николай Дмитриевич Тomin.

А. МЕДВЕДЕВ,

член КПСС с 1917 года

Рисунки В. ЖАБСКОГО.

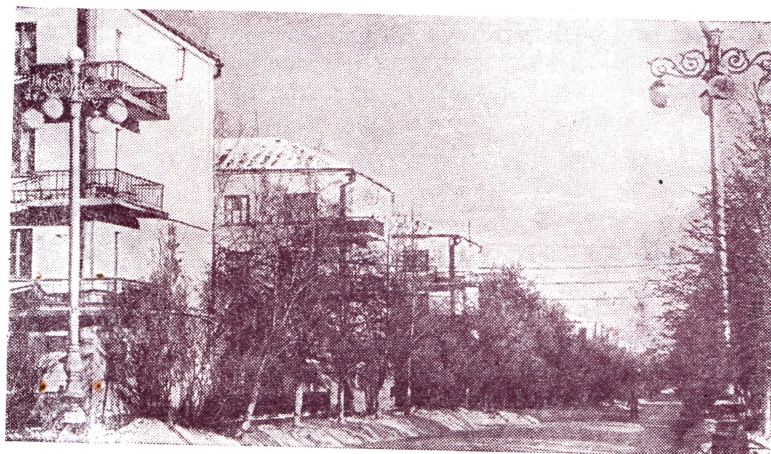
УЛИЦЫ ИМЕНИ ЛЕНИНА

Главный проспект в старом Екатеринбурге.

Улица Ленина в современном Свердловске.

Улица Ильича на Уралмаше.

Две улицы в Свердловске носят имя вождя пролетарской революции. Одна из них, улица Ленина, — главная улица города — находится в центре Свердловска. Другая, улица Ильича, — в Орджоникидзевском районе города.

Улица Ленина не только главная, но и самая первая улица города. Ее центральные участки, пролегающие по современным площадям: Труда, 1905 года и по плотине городского пруда, — возникли вместе с городом. Первоначально, в XVIII веке, она называлась Проспективной, а позднее получила название Главного проспекта.

Все основные этапы истории города связаны с историей этой улицы. По ней проезжали в ссылку Радищев и декабристы, на ней, в здании Уральского горного училища, возник первый в Екатеринбурге социал-демократический кружок, по ней в 1905 году шла первая в городе революционная демонстрация.

А когда свершилась Великая Октябрьская социалистическая революция, победа Советской власти была провозглашена на собрании в оперном театре, стоящем на главной улице. В одном из старейших зданий на улице Ленина велась запись добровольцев в Красную Армию.

Немеркнущее пламя вечного огня перед обелиском в западном конце улицы напоминает о жертвах, понесенных старшим поколением. Мемориал Ленина в центре улицы, на площади 1905 года зовет к борьбе за победу коммунизма.

22 сентября 1919 года на первом заседании городского Совета, после освобождения Екатеринбурга от временной власти белогвардейцев, встал вопрос о переименовании его улиц и площадей. Специально созданная комиссия указывала в своем протоколе, что необходимо «переименовать все главные улицы города в честь вождя пролетарской революции и наиболее видных екатеринбургских товарищей. Кроме того, решено переименовать некоторые площади и ряд улиц, носящих названия, напоминающие умирающий строй»¹.

Комиссия просила трудящихся Екатеринбурга поделиться своими мыслями об этом предложении. В комиссию поступило много положительных откликов. И почти во всех письмах предлагалось: переименовать Главный проспект в улицу Владимира Ильича Ленина. На торжественном заседании городского Совета, посвященном 2-й годовщине Октября, имя Ленина и было присвоено центральной улице.

За годы Советской власти улица Ленина в Свердловске реконструирована. Она получила подземное хозяйство, новое покрытие, озеленение на всем своем протяжении, отлично освещена. Улица застраивается новыми домами. Лучшие старые дома надстраиваются.

По сравнению с улицей Ленина улица Ильича еще очень молодая. Ей всего лишь тридцать лет. Но в Орджоникидзевском районе Свердловска она может считаться одной из старейших, так как возникла в самые первые годы строительства Уралмаша.

¹ «Уральский рабочий» от 27 сентября 1919 года.

НЕ СОСТОЯЛОСЬ!

Рассказ о двух „несостоявшихся“ трофеях

Весной 1947 года мне пришлось быть на процессе немецких военных преступников в Новгороде.

Древний город лежал в развалинах. Только каким-то чудом сохранился белокаменный Кремль, окруженный старинной стеной с башнями. Здесь, в одном из зданий, и проходил суд.

По дороге на процесс, за воротами Кремля, нас встречал знаменитый памятник Тысячелетия России. И это была знаменательная встреча: его лишь недавно восстановили. Фашистские бандиты намеревались увезти памятник в Германию, разобрали его, особо ценные бронзовые части упаковали в ящики, а остальные подготовили к погрузке. Но советские войска выгнали захватчиков из древнего русского города. Организаторам бесчинств и грабежей на советской земле пришлось думать уже не о памятнике, а о спасении своих шкур.

И вот они — перед судом народа.

1.

В вестибюле здания, где проходил суд, разместилась выставка «сувениров»: портсигаров, кубков, вазочек, блюд, которыми командующий 38-м корпусом фашистской армии, генерал артиллерии Курт Герцог, награждал своих офицеров. «Подарки» изготовлялись из ворованного листового золота, которое по приказу генерала содрали с глав величественного Софийского собора.

Заседания суда тянулись с утра до вечера, с перерывами, несколько дней и разматывали сложный клубок преступлений фашистов. Одних свидетелей было около двухсот. Здесь, на процессе, из уст самого Курта Герцога — высокого, с военной выправкой старика — мы услышали, какой военной трофеей готовил он своему родному городу.

Правда, этот трофей «не состоялся», но не по вине генерала, о чем с сожалением он признал на суде под смех всего зала.

— Расскажите, как вы хотели увезти в Германию памятник Тысячелетия России? — спросили бывшего генерала.

Этот вопрос показался нам особенно занимательным, потому что все могли видеть памятник Тысячелетия в целости, на своем месте — на том самом, где он был поставлен в 1862 году в честь тысячелетия основания Русского государства. Правда, сейчас историки доказали, что дата эта неверна — началом истории только самого города Новгорода следу-

ет считать 859 год, а государство у восточных славян появилось намного раньше — в VI—VIII веках.

Под новый, 1943, год генерал Герцог был в Катленбурге. В ратуше «отцы города» устроили чествование «героя» Восточного фронта. Генерал подвыпил, расчувствовался и пообещал привезти на площадь родного города, где не было никакого памятника, трофейный памятник — Тысячелетия России.

Но катленбуржцы обещанного подарка так и не дождались.

— Гитлер виноват, — пожаловался Герцог суду. — Он не дал вовремя железнодорожного состава для перевозки памятника.

Однако к словам бывшего генерала необходимо сделать существенную поправку: не Гитлер «виноват», а наши вооруженные силы, самоотверженный советский народ.

2.

В дни этого же процесса многие вспомнили и о другом несостоявшемся трофее.

Во время своего пребывания в Новгороде гитлеровцы усиленно искали Магдебургские ворота, привезенные как военный трофей новгородцами из Ливонии в 1262 году.

Ворота были установлены в западном входе в Софийский собор. Это замечательное сооружение построено в пер-

вой половине XI столетия русскими зодчими. Огромное белое величественное здание до сих пор вызывает восхищение своей красотой и мощью.

В Софийском соборе хранились самые дорогие реликвии и государственные документы, казна Великого Новгорода, ценные книги и рукописи, новгородские летописи. Сюда свозились и военные трофеи, полученные во время походов новгородцев в Ливонию и Швецию.

Софийский собор был не только местом религиозных служб, но и важнейшим государственным и культурным зданием, памятником истории Великого Новгорода. Естественно, что в него попали как военный трофей и Магдебургские ворота.

Ворота были сделаны в конце XII века по заказу магдебургского епископа. В Ливонию они были завезены немецкими колонизаторами в начале XIII века.

А в 1262 году...

...Прошло двадцать лет со дня знаменитого ледового побоища, устроенного войском Александра Невского ливонским рыцарям на Чудском озере. Но рыцари снова воспрянули духом и стали угрожать владениям Пскова и Новгорода. Осенью новгородцы отправились в поход «великим полком» во главе с князем Дмитрием Александровичем, сыном Александра Невского. После «брани крепкой» главный город Ливонии Дерпт был взят приступом. В числе трофеев оказались и Магдебургские бронзовые ворота, находившиеся в одной из церквей. В Новгороде русские мастера собрали их и установили в Софийском соборе.

На левой стороне ворот можно видеть изображения немецких мастеров Риквика и Вейсмута, сделавших ворота, и русского мастера Авраама, собравшего их из пластин и дополнившего своими изображениями и надписями на русском языке.

Наш мастер увековечил себя своей работой на этих воротах, словно утверждая, что русская работа не хуже немецкой.

Немцам-фашистам, считавшим себя продолжателями дела ливонских рыцарей в их стремлении на восток, с целью захвата новых земель, хотелось вернуть трофей древних новгородцев — Магдебургские ворота — в Германию.

Это в их понимании был своеобразный исторический долг.

Но здесь их ждала неудача.

Из Софийского собора в момент эвакуации были увезены все ценности, которыми он славился. В числе их и Магдебургские ворота. Гитлеровцы, ворвавшись в город, долго искали повсюду славный трофей древних новгородцев. Немцы не предполагали, что русские сумеют эвакуировать все свои культурные богатства. Тем более такую махину, как бронзовые ворота. Поэтому оккупанты решили, что ворота находятся на месте, в Новгороде.

Но где?! В застенках гестапо пытали местных жителей, рассчитывая выведать у них тайну местонахождения ворот. Напрасно! Предателей не нашлось. К тому же ворота в то время были уже далеко на востоке страны, вблизи Урала. Теперь они на прежнем месте, там, где стояли почти 700 лет.

Д. ВЛАДИМИРСКИЙ

1/20 июля ЖИЗНИ

Конкурс
короткого рассказа

В. ВОЛОСКОВ

Ему не поставили памятника. О нем не писали в газетах. Даже родные едва ли знают день и место его кончины. Слишком суровое и хаотическое было время. Потому, приезжая изредка в Свердловск, я прихожу к памятнику Якову Свердлову и снимаю кепку. Иногда нас бывает двое. Мы недолго стоим у гранитного постамента, смотрим на устремленную вперед фигуру. Помолчим, наденем кепки и сливаемся с шумным потоком горожан, спешащих по своим мирным делам.

В начале войны наш старенький дизельный буксир был на время прикомандирован к Таллинскому порту. Мы целыми днями мотались от минной гавани к крупным судам, стоящим на рейде, иногда делали рейсы к мелким островам и к прибрежным базам катеров охраны водного района. На этом, собственно, наши воинские обязанности кончались. Одним словом, — морские извозчики. Стоит ли говорить, что все мы, за исключением разве боцмана Плугина, дружно недолюбливали старую посудину и пытались списаться с буксира, чтобы попасть на настоящий военный корабль. Но грянула война, и всем нам пришлось забыть о своих симпатиях и антипатиях. На буксире установили спаренную зенитную пулеметную установку, на которую я по совместительству был назначен пулеметчиком, и началась новая, тревожная жизнь.

Теперь мы курсировали между Таллином и Кронштадтом. Таскали в доки поврежденные транспорты, буксировали

баржи с демонтированным оборудованием, а чаще всего с людьми.

О, ясные балтийские белые ночи сорок первого года! Какой предательской оказалась ваша прозрачная краса! Фашистские самолеты почти круглосуточно висели над флотскими коммуникациями, прицельно обстреливая, бомбя и торпедируя демаскированные мерклым светом суда. Получая отпор от военных кораблей, стервятники с еще большей жестокостью кидались на небооруженные транспортные тихоходы. Много надо было выдержки, чтобы не сробеть.

Белые ночи! Наверное, никогда вы не слышали столько матросских проклятий. С минных заградителей, подводных лодок и самолетов-торпедоносцев фашисты ставили в море обманки-мины. Обманки эти были разные. Одни пускались под видом пустой бочки или ящика, другие маскировались длинными рыбачьими сетями. Последние были особенно опасны — сверху их не обнаружишь, а призатопленную под водой сеть на винт или руль наматываешь в один миг... А тут еще обстрелы да бомбежки, налеты надводных и подводных кораблей противника. Опасно и тяжело. Особенно тяжело, когда на твоей неуклюжей посудине единственное оружие — спаренная пулеметная установка.

Но наш буксир жил. И был он уже с отметинами вражьих пуль и осколков, был окроплен кровью и убитых и раненых. Из последнего рейса в Кронштадт, куда отводили мы подбитое санитарное судно, вернулся буксир в Таллин без командира и четырех членов экипажа.

Невозмутимый, неразговорчивый боцман Плугин остался за командира. Он, не нагибаясь, оглядел мою простреленную в последней переделке ногу, потер шишковатый лоб и деловито заключил:

— Ходить малость можешь... Значит, до Кронштадта мотористом пойдешь...— и, прислушавшись к далекой канонаде, бушующей на подступах к эстонской столице, озабоченно закатил вверх глаза.— А вот кого к пулеметам поставить — ума не приложу.

— Так я сам еще могу...— попробовал я бодро двинуть раненой ногой и даже вспотел от резкой боли.

— Сиди...— сердито сказал Плугин и продолжал размышлять вслух.— Радиста нельзя... Рулевые не обучены... Второго моториста разве... А если с тобой что случится?... Некомплект так некомплект. А на берегу просить совестно... Вот черда какая...

Его размышления прервал семафор из штаба базы. Вызывали командира нашего буксира.

— Лейтенанта...— по привычке брякнул я.

Плугин не обиделся. Он поглубже, почти на уши, натянул фуражку-мичманку и, медленно сойдя по трапу, зашагал, высокий, худой и очень спокойный. Мы смотрели ему вслед с уважением. Лучшего командира в такой обстановке не надо. Если что и сможет нас спасти в этой кутерьме, то только хладнокровие и спокойствие.

Вернулся наш Плугин неожиданно быстро. И, что самое удивительное, не шел, а почти бежал. За ним косолапо семенял матрос в синей робе, без гюйса и в белом фуражечном чехле вместо бескозырки. От такой невидали, как рысь Плугина, мы с толстым мотористом Бабарыкиным даже расхохотались.

— По местам стоять!— еще с пирса

свирепо рывкнул боцман и одним духом взлетел по трапу.

Бабарыкин скатился, а я сполз, как сумел, в люк машинного отделения.

После спешной заправки горючим, продовольствием и патронами буксир вышел в море, таща за собой крытую баржу. Плугин стоял рядом с рулевым в ходовой рубке, но в его обычном спокойствии появилось что-то такое; напряженное и решительное, что передалось всему экипажу. Еще бы! Возле котловского причала, в двух милях от берега, немецкой подводной лодке удалось похрюпать небольшой пароход. Судно сохраняло еще плавучесть, но своим ходом идти уже не могло. На пароходе эвакуировались семьи военнослужащих и дети из пионерского лагеря. Двести детишек!

Поддав до отказа рычаг регулятора оборотов, я с сердцем обругал наш дряхлый, допотопный буксирный двигатель и, чтобы хоть немного успокоиться, решил хватить свежего воздуха. Выглянув из люка, я увидел новичка. Он сидел около турели и с аппетитом уплетал прямо из банки куриные консервы. На руке, державшей банку, была вытатуирована оленья голова. Веснушчатое лицо парня излучало столько благодушия и довольства жизнью, что я поразился:

«Вот рожа! Там дети гибнут, а он жрет себе...»

— Эй, корешок! Не подавись!— зло крикнул я.— Ребятам оставь!

— Останется...— беззлобно ответил новичок.— Валяй за компанию!

— Небось, сам сожрешь.

— Как хочешь...

Я выполз из люка и стал вызывающе рассматривать его коренастую, плотную фигуру, стараясь показать этим свое презрение к столь несвоевременному обжорству. Он, видимо, понял меня.

— Два дня, браток, не евши... Оголодал...

— Откуда ты взялся?— удивился я.

— С дивизиона торпедных катеров,— охотно откликнулся новичок.— Из утопших, вроде...— широко улыбнулся он, и вскоре я узнал, что торпедный катер, на котором служил Мишка Караваев (так звали новичка) пулеметчиком, потопил в морском бою два транспорта и повредил миноносец противника, но и сам затонул от полученных пробоин, что Мишка единственный из экипажа, кого подобрал наш сторожевой корабль. До сегодняшнего дня он ничего не мог есть — его мучило от огромного количества проглоченной морской воды.

Попал он к нам на буксир случайно, услышав в штабе, что требуется пулеметчик.

Все это Мишка рассказывал с тем же благодушным и улыбчивым выражением

на своей конопатой физиономии. Под конец он доверчиво сообщил:

— На почтамт сегодня случаем заглянул. Там, браток, с первого дня войны телеграмма мне лежала. Сын родился! Понимаешь! Мужичонка!— засиял он.— Я, браток, чувствовал, что мне тонуть нельзя — как-никак, а отец семейства. Понял?

— Понял,— невольно улыбнулся я, заразившись его сиянием.— А ты откуда родом-то?

— Я! Уральский, брат... из Свердловска.

— Ого! А я из Алапаевска.

— Земляк, значит!— восхитился Мишка.— Земляк!!!

— Воздух!— отрывисто скомандовал Плугин, и я сполз в люк машинного отделения.

При перегрузке детей с парохода на баржу и буксир я не присутствовал. Поджав отяжелевшую, непослушную ногу, я сидел возле двигателя, готовый по команде сверху дать нужное количество оборотов. Сидел и ждал. Ждал, кажется, вечность.

И, наконец, в переговорную трубку булькнуло:

— Малый вперед!

Тут же по трапу скатился толстяк Бабарькин.

— Порядок! Лагерь на барже! Семьи — на буксире!

— Полный вперед!

Через некоторое время Плагин вы- звал меня наверх. Струдом таща надна- ноющую ногу, я выкарабкался на па- лубу.

Огромное, багровое солнце сползло к горизонту, окрасив надстройки букси- ра и баржи розоватой каймой. Легкий полубалльный ветерок шевелил на мачте выпел. Небо было ясное, прозрачное, подкрашенное закатным розовым взва- ром. Тумана бы сейчас, благодатного балтийского тумана. Тогда бы обяза- тельно выбрались. Ведь там — где-то не- далеко, у самой кромки горизонта — мелькают яркие точки и доносится сла- бый треск авиационных пушек и пуле- метов. Наверное, нас все же прикрыва- ют. Истребительный заслон есть. На- долго ли только?..

Будто отвечая на мой вопрос, боц- ман кивком указывает мне в сторону ту- рели. Ясно. Я понимаю его с полуслова и ковыляю к Караваяву — вторым номе- ром. Тот цепкой катерной стойкой стоит около пулеметной установки и, лихо сбив свой грязный чехол на затылок, что-то весело рассказывает женщинам. Одной рукой он опирается на пулемет, и мне видно, что вместо традиционного якоря у него на кисти вытатуирована го- лова оленя.

А женщин много. Просто удивитель- но, как наше суденышко могло вместить столько людей. И у всех на руках дети. Из тесного кубрика тоже несетя дет- ский плач. Лица и детей, и матерей серы и бесцветны, конечно, не от грязи... Особенно заметны две женщи- ны. Они сидят на чемоданах прямо у ле- ера, возле нас с Мишкой. Одна, чер- новолосая, худенькая и на вид интелли- гентная, держит на руках девочку лет шести-семи и что-то шепчет, шепчет... У девочки ножка замотана окровавлен- ным вафельным полотенцем, она или спит или без сознания, ее головка со свалывшимся белым бантиком в кашта- новых волосах покоится на плече у ма- тери. Другая женщина, полная и белокура- я, что-то говорит брюнетке, прижимая к себе мальчугана в кепке со сломанным козырьком, говорит — очевидно, утеша- ет. Но та невменяема, она все что-то шепчет, шепчет, а огромные глаза ее полны смертельного ужаса.

А на барже поют! Это удивительно. Я прислушиваюсь к слабенькой вибра- ции детских голосов, доносящихся из от-

крытых люков бар- жи, хочу разобрать мотив и не могу. Зловещий рев над морем бросает нас с Мишкой к пулемету.

Все же два «козла» — пикирующие бомбардировщики «Ю-87» — прорвались. С неубирающимися шасси, похожими на козлиную бороду, они с воем идут нам навстречу. Маневрировать нельзя — сза- ди баржа.

Я смотрю на Мишку, и какое-то уди- вительное спокойствие овладевает мной. Это опять-таки, очевидно, от всепобеж- дающего караваевского душевного рав- новесия. Он весело шуруется в колыцо прицела, и я почему-то не сомневаюсь, что он собьет «козла». И он действи- тельно его сбивает. Это первый сбитый самолет на счету нашего буксира. И мне нисколько не обидно, хотя я до сегод- няшнего дня успел выпустить в небо не одну тысячу патронов. Мы громко орем, гогочем вслед дымному шлейфу, тянущемуся к морской глади, и даже не обращаем внимания на то, как второй бомбардировщик бестолково разряжает свои бомбовые кассеты мимо нас. Плу- гин чуть-чуть улыбается кончиками губ и тянется к вахтенному журналу, но что это... Он уже кричит что-то в пере- говорную трубку, и буксир, как на натя- нутых вожжах, гасит скорость.

Что-то случилось. Дизель заглох, на- труженно зачихав и захлюпав.

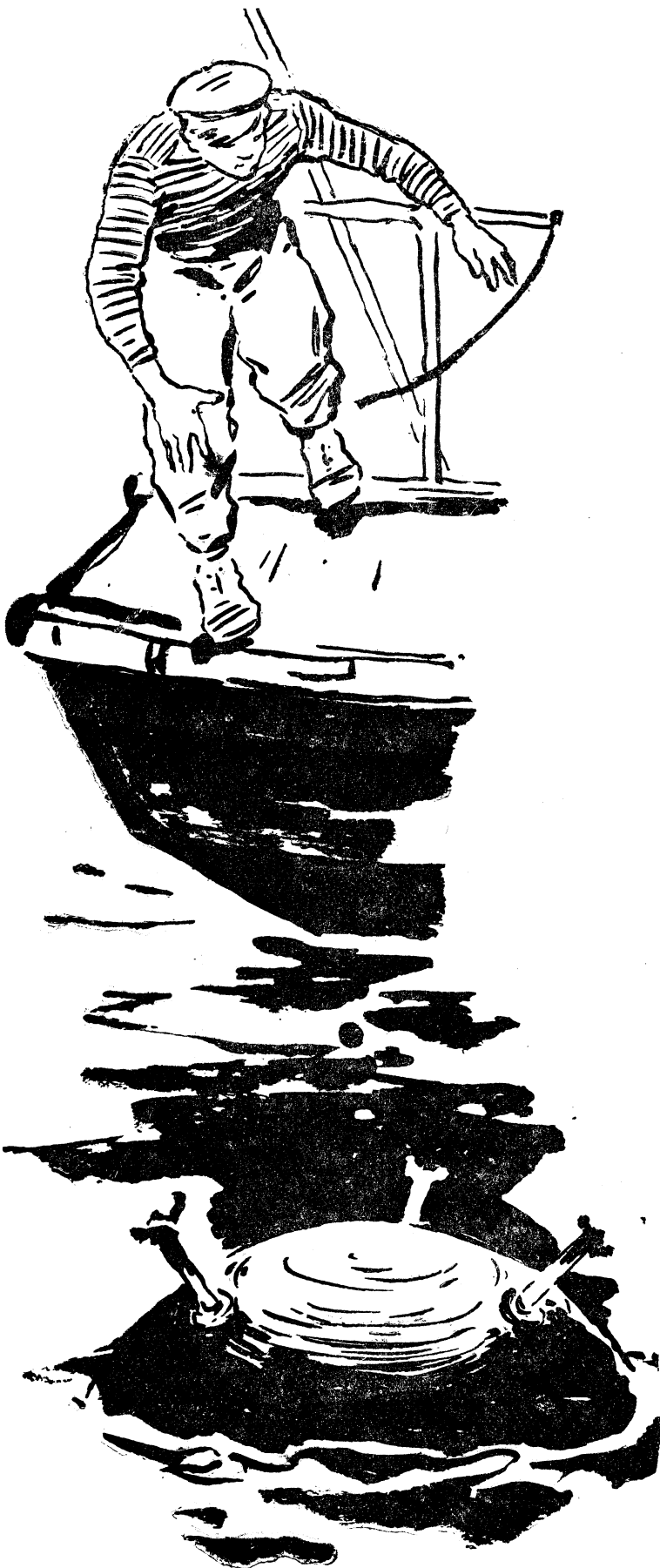
Из люка машинного отделения выле- тает Бабарыкин. Тревожно вращая рас- косыми зелеными глазами, он орет:

— Винты...

Мы гурьбой кидаемся к корме. Холо- док бежит у меня между лопатками, ког- да я бросаю взгляд в зеленатовую рябь за бортом. Это — смерть! Буксир еще чуть-чуть движется по инерции, и сле- дом за ним, в каких-то полутора метрах от кормы, ползет огромная шаровая мина. Ощетинившись рожками-взрывате- лями, она блестит свежей смазкой...

На буксире необычайная тишина. Я оглядываюсь и вижу — почти все женщи- ны стоят, крепко стискивая детей. Они почувствовали по нашему поведению, что случилось страшное. Белокурая женщина уже не уговаривает соседку — она расширившимися глазами смотрит на нас, закрыв ладонью голову мальчон- ки, который уткнулся в ее крутую грудь.

А на барже поют. И сейчас отчетливо слышны слова песни, старательно выводимой детскими голосами.

— Мина-ловушка. С сетью. У нее особенно чувствительны детонаторы, — как бы думая вслух, произносит Плугин.

И в тот же миг коренная фигура в синей робе внезапно бросается в воду. Вместе со всплеском вздох ужаса проносится на буксире. А Караваев уже вынырнул между миной и кормой и, вытянув вперед руки, пытается оттолкнуть от кормы смертоносный шар. Но он не поддается.

— Сеть держит, — ледяным голосом говорит боцман. — Не касайся руками взрывателей... — Он секунду что-то соображает, потом на секунду заскакивает в ходовую рубку и вылетает оттуда с кортиком в руках. — Отвернитесь, — кричит он женщинам, но те его не понимают. — А-а-а... — машет боцман рукой и, быстро раздевшись, сунув кортик в зубы, бросается через леер в воду.

Мне ясно. Он поднырнул к винтам, чтобы освободить их от намотавшейся сети. Сколько это длилось, я не знаю, Плугин нырял, выныривал, отмалчивался на наши предложения о помощи и снова уходил под воду. Караваев по-прежнему не давал мине соприкоснуться с кормой.

На барже перестали петь. Испуганные тишиной детишки и пионервожатые робко выглядывали из люков.

Наконец, Плугин втянул свое жилистое худое тело на палубу.

Одеваясь, боцман уже строго наказывал Караваеву. — Отталкивай ее в сторону... Чтобы баржа прошла... На полкабельтова отойдем — застопорим, плыви на буксир.

— Воздух! — надрывно закричал Барыкин.

Я рванулся к борту.

— Вылазь, Мишка... Давай к пулемету — я ее отбуксирую!

Погружаясь в мелкую морскую зыбь и снова выныривая, Караваев находит в себе силы пошутить.

— Маловат еще... Я как-никак папаша... Куда ты со своим дырявым копытом... Колуном — на дно!

Но я вижу: губы его не улыбаются, на побледневшем лице ярко отпечатались веснушки. Отталкивая оскалившуюся клыками рожек черную тушу мины, он тихо говорит: — Ты, того... в случае

чего... Кланяйся в Свердловске памятнику Свердлову... Якову Михайловичу...

Адрес... Я даже не знаю его адреса. Но спросить сейчас — дать похоронную еще живому...

— К пулемету! — властно кричит Плугин. — Огонь, черт возьми!

И я кидаюсь к турели. Сквозь дым и грохот, обрушившиеся на буксир, моя память почти ничего не вынесла из тех сумасшедших минут. Буксир тронулся, а я вцепился в рукоятки пулемета и открыл огонь. Потом говорили, что налетало на нас всего три «Юнкерса», но мне казалось, что их было гораздо больше. Говорили, что я все же подбил один из них, но я этого не видел. Я помню только оглушительный взрыв где-то совсем рядом, близко, резкий свист осколков и руку... Оторванная рука в окровавленном синем рукаве, с растопырившейся кистью, на которой темнела вытатуированная оленья голова, ударилась о патронные коробки и плюхнулась на палубу у моих ног.

Во время налета была убита одна старушка и ранены несколько детей и женщин. На барже обошлось благополучно. Подоспевшие истребители отогнали хищников и спасли нас.

Мы хоронили убитых на траверсе Шепелевского маяка. Я говорю убитых,

потому что рядом со скрючившимся телом старушки была положена завернутая в военно-морской флаг рука человека, рука военного балтийского моряка, честно и бесстрашно исполнившего свой долг.

Никто не мог сказать, почему взорвалась мина — то ли от шальной самолетной пули, то ли от столкновения с каким-нибудь крупным обломком, каких тогда в море было предостаточно, то ли... И Плугин, и рулевой, и все женщины в один голос утверждали, что один из «Юнкерсов», шедший на бреющем полете почти над самой водой, врезался в водяной столб, поднятый минным взрывом, и, перевернувшись, рухнул в морскую пучину.

Мы похоронили руку со всеми воинскими почестями.

Много лет прошло с тех пор. Но человечья память живуча. Иногда я один, а иногда и вдвоем (Плугин сейчас служит на Камском пароходстве и бывает у меня в гостях) мы едем в Свердловск и, несмотря ни на какие дела, успеваем сходить к памятнику в центре города, чтобы почтить память человека, обдуманно пошедшего на смерть во имя жизни. Мы кланяемся городу, сын которого совершил этот подвиг.

Рисунки В. Бубеницкова

КАЧКАНАРСКИЙ ТОПОР В МУЗЕЕ

Интересные экспонаты с Качканара привезла научная экспедиция Свердловского областного краеведческого музея.

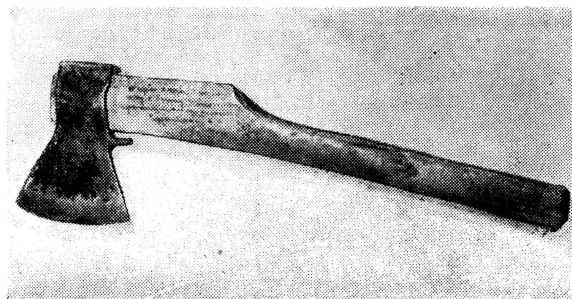
Строители передали участникам экспедиции переходящее Красное знамя строительного участка № 4. В борьбе за это знамя передовые бригады уложили первые 22 тысячи кубометров бетона.

А вот топор. На нем написано: «От первого лесоруба, прорубившего дорогу к будущему Качканарскому горнообогатительному комбинату. Торопицын А. И. 1957—1960 гг.»

Анатолий Торопицын пришел на Качканарскую стройку, когда были трудности с инструментом. Каждый новичок приходил со своим орудием труда.

Принес свой топор и Анатолий Торопицын. Вскоре Анатолий стал первым комсоргом стройки.

Ю. Буранов.

Танталовый

Из записок мечтателя

Г. МИХАЙЛОВ

Рисунки Ю. ЕФИМОВА

Мой интерес к пластмассам, эксперименты с энантовой ниткой, встречи, разговоры с химиками,— все это многие относят к странностям моего характера.

Однако дело совершенно в ином.

По специальности я горный инженер и уже несколько лет работаю над проблемой строительства глубоких шахт в Кизеловском бассейне — от одного до трех километров.

Добыча угля на таких глубинах требует решения многих технических вопросов. Пожалуй, главный из них — подъем угля и людей на поверхность. Стальной канат не выдержит своей собственной тяжести — он будет весить десятки тонн.

Упорные поиски привели меня в лабораторию пластмасс, и там я нашел «волшебный канат». Материалом для него служил желтовато-белый энант: легкий, гибкий и способный выдержать огромную нагрузку.

С тех пор я увлекся пластмассами и стал «человеком со странностями».

Но не только я. Моим соратником оказался главный инженер комбината искусственных тканей Николай Иванович. Этот виртуоз по части структурных формул различных пропиленов и гексанов спал и видел во сне шахты, штреки, комбайны. Он мог часами слушать рассказы о подземных ударах, задавать сотни вопросов о бурении, отпалке. С чего бы это?.. В душе я считал Николая Ивановича человеком со странностями. Но мое увлечение пластмассами, а его — горным делом сделало нас друзьями.

Пари

Однажды в субботу я приехал к Николаю Ивановичу, заранее предвкушая удовольствие от беседы. Между нами существовало неписанное соглашение: хозяин брал на себя скучную обязанность рассказывать, а гостю выпадала счастливая доля быть слушателем.

Николай Иванович на этот раз не развертывал передо мной голубой шелк, не подносил к моим глазам тончайшую капронковую нить — все это я уже видел раньше.

— Рождение искусственного волокна,— сказал мой приятель, точно продиктовал заглавие книги или статьи.

Я приготовился слушать дальше, но он, видимо, не собирался продолжать.

— Рождение? — переспросил я.

— Да.

— Ну и что?

— Может быть, и ничего особенного. Кому как.

— Начинаете с загадок?

— Почему же? Вот этот коллачок и создает нить волокна.— Николай Иванович взял со стола небольшой, похожий на крышку чернильницы предмет и передал его мне.

— Фильера,— сразу же определил я.

— Совершенно верно. Через тончайшие отверстия в фильере продавливается пластмасса и, застывая, дает нить.

— Знаю, дорогой Николай Иванович.

— Знаете, да не все. Материал фильеры?

— Обычно фильеры делают из плавленного рубина.

— А не обычно? Из какого материала эта фильера?

— По-моему, из металла. Белого цвета... Ковкая... Платина?

— Нет.

— Вольфрам? Впрочем...

— Опять нет. Тантал.

— Благодарю за знакомство с одним из редчайших представителей таблицы Менделеева! Между прочим, вам известно, что местонахождение танталовых руд во всем мире — раз-два и обчелся: Боденмайе в Баварии, Пьемонт в Италии, Хот Вьен во Франции? У нас — три-четыре района на востоке. Небогато?

— Нас теперь это не волнует.

— Конечно,— перебил я Николая Ивановича,— вам подавай готовые фильеры. А какой ценой они достаются горнякам и металлургам — вам безразлично.

— Вы ошибаетесь. Дело в том, что мы делаем танталовые фильеры у себя на комбинате.

— Какой же чудак поставляет вам такой дефицитный металл?

— Никакой. Мы делаем фильеры из собственного тантала.

— Еще не хватало, чтобы вы заявили: у нас собственное месторождение танталовых руд.

— Если угодно, да,— совершенно серьезно ответил Николай Иванович.— Только со следующими уточнениями. Не руд, а металла, и слово «месторождение» нужно поставить в кавычки.

— А не поставить ли все ваше заявление в кавычки и оградить его восклицательными знаками? — не скрывая иронии, спросил я.

— Хотите пари?

— Именно?

— Условия следующие: если мое заявление не требует кавычек — вы мне делаете подробнейший доклад о комплексной разработке глубоких горизонтов Кизеловского бассейна, так часов на двенадцать; при наличии кавычек — я вас посвящаю во все тонкости изготовления лавсановых тканей.

— Вы серьезно!? — обрадовался я так легко подвергнувшемуся случаю поэксплуатировать приятеля.

— Вполне.

Я поспешил скрепить предложенное пари рукопожатием.

— О геологии — не меньше двух часов. Я, знаете, люблю геологию,— потирая руки от удоволь-

мёд

ствия, уже заранее начал ставить условия Николай Иванович.

— О структурных формулах я буду иметь честь вас слушать в течение пяти, виноват, шести часов,— начал торговаться и я.— Начнете непременно с изюктана.

— После мощностей, будьте любезны, о разведке,— уже откровенно смеялся Николай Иванович.

— Шерсть из молока... Вы не нанесли еще свое месторождение на карту?

— В этом нет никакой необходимости. Такие месторождения можно организовать в любом месте.

Приступ смеха согнул меня чуть не вдвое.

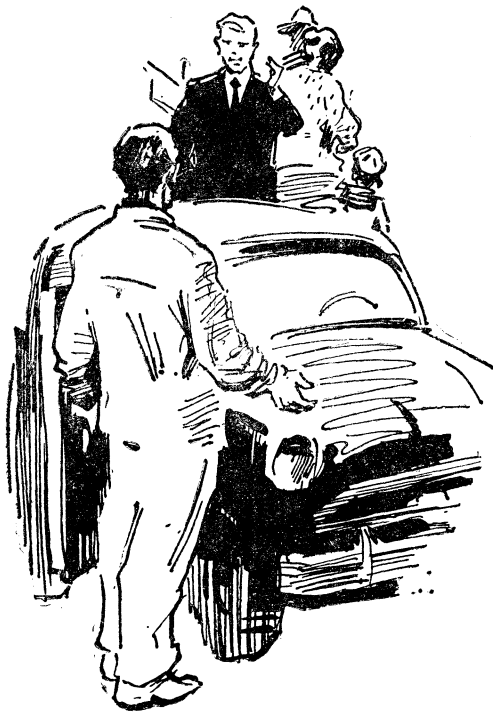
— Месторождения?... Организовать? Ну, знаете, Герберт Уэллс перед вами — младенец.

Пасека комбината

В следующее воскресенье синий «Москвич» Николая Ивановича дал три продолжительных сигнала около моего дома. Мы двинулись по широкому асфальтовому шоссе. Через час Николай Иванович свернул с шоссе и повел свою автомашину по хорошо накатанной дороге вдоль берега речки.

Запахи бензинового перегара и нагретого асфальта теперь сменились ароматом полевых цветов.

— Тронут вашей любезностью! — наклонил я голову в сторону Николая Ивановича.

— Какой?

— Решили вывезти на лоно природы.

— Это попутно. Поездка чисто деловая.

— Как прикажете понимать?

— Едем на танталовое месторождение.

— Начинается?

— Нет еще пока. Начнется за той горкой.

— Я имею в виду: начинается мистификация?

— Мой спутник только хитро улыбнулся.

Преодолев затяжной подъем, «Москвич» с трудом забрался на гребень косогора. Я увидел большую долину, покрытую цветами. И если на переднем плане цветы группировались в правильные розовые и красные квадраты, то дальше они сливались в сплошную алую полосу. Она особенно бросилась мне в глаза: окраска цветочных квадратов все густела — от белой до темно-красной, через тончайшие, но заметные на глаз оттенки.

— Где же ваше танталовое «месторождение»?

— Узнаете, узнаете...

Мы подъехали к воротам. Я прочел вслух небольшую дощечку: «Базовая пасека комбината искусственных тканей».

Открылись ворота. «Москвич» легко покотился по песчаной дорожке к стоявшему невдалеке двухэтажному деревянному дому. Я решил твердо: никаких вопросов! Впрочем, это было не так легко. Огромная территория с растянувшимися до речки рядами ульев, с постройками в виде беседок, с отдельно стоящей на холме радиостанцией, с массой совершенно незнакомых мне сооружений,— все это возбуждало интерес. Однако я человек с характером. Молчок — значит, молчок!

Мы поднялись на второй этаж и пошли по длинному узкому коридору. С обеих его сторон размещались двери — их было не меньше пятидесяти.

— Это наши научные кельи.

Я с удивлением читал названия кабинетов: лаборатория спектрографических исследований, фотолаборатория, биогеохимическая, аналитическая... Лабораторий было много. Николай Иванович открыл одну из дверей, и мы вошли в светлую высокую комнату. Большой стол был сплошь уставлен бутылками и стаканчиками, наполненными не известным мне содержимым: жидкостями разных цветов, студенистой массой и кремом.

Дегуста ... тория

— Это какая тория? — спросил я.

— Дегуста,— Николай Иванович показал взглядом в сторону окна.— Но только с разрешения Ирины Михайловны.

— Ни в коем случае! — раздался протестующий голос.— Текстильщики все воспринимают упрощенно: на глаз, на вкус. Это даже...

— ...неблагодарно,— подсказал Николай Иванович.

— Если угодно,— да. Мы снабжаем вас таким дефицитным материалом, а вы — дегустаторы.

— Стоп! — перебил ее Николай Иванович.

— Что случилось?

— Пока ничего. Никаких несвоевременных сообщений, Ирина Михайловна, прошу вас.

— В чем же дело?

— Излагаю коротко суть вопроса. Наш гость,— Николай Иванович кивнул в мою сторону

ну,— и я поспорили: имеет ли наш комбинат, выражаясь на горячком языке, свое танталовое месторождение...

— Поняла. А посему прошу отведасть нашего меда.

Ирина Михайловна освободила край стола от склянок и поставила два блюдца со свежим медом. Мы пододвинули к столу высокие лабораторные табуреты и принялись за дегустацию.

Мед был сладок, ароматичен, но отличался каким-то странным привкусом.

— Вы знаете, какой это мед? — спросила Ирина Михайловна.

— Упаси бог! — Николай Иванович даже вскопчил с табурета.— Умоляю! Не форсируйте событий.

— По специальности я физико-химик,— так и не сказав, что за мед мы ели, начала Ирина Михайловна.— После окончания института продолжила работу по исследованию редких металлов, но, несколько сузив свою задачу, остановилась на тантале. Вам, конечно, известно, что он тугоплавок, стоек к кислотам и легко поддается обработке. Этим и определяется его ценность в химической и электротехнической промышленности, в медицине.

— Рудные месторождения дают мало тантала — это мне было известно,— продолжала Ирина Михайловна.— Роясь в технических словарях и энциклопедиях, я нашла выражение «селективные концентраторы». Так называются некоторые растения, способные «добывать» из почвы определенный химический элемент и отлагать его в своем организме. В золе плауна, например, обнаружено до пятидесяти двух процентов окиси алюминия. Галмейская фиалка растет только на почвах, содержащих цинк.

Должен же быть такой «селективный концентратор» и у тантала! Может, это дерево, цветок или болотная трава. Но как его отыскать?.. Я чувствовала, что нахожусь на верном пути. Впрочем, это был даже не путь, а скорее дебри, сквозь которые мне предстояло попытаться пройти тропинку.

Сто шесть спичечных коробков

Ирина Михайловна, как и полагается любезной хозяйке, добавила в наши блюдца меда, упомянув при этом про соловья, которого баснями не кормят.

— Итак, я принялась за поиски тантала. Начала с деревьев. Вы не можете себе представить, с какой энергией я собирала и сжигала кору, сучья, корневища сосны, березы, ели, пихты, дуба, бука, рябины и даже яблони и груши. Всех курящих и некурящих моих знакомых я заставляла отдавать пустые спичечные коробки — для них был установлен своеобразный налог. И вот у меня накопилось сто шесть спичечных коробков с драгоценной золой.

Тогда я засела за спектрограф. Мне казалось, что характерные линии тантала буквально через несколько минут появятся на фотопленке. Конечно, думать так мог только самый патентованный профан.

— Ну что вы, Ирина Михайловна! — воскликнул Николай Иванович.

— Именно так. Когда я проявила серию спектральных снимков, никаких линий тантала на пленке не обнаружилось. Провал был полный. Спичечные коробки с золой отправились в печь, а я — на Ильменские горы.

В Ильменском минералогическом заповеднике меня очень любезно встретили. Уже через час в сопровождении симпатичного юноши я рвала цветы на высокогорной лужайке. Юноша с удивлением наблюдал за моим странным занятием и нерешительно рассказывал об ископаемых богатствах заповедника.

— Меня интересуют только месторождения танталовых руд,— уточнила я, сорвав бледно-голубой цветок.

— Вы очень любите цветы,— еще больше смутившись, заметил юноша.

— Одно другому не мешает.

— Здесь тантал находится в пегматитовых жилах,— пожав плечами, начал объяснять юноша.— Но его содержание незначительно, промышленная эксплуатация невозможна.

Я попросила юношу показать мне выходы пегматитовых жил.

Мы обошли небольшой холм и на противоположном его склоне увидели каменные гряды темно-серых горных масс. Бедность растительного покрова сразу бросилась в глаза: на галечниковых россыпях кое-где пробивалась угнетенная травка, по скалам лепились мох и лишайники. Тут я снова поняла, что допустила ошибку и на этот раз более серьезную. Будучи по образованию физико-химиком, я, естественно, ничего не понимала в ботанике. Пожухлая травка, бледные цветочки в трещинах, стебельки каких-то похожих на осоку перьев — все обернулось для меня целым лесом загадок.

Отпустив юношу, я села на камень и задумалась. Какое из окружающих меня растений — селективный концентратор? Да и вообще есть ли он? Но мне оставалось только собирать и складывать в рюкзак мох, траву, цветы.

С целым ворохом присто пахнущего сена я приехала домой. Затем рассортировала ильменские травы, повесила их сушить, а сама засела за учебники по ботанике.

Розовая „кашка“...

Только через три месяца усердного копания в книгах, таблицах и гербариях у меня хватило смелости продолжать работу. Мои травы и мхи были «копознаны», превращены в щепотки золы, снова разложены по спичечным коробкам,— одним словом, приведены в порядок.

Прежней уверенности в успехе у меня уже не было, и поэтому первая серия снимков, в которой не оказалось ни одной линии тантала, в особое уныние не привела. Количество спичечных коробков уменьшалось, а танталовые линии на фотопленке, увы, не появлялись. Наконец, остались последние спичеч-

ные коробки с золой похожего на клевер растения, которое мы все в детстве называли «кашкой».

Заранее ожидая отрицательный результат, я довольно небрежно бросила пленку в ванну с проявителем. Помню, шел третий час после полуночи, я страшно устала и, желая поскорей закончить бесполезную работу, подцепила пинцетом темнеющую пленку, чтобы выбросить ее. Вдруг под мутным слоем проявителя показались полосы. С каждой секундой они проступали все ярче и ярче. Это были спектральные линии неуловимого до сих пор тантала!

Тантал!.. Наконец-то мне открылись его следы! Я начала вспоминать все, что связано с «кашкой» на Ильменском заповеднике. Обнаружились любопытные вещи: «кашка» была непременным спутником пегматитовых жил, причем окраска цветочных шапочек изменялась от белого до темно-вишневого цвета.

К анализу остальных образцов клевера я уже отнеслась с напряженным вниманием. И что вы думаете, все они отметили присутствие тантала! Бросилась в глаза еще одна особенность: чем темнее была «кашка», тем больше в ней содержалось тантала.

Селективный концентратор для моего металла был найден!

Я радовалась от души. Но вскоре выяснилось, что больше причин было для огорчений.

По моим расчетам выходило, что если даже все пегматитовые жилы Ильменского заповедника засеять клевером, то удастся получить около десяти граммов тантала. О таком «сельском хозяйстве» нечего было и думать. Долгое время я считала свое открытие лишенным практического значения, годным лишь для пополнения академического архива.

И все-таки надо было продолжать борьбу! По моей просьбе из Ильменского заповедника мне прислали много семян красной и белой «кашки».

...и гранитная крошка

Думаю, что в сборе семян принимал активное участие и тот милый юноша, который сопровождал меня в первом походе по заповеднику. Потом я ему рассказала о своих планах, и мы растались друзьями. Мой драгоценный семенной фонд был подготовлен по всем правилам сельскохозяйственной науки, в которой я начала кое-что понимать.

В то же время мы с Николаем Ивановичем принялись за заготовку гранитной крошки.

— Зачем? — перебил я Ирину Михайловну и тотчас же раскаялся.

— Побойтесь бога! — воскликнул Николай Иванович. — Вы же горняк!

— Пойдите... гранит... Ага, гранит!.. Ну конечно, некоторые граниты и сиениты содержат тантал.

— Вот эти «некоторые» граниты мы и разыскали. У нас на Урале их, слава богу, достаточно. Словом, к весне мы имели несколько тысяч тонн нужного нам «удобрения», а когда сошел снег, рассыпали гранитную крошку по склонам этой долины.

— Ну, и олух же!.. Олух царя небесного!.. — воскликнул я в отчаянии. — Как раньше не додумался! Так

вот оно, «месторождение» тантала: поля клевера! Миллиарды кустиков «кашки» усваивают из гранитного «удобрения» металл и дают вам «руду». Я проиграл пари.

— Пари вы, конечно, проиграли, но заключение делаете слишком рано, — заметил Николай Иванович.

— Да, очень скоро я снова оказалась в ухабе, — продолжала Ирина Михайловна, — и в таком глубоко, что выбиралась из него целых три года.

— В чем же дело?

— Очень просто. Был клевер, была «руда», как вы ее удачно назвали. Но чтобы добыть тантал, пришлось уничтожить растение. За год мы скопили около сорока гектаров красного клевера, получили из него огромную кучу золы, а из золы — двести граммов тантала. Но технология выделения тантала оказалась очень сложной, потери были колоссальны, и стоимость его превышала рыночную в сотни раз.

«Неужели, — думала я, — мой многолетний труд окончится заключением ученого совета: Работа оригинальна, но практического значения не имеет?..»

Притча про пчелок

Я уже давно позабыл о блюде с медом. Николай Иванович, видимо, тоже. А Ирина Михайловна, передохнув и растворив окно, продолжала:

— Скажу вам по чистой совести, что выхода из тупика я не находила. Обращалась за помощью и к ученым, и к инженерам, и практикам — безрезультатно. Миновало еще два года, но ничего путного не появлялось. Возможно, так и пришлось бы похоронить этот почти не родившийся метод. Но свершилось чудо.

— Чудо?.. — удивился я.

— Устав от бесплодных мыслей, я однажды раскрыла томик стихов Некрасова. Как сейчас помню: страница сто восемьдесят третья. Читаю строки внизу страницы:

*— На-т-ко медку! С караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!*

Мед, пчелы... И тут меня осенило! А что, если воспользоваться клеверным медом? Никакой золы, равномерное поступление продукта без вреда для растения!

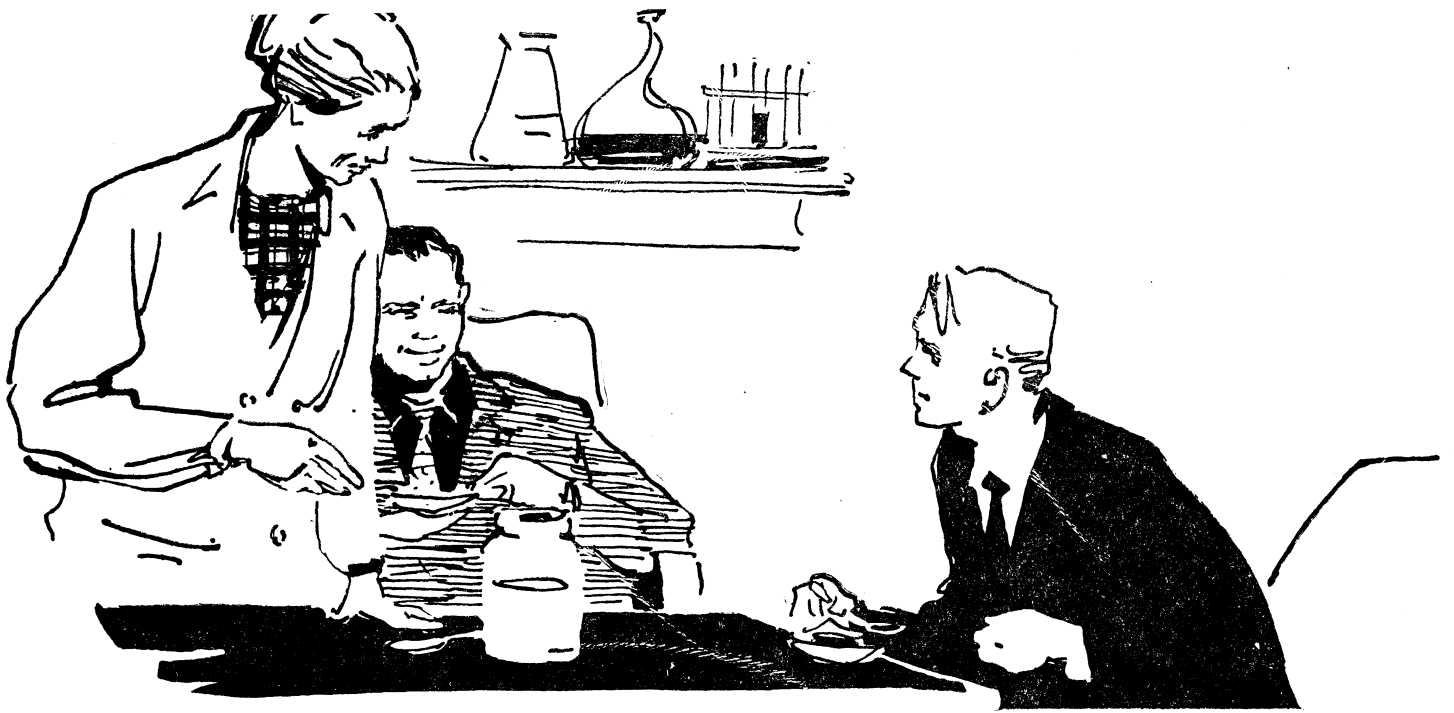
— Что-то вроде сбора сосновой живицы подсочкой? — взволнованно догадался я.

— Примерно, — Ирина Михайловна раскраснелась, еще раз переживая радость неожиданного открытия. — Я рассуждала так: пчелы собирают с клевера пыльцу и нектар, превращают их в мед. Но в меде тоже должен быть тантал! Найдено решение!

— Вы скажете — это была полная победа? И я так думала, но жестоко ошиблась. Очень скоро меня ожидал очередной ухаб, в который я провалилась, как незадачливый актер в люк на сцене. В который-то раз!..

Предыдущие провалы научили меня осторожности. Прежде чем дать окончательное заключение, я высеяла «танталовый» клевер в теплицах одного из пригородных хозяйств. Когда он расцвел, выпустили пчел. Опыт оказался на редкость удачным. Анализ меда показал хорошее содержание металла.

Лишь тогда я сообщила об этом Николаю Ивановичу, и он, со свойственной ему энергией и, простите, поспешностью, принялся за организацию промышленной пасеки. Я же продолжала свои опыты.

Как легко с помощью карандаша, бумаги и логарифмической линейки получить замечательные результаты! Казалось, я учла все: и количество миллиграммов нектара, которые собирает пчела за один полет, и среднее число вылетов всех пчел улья за день, и даже количество летных дней за сезон. Получилось здорово: за лето — 400 граммов тантала!

Николай Иванович, уже приступивший к заготовке строительных материалов для пасеки, повторил мои расчеты. Мы были в восторге, не подумав даже, что уподобились двум охотникам, которые делают шкуру неубитого медведя.

Но вот, наконец, сошел снег, и наша новенькая, как с иголки, пасека проснулась: вылетели первые пчелы. Пока еще не зацвели дялики клевера, пчелы летали на вербы и ранние цветы. Работали они дружно — с каждым днем соты наполнялись душистым медом.

Наконец, зацвел клевер. И вдруг... Вдруг сбор меда катастрофически уменьшился.

Я растерялась.

*Про кавказских пчел,
танталат натрия и о том,
как я, проиграв пари,
готовился к докладу*

Пришлось пригласить ученого консультанта.

— У вас на пасеке — среднерусские темные пчелы с коротким хоботком. Они не могут брать нектар из глубоких цветочных трубочек клевера, — сказал тот.

— Что же делать?

— Доставать светлых кавказских пчел с длинными хоботками.

Так у нас пропал целый сезон. Но к следующей весне мы привезли десять пчело-семей мингрельской породы. И получили от них к осени семьсот килограммов меда. Анализ показал: это даст 200 граммов тантала.

С победой поздравлял меня весь комбинат. Но, наученная горьким опытом, я не принимала поздравления. И оказалась правой — впереди был еще один «ухаб», к счастью, последний.

Из семисот килограммов меда нужно было извлечь 200 граммов металла. Но как?.. Уничтожить весь мед, превратить его в золу? Во-первых, на это не поднимались руки, а, во-вторых, такой варварский метод был просто неэкономичен.

Но тут уж я находилась в своей стихии. Мед мог содержать металл только в виде растворимой соли, а такой могла быть единственная соль — танталат натрия. Выделение его свелось к довольно простой операции. А лишенный тантала мед продолжал служить людям по-своему.

— Так через шесть лет после начала работы мы создали искусственное «месторождение» одного из редчайших металлов. А теперь, простите, я вас ненадолго оставлю. Текущие дела... — и Ирина Михайловна торопливо вышла из дегустатория.

Свой доклад я решил начать так:

Впервые о каменном угле в Кизеле сообщил в 1765 году крепостной крестьянин Михаил Горюнов. С тех пор добыча угля в уральском городке ведется непрерывно. Это месторождение и дальше послужит народу.

Но то, что я увидел у вас, дорогой Николай Иванович, заставляет говорить о совершенно новой эпохе в горном деле: не только о разработке открытых, но и о создании своих, нужных человеку «месторождений».

И как радостно мечтать об этом, мучаться над этим, приближать это!..

НЕФТЯНОЙ КАРЬЕР

Б. ЦЫВЬЯН

Поезд Богословск—Свердловск дробно простучал на выходных стрелках и набрал скорость. Как всегда в начале пути, соседи по купе еще продолжали затеянные прежде разговоры.

— Эх! Больно уж дело неизвестное,— сказал один из них.

— Да вы, Сергей Николаевич, напрасно тревожитесь,— отозвался его собеседник.— Железнодорожный карьер — почти то же, что и угольный. А если бы вас на нефтяной карьер послали?..

Признаюсь, выражение «нефтяной карьер» мне показалось непонятным. Нефть — жидкость. Ее поднимают по скважинам насосами, перекачивают по трубам, перевозят в цистернах. Но черпать ковшом экскаватора?.. Наверное, это все равно, что решетом воду носить.

Однако после разговора с соседями по купе это мнение решительно изменилось. А еще через несколько дней, заинтересовавшись, я побывал в гостях у одного из собеседников — главного технолога отдела открытых работ Свердловского института «Уралгипрошахт» Петра Ивановича Иванова.

В светлом помещении с окнами во всю стену сидело два десятка инженеров-проектировщиков. Одни, склонившись над чертежными комбайнами, чертили на свежих листах ватмана, другие сосредоточенно вели подсчеты на электрических вычислительных машинах. Третьи громко спорили. В центре этой группы и оказался Петр Иванович.

— Проходите, пожалуйста. Мы еще только начинаем работу над нефтяным карьером. Она обещает быть интересной. Так ведь, Виктор Леонтьевич?

— Интересная-то интересная, но все-таки необычная. Мы, по правде говоря, привыкли к угольным карьерам,— отвечает старший инженер Яковлев.

Беседа наша затянулась. Передо мной постепенно вырисовывалось то, что сейчас рождается здесь, в стенах проектного института. Рождается пока в виде эскизов, наметок, проектных соображений. Затем они превратятся в чертежи на хрустящих листах ватмана, расчетно-пояснительную записку, спецификацию оборудования, различные сметы. А только уж потом проекту нефтяного карьера суждена будет долгая жизнь на земле.

— В старину люди считали, что нефть под землей стоит озерами,— говорит Петр Иванович.— Но это не так. Нефть, как вода в губке, заполняет пустоты в пористых породах: песчанике, известняке, песке.

Много лет тому назад нефть вычерпывали из неглубоких колодцев ведрами и бадьками. Выкопают колодец, нефть потихоньку и просачивается в него. Это, если можно так выразиться, первый, примитивный «открытый способ». С тех пор скважины ушли глубоко под землю. Но появилась необходимость и в открытом способе добычи нефти.

Месторождение, которое собираются разрабатывать таким образом, находит-

ся в Ухтинском районе, Коми АССР. Называется оно Ярегским и открыто еще в 1932 году.

Уже в те годы месторождение было детально разведано. Но добычу нефти наладить там никак не могли.

Месторождение оказалось на редкость «упрямым». Несмотря на мощный нефтяной пласт, достигавший семидесяти метров, несмотря на то, что пористый песчаник был весьма пропитан нефтью, откачать ее насосами не удавалось. Слабое пластовое давление, вязкая нефть, множество малопроницаемых прослоек создавали неодолимые преграды для нефтедобытчиков.

Тогда в 1937 году на Ярегском месторождении впервые в Советском Союзе была заложена нефтешахта. Скважины, пробуренные из горных выработок — подземных коридоров, стали понемногу отдавать нефть.

В настоящее время на Ярегском месторождении работает не одна, а три нефтешахты. За двадцать с лишним лет работы на месторождении пройдено свыше пятисот километров подземных коридоров, получено несколько миллионов тонн нефти.

Но, к сожалению, и шахтный метод добычи нефти крайне невыгоден. Ученые подсчитали, что подземными скважинами можно извлечь лишь пять процентов всех запасов нефти: ту ее мизерную часть, что находится не в самом песчанике, а в нарушениях пласта, разломах и трещинах. Геологи так и называют эту нефть — «трещинной». Можно сказать, почти все запасы «черного золота» остаются в земных тайниках.

На первый взгляд это кажется даже невероятным. Месторождение эксплуатировалось два десятка лет, а по сути дела, оно еще почти не тронуто!

Как же в песчанике удерживается нефть? Оказывается, эта горная порода состоит из бесчисленного количества отдельных песчинок, размером в три-четыре миллиметра. Каждая песчинка, так сказать, «обернута» пленкой нефти. Кроме того, нефть содержится в небольших пространствах между отдельными песчинками. Связь нефти с многочисленными песчинками настолько сильна, что насосы не могут порвать силы сцепления.

Нефтяной пласт залегает на глубине 150 метров. Чтобы добраться до него, придется убрать лежащие сверху пустые

породы. Нефтяной карьер Ярегского месторождения будет одним из самых крупных карьеров нашей страны. Достаточно сказать, что за восемь лет строительства будет вывезено 130 миллионов кубометров пустой породы — почти столько же, сколько потребовалось для создания котлована грандиозной Сталинградской гидроэлектростанции.

Какие землеройные машины будут помогать горнякам?

Проектом предусмотрено два варианта механизации земляных работ. Пока трудно окончательно остановиться на одном из них. По первому варианту помощниками горняков будут тяжелые скальные экскаваторы. Они погрузят песчаник в 95-тонные самоходные железнодорожные вагоны, которые доставят его на обогатительную фабрику. По второму варианту за дело возьмутся мощные многоковшовые экскаваторы. В этом случае доставлять песчаник на фабрику будут ленточные конвейеры.

Дальше надо будет отделить нефть от песчаника. Этим и займется обогатительная фабрика. Корпуса ее дробильного и флотационного отделений тоже видны на чертежах проектного института.

Нефтеносный песчаник, поступивший с карьера, должен быть превращен в песок. Для этого проектировщики думали применить шаровые мельницы. Они хорошо разрушают песчаник. Но...

Петр Иванович быстро взял лист чистой бумаги и несколькими размашистыми штрихами набросал разрез мельницы и схему строения песчаника.

Характерно, что когда проектировщику нужно что-нибудь объяснить, он предпочитает воспользоваться эскизом, схемой. И не потому, что слова не объясняют существа дела. Просто чертеж — язык инженера, четкий, ясный и всем понятный.

...Беда в том, что стальные шары мельниц не только дробят песчаник, но и разламывают мельчайшие песчинки. Нефть при этом обволакивает разрушенные песчинки так прочно, что отделить ее уже невозможно. Пришлось отказаться от применения шаровых мельниц. Наилучшие результаты получатся при использовании молотковых дробилок. Они аккуратно размельчают песчаник и превращают его в нефтеносный песок.

Дальше песок смешивается с водой. Мощные землесосные установки на-

правляют эту смесь в длинный трубопровод. В трубах на большой скорости вода совершает важную работу: она срыывает с песчинок нефтяную пленку! Теперь классификаторы и другие аппараты отделяют вначале песок, а потом воду от нефти.

Из каждого кубометра нефтеносного песчаника Ярегского месторождения извлекается пятьдесят килограммов нефти высокого качества. Она не замерзает даже при сорокаградусных морозах. Из такой нефти получают отличные смазочные масла для работы механизмов в суровых условиях Урала, Сибири и Крайнего Севера.

Открытый способ добычи нефти...

У него огромные перспективы. С его помощью на отработанных и брошенных месторождениях, где нефтеносные пласты расположены близко от поверхности земли, появятся экскаваторы, самосвалы, конвейеры. К старым промыслам вновь вернется «молодость». И необычные сейчас нефтяные карьеры превратятся в узаконенные горные предприятия.

Пока нефтяной карьер, один из первых в Советском Союзе, рождается на бумаге, в обсуждениях и раздумьях проектировщиков. Но и сейчас чувствуются его могучие «плечи»: совершенная техника, принципиально новые инженерные решения. Открытый способ добычи нефти выходит на широкую дорогу семилетки!

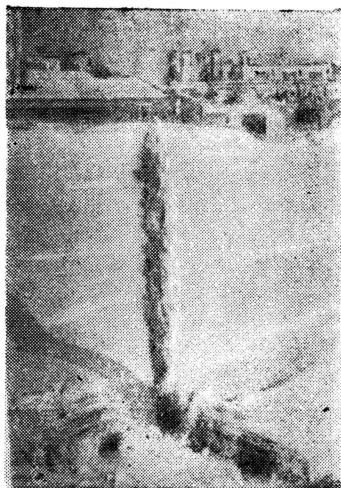
из блокнота следопыта из блокнота следопыта из блокнота следопыта

СНЕЖНЫЙ СТОЛБ

Этот снежный столб я снял на реке Пышме. Летом здесь было скопление бревен, образовался небольшой порог, вода сильно бурлила и пенилась. А зимой она выбилась из-под льда в виде пены и замерзла. Столб замерзшей пены постепенно рос. Высота его достигла двух метров, диаметр — 20—25 сантиметров. Внутри была пустота.

Таких столбов образовалось несколько, но мне удалось сфотографировать только один.

ВЛАДИМИР КОРОЛЬ,
ученик 7-го класса

ДОМА ИЗ ОТХОДОВ

Строился новый жилой дом. Явление в наши дни обычное. Но дом привлекал внимание ученых, инженеров, около него подолгу с любопытством простаивали прохожие.

Дом поднимался необычайно быстро. Стены подвозились готовыми и тут же без особого труда устанавливались на свои места. Они изготовлялись из золы, которую в огромном количестве доставляли с Челябинской теплоэлектроцентрали.

Долго работала группа инженеров и ученых над технологией приготовления безавтоклавного газозолобетона. В результате большой исследовательской работы изготовили 262 вида различных составов.

Вскоре на Челябинском заводе железобетонных изделий получили первые детали из газозолобетона — стены жилых домов.

* * *

А в Огрском леспромпхозе, Латвийской ССР, дома строят из сучьев. Долгое время отходы лесозаготовительного производства — сучья, пеньки, ветви срубленных деревьев — в леспромпхозе

считались ненужными отбросами. Недавно работники леспромпхоза, специалисты научились из этих отходов изготовлять блоки, которые пошли на возведение стен жилых домов.

ПЛИШКА

В десятом номере журнала, в заметке Николая Николаевича Хрущева «По следам слов» я прочитал, что михайловские рыбаки трясогузку называют ледоколкой, а в нашем, Манчжжском, районе, Свердловской области ее зовут плишкой. Но в то же время плишка — самая обычная плоская галька. Если с силой бросить ее горизонтально по воде, то она быстро скачет по водной глади до тех пор, пока, потеряв скорость, не потонет.

Трясогузка любит летать над самой водой. Всплеснув крыльями, она взмывает вверх, словно отскакивает от воды, и, описав, подобно брошенной плишке, дугу, делает новый взмах и так — несколько раз. Полет трясогузки очень напоминает полет брошенной в воду гальки.

В. БОРОВКОВ

ЧЕЛОВЕК В ЦИСТЕРНЕ!

Застоявшуюся тишину палаты нарушил легкий скрип двери. В палату вошел коренастый мужчина в больничной пижаме. Он осторожно подошел к одной из коек, где лежал юноша лет восемнадцати, с бледным, чуть-чуть темнее белоснежной подушки лицом.

— Володя, спишь?

Юноша медленно открыл глаза.

— Геннадий Иванович! И вы?..

— Вместе веселее будет,— шутливо ответил мужчина.— Не умрем— жить будем... Еще раз в цистерну полезешь...

— Но я же хотел...— виновато начал Володя.

— Хотел... Задать бы тебе трепку, да ладно, еще успеется.

Мужчина деловито устроился на соседней койке.

— Да, если б не вы...— в раздумье проговорил голубоглазый юноша.

I

День выдался жаркий. От земли, плотно утрамбованной автомашинами, несся густой бензиновый запах. На подъездных путях автобазы, будто захваченная в плен невысоким деревянным забором, чуть наклонно стояла лоснящаяся на солнце четырехосная цистерна. На самом верху ее, держась руками за поручни лестницы, стояли два человека: бензоправщик Геннадий Иванович Яковлев и слесарь-прицепщик Володя Шипулин.

— Ну, что будем делать, Геннадий Иванович?— нерешительно спросил Володя. Совсем молоденький, он ждал совета более опытного Яковлева. Собственно, юноша мог бы уже уходить— его смена окончилась. Но как с цистерной?..

Цистерну не приняла весовщица— из-за наклона в ней остался этилированный бензин. Как ни старались Володя с Геннадием Ивановичем— шланг не доставал до злополучного места.

— Что делать будем?— повторил вопрос Володя.

— Примут, куда денутся,— провел пальцем по выгоревшей светлой брови Яковлев.— Погоди, машина подошла, заправить надо. Вернусь, что-нибудь придумаем.

И он стал тяжело спускаться по узенькой лестничке.

Володя остался один. Солнце спряталось за ватное облачко, и ненадолго все вокруг потемнело. На просторной площадке перед гаражом было пустынно.

«А чего ждать?— вдруг подумал Володя.— Спустишь со шлангом— и все! Вот удивится Геннадий Иванович!».

Он решительно открыл люк. От запаха бензиновых паров защекотало в носу. Володя поморщился и на секунду остановился. Потом взял в руку шланг с насосом и начал осторожно спускаться в густую, насыщенную ядовитыми парами темноту...

II

Окончив заправку машины, Яковлев, вытирая на ходу руки, подошел к цистерне.

— Володя!..— окликнул он напарника. Но тот не отозвался. «Куда запропастился?..»— с досадой подумал Яковлев.

И вдруг увидел открытый люк цистерны со спущенным внутрь шлангом.

Не помня себя, он одним махом взобрался на цистерну. Да, шланг уходил вглубь...

— Володя, Володя!..—тревожно закричал он. Цистерна молчала. А по лестнице, услышав крик, уже поднимался шофер Копылов.

— Что случилось?

— Человек в цистерне! Задохся, наверное. Выход один — спускаться!

— Куда ты, оравшись! Надо вызвать скорую! — воскликнул Копылов.

Яковлев глубоко вдохнул воздух и, задержав дыхание, скрылся в узком люке.

Дно цистерны было мокрым, скользким. Рядом ничего не видно из-за густого белесо-серого облака ядовитых паров. Схватившись за шланг, он осторожно пошел, сдерживая дыхание. «А если не выберусь?» — мелькнула запоздалая мысль.

К горлу подступил ком. Мучительно хотелось вздохнуть. Напряженный до боли взгляд разлился в густом тумане темное пятно. Вытянув свободную руку, он приблизился к нему. Рука ощутила человеческое тело. Наконец-то!..

Он потянул Володю на себя. Пригнувшись, не отрываясь от спасительного шланга, волоком потащил за ногу к люку. Вдруг с ноги Шипулина сорвался ботинок. Яковлев потерял равновесие и ударился о мокрое ржавое дно цистерны.

«Ах, черт, вздохнул!» Он крепче ухватил безжизненное тело и потянул к спасительному кружочку света.

«Еще, еще немного», — твердил он про себя, чувствуя, как с каждым шагом теряет силы. Вдруг белесое облако вначале медленно, потом все быстрее и быстрее закружилось перед глазами. Промелькнули какие-то обрывки мыслей, а внезапно навалившаяся тяжесть тянула книзу.

Последним усилием воли он стяхнул оцепенение и бросился к лестнице

III

К концу рабочего дня начали возвращаться из рейсов грузовики. Шоферы передавали машины сменщикам. В равномерно журчащий говорок вдруг ворвался резкий отчаянный крик.

— На по-о-мощь! — кричали двое, метавшиеся вокруг открытого люка цистерны.

Первым оказался рядом шофер Владимир Тушин. Открытое, всегда приветливое лицо его стало жестким, встревоженным. Не теряя времени на расспросы, он сразу скользнул вниз.

Человек уже лежал неподалеку от люка. Он подтащил его к лестнице, внимательно осмотрел: жив ли? Еле заметно двигался кадык. «Жив!» — легче стало сдерживать дыхание.

Он взглянул вверх. Узкая, почти вертикальная лестница упиралась в ярко-голубой кружочек неба. В кружочке виднелись головы что-то кричавших товарищей.

«Очень крута лестница, без веревки не вытащить», — моментально прикинул Тушин.

Выбравшись наверх, побледневший и задышающийся, он сорвавшимся голосом крикнул:

— Еще не поздно... Веревку!

Все, кто был, бросились в разные стороны. Послышался тонкий, раздражающий скрип железа о железо. Кто-то пытался обрезать стальной канат крана.

— Шланг! — вдруг крикнул один из шоферов и побежал к своей машине.

Долгие секунды ожидания. Молодой шофер Виктор Пискунов не выдержал. Нетерпеливо махнул рукой и исчез в цистерне.

И опять напряженное ожидание. Застыли склонившиеся над люком лица. Люди видели, как сухощавый Виктор взвалил на руку безвольное тело, а другой ухватился за перекладину лестницы.

Одна перекладина, вторая, третья... С каждой ступенькой тело, казалось, становилось все тяжелее. Поднявшись до половины, Пискунов вытянул руку.

Несколько человек попытались удержать ее. Но рука вдруг исчезла.

Вместо нее показался сам Виктор. Судорожно вдохнув свежий воздух и схватив шланг, он снова нырнул вниз.

Резкий сигнал шлангом — поднимайте! Десяток рук ухватилось за шланг. Медленно, так, что, как жется, и конца не будет, тянется резиновая трубка. Тяжело дышит еще не пришедший в себя Яковлев. Напряжено мокрое, залитое потом лицо Тушина. Счет — на секунды. От них зависит человеческая жизнь.

Наконец! И вот эти самые руки бережно опускают Володю Шипулина на землю, такую яркую, спасительную, прогретую солнечным и человеческим теплом...

* * *

Геннадий Иванович Яковлев снова вошел в палату. Но был он уже в белом халате, под которым виднелась обычная одежда.

— Ну, я свое отлежал, — погрощался он с Володей Шипулиным. — Поправишься, приходи ко мне. В Дом отдыха вместе поедем, путевки уже в завкоме.

Володя протянул слабую еще руку.

— Счастливо, Геннадий Иванович. Спасибо за все...

— Вот еще, — Яковлев даже смутился. — Погоди, выздоровеешь — такую взбучку дам!

И оба они согласно и дружелюбно рассмеялись.

М. ЕПИМАХОВА

Памятники природы
Свердловской области

ГРАНИТНЫЕ ПАЛАТКИ

Мы идем лесом, знакомым уральским лесом, и видим среди сосен странные серые скалы, лежащие правильными пластинами с округлыми краями. Слои как будто наложены друг на друга и образуют целые гряды, столбы, стены. Если подойти к ним поближе, можно увидеть и круглые ниши, будто выдолбленные искусным мастером-камнерезом, сквозные щели, гроты, а порой и причудливые очертания зверей, птиц или даже человеческого лица...

Кто этот мастер, скульптор, камнерез? Какой великан, играючи, сложил все эти каменные постройки? Природа! Каменные останцы, или как их называют у нас на Урале — «палатки», — это замечательные памятники природы. Их много особенно на Среднем Урале, где очень распространены гранитные породы. Именно гранитам свойственна так называемая «матрацевидная» форма скал.

Как же происходит образование «каменных палаток»? Когда-то, много мил-

лионов лет назад, когда под давлением внутренних сил земли мощные пласты морских осадков образовывали складки, поднимаясь над гладью древнего моря, тогда в глубинах Урала, охлаждаясь, застывали расплавленные граниты. Они образовывали огромные бесформенные массивы, покрытые пластинами известняков, песчаников, глин.

Шло время, менялись геологические эпохи, горы разрушались под действием ветра, солнца, воды; породы, покрывавшие гранитные массивы, превращались в рыхлые осыпи и уносились текучими водами, и все ближе и ближе к поверхности земли становились некогда глубокие массивы. Разрушался, становился все ниже стареющий Урал, и вот настало время, когда верхние части гранитных массивов обнажились на поверхности, выступили из-под покрова осадочных пород. Плотные, устойчивые, граниты разрушаются гораздо медленнее, чем окружающие породы, и на вершинах гор образовались выступы, продолжавшие выветриваться.

По трещинам гранита, возникшим еще в глубине от сильного внутреннего давления, разрушение шло быстрее. Сюда проникал воздух — теплый летом и морозный зимой, просачивалась вода, сюда приносились пылинки, образующие слой почвы, тут укреплялись и росли различные растения. Сглаживались острые углы и края, маленькие трещины становились большими, от общего массива отделялись небольшие скалы, постепенно разрушаясь все больше, и, наконец, гранитный массив принимал тот характерный вид, который нам так знаком в окрестностях Свердловска и в других местах Среднего Урала — скалы так называемой «матрацевидной» формы.

Совершим небольшое путешествие по нескольким таким природным памятникам — свидетелям прошлого Уральских гор.

К северо-востоку от центра Свердловска, на окраине Втузгородка, в 800 метрах от конечной остановки трамвайного маршрута находятся Шарташские Каменные Палатки. Сейчас совсем нетрудно добраться до этих скал; в летнее время сотни тысяч жителей города Свердловска проходят мимо них, направляясь на озеро Шарташ. А когда-то

Каменные Палатки находились в густом лесу, в отдалении от города Екатеринбурга, и на их гранитных ступенях собирались революционные рабочие Урала на нелегальные собрания и маевки. С вершины этих скал выступал с пламенными речами вождь уральских большевиков Я. М. Свердлов. Об этом напоминает мемориальная доска, установленная здесь. Остановимся, обойдем вокруг «палаток», посмотрим, что интересного они нам расскажут...

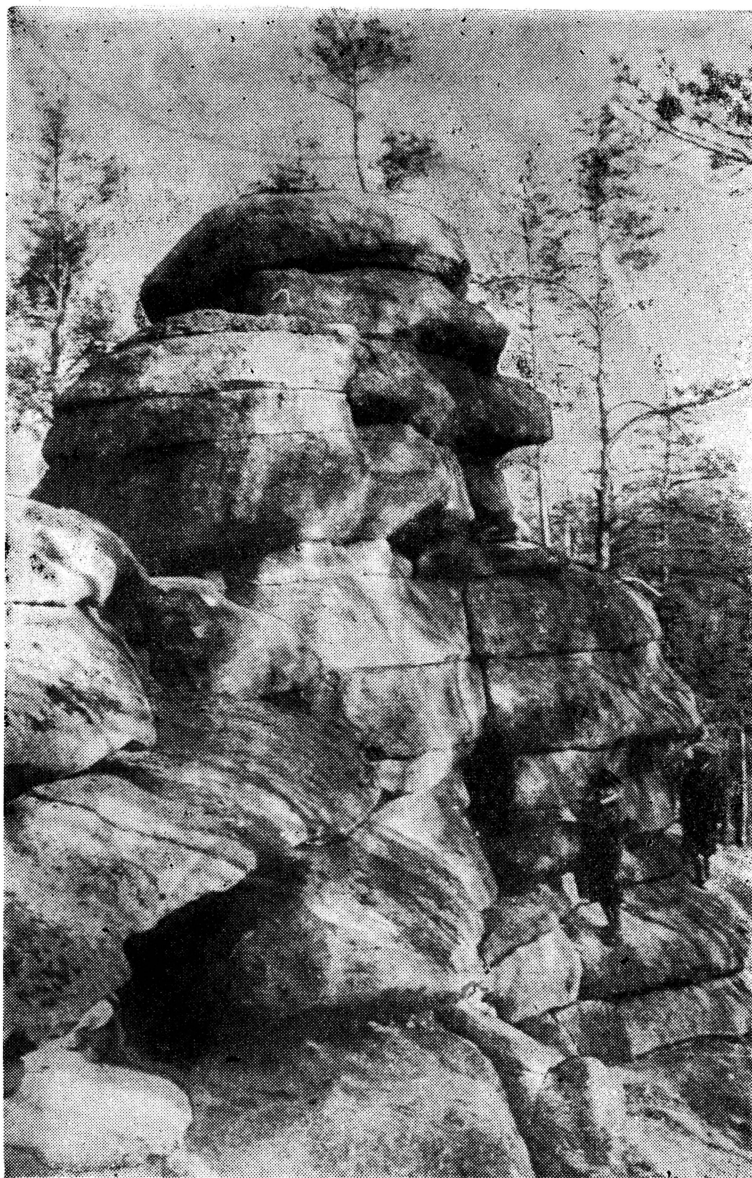
Наше внимание, конечно, привлекут многочисленные деревья, растущие прямо на голых скалах; их могучие корни тесно вросли в плотный гранит, переплетаясь между собой. Как живут эти сосны, как они смогли внедриться в твердый гранит? Посмотрите внимательнее, и скалы вам ответят на эти вопросы.

Вот растет на отвесной скале в маленькой трещинке молодая сосенка. Занесло ветром семечко, попало оно в трещину и стало прорастать; засыпало его мелкой пылью, но пробивалась вверх сосенка, тоненькие корешки проникали в мельчайшие поры породы, вытягивали из нее питательные вещества, становились больше и в свою очередь расширяли трещину. Так будет и с этим маленьким деревцем, и если не обвалится оно вместе с обрушившейся скалой, то станет большим и сильным.

На восточном краю гранитной гряды можно увидеть, как под силой давления растущего дерева приподнимаются тяжелые гранитные плиты, становятся наклонными из горизонтальных. Так медленно, но неизменно разрушают растения плотные каменные породы. Кроме деревьев, на склонах растут кустарники, травы, мхи, лишайники. Все это — разрушители скал.

Подойдите к южной стороне Каменных Палаток: сколько здесь круглых, почти геометрически правильных ниш различного диаметра. Кто выточил их? Предполагают, ветер. И даже не сам ветер, а те песчинки, которые он нес с собой, ударяя о скалы. Сначала песчинки задерживались в маленьких выбоинках, потом углубление делалось больше, песчаные вихри вытачивали его все глубже, образуя круглые ниши. Вода и талый снег стекали сверху по склонам, сглаживая выступы, образуя характерные закругленные края слоев гранита.

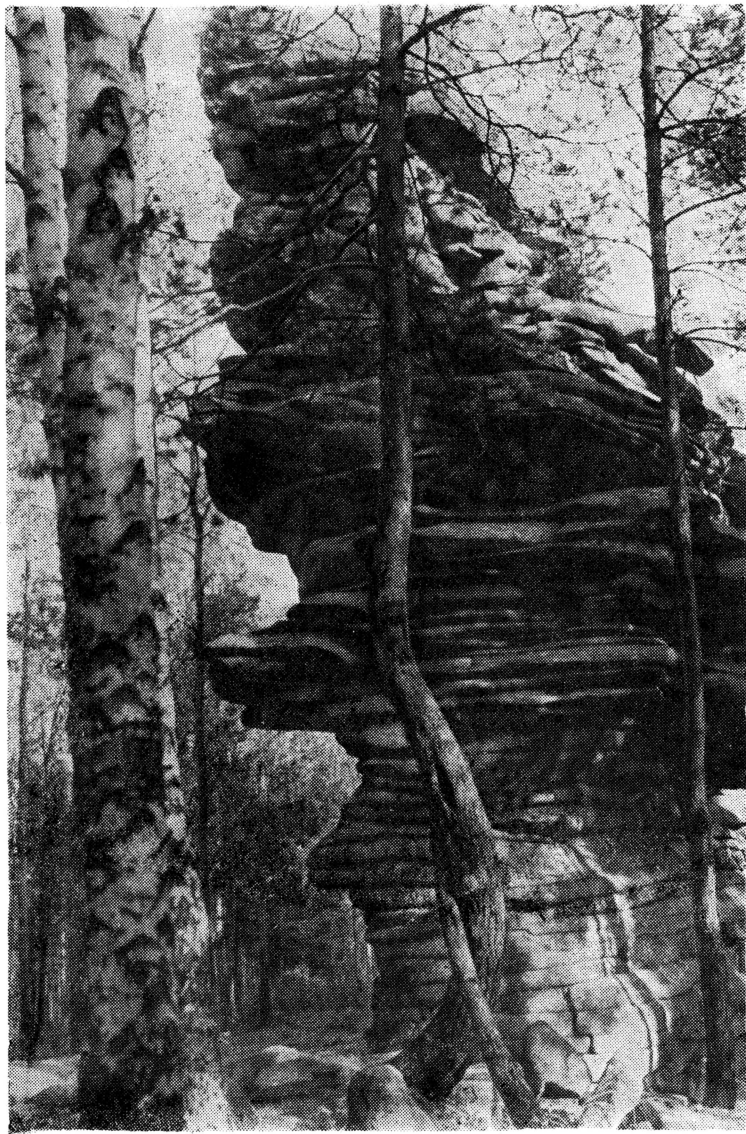
Ну, а теперь поднимемся на вершину

Шарташские Каменные Палатки.

Фото П. Истомина.

(это сделать нетрудно: по природным ступеням — гранитным уступам) — плоскую площадку, откуда открывается прекрасная панорама лежащего вдали Свердловска, новостроек, окружающих его со всех сторон, и поблескивающего вдали озера Шарташ. Отсюда ясно видно общее протяжение гранитной гряды, видны широкие вертикальные трещины, отделяющие одну скалу от другой.

Чертово городище.

Фото П. Владимирова.

На соседней площадке — плоская чаша, выбитая в граните. Это, по предположениям некоего археолога, — древнее жертвенное место, созданное некогда жителями этих мест.

Красиво здесь! Единственное, что портит прекрасный памятник природы — это многочисленные надписи, сделанные некультурными посетителями. Не понимая, что памятники природы надо тщательно охранять и беречь, они считают доблестью начертить свое имя на скалах. Не делайте этого никогда, если вы любите природу! Удержите от этого своих друзей!

Если вас заинтересовали граниты — пройдите немного дальше по дороге и увидите большой карьер, где производится добыча этого ценного строительного камня. Тут гранит светло-серый, плотный, еще не разрушенный поверхностными силами, как на Каменных Палатках. Но пройдут миллионы лет, разрушатся более глубокие слои земной коры, и на месте нынешних скал может образоваться ровное гранитное поле, а где-нибудь в другом месте выступят на поверхность новые «палатки». Желая сохранить этот интересный исторический и природный памятник природы, молодежь Свердловска решила разбить здесь парк. Уже высажены первые деревья, построены беседки и скамейки, и скоро, окруженные молодой зеленью, бережно охраняемые друзьями природы, еще красивее и живописнее станут скалы.

Каменные Палатки — скалы невысокие, наибольшая их высота семь-восемь метров. Есть такие же скалы больших размеров, и добраться до них не так трудно. Едем на электропоезде до станции Гать, на север от Свердловска. Через полчаса движемся по широкой просеке, пересекаем по настилу большое болото и подходим к подножию лесистой горы, на вершине которой находятся гранитные скалы, известные под названием Чертова Городища.

Подымаемся по крутому склону, поросшему соснами, вдали между деревьями уже виднеется цель нашего путешествия. Выходим на небольшую площадку, откуда хорошо видна вся каменная гряда. Это уже не каменные «палатки», а настоящая стена высотой около двадцати и длиной около сотни метров.

Сразу даже не охватишь взором все интересное, что тут можно увидеть. Обойдем сначала скалы вокруг, по подножию... Сурова северная стена: почти отвесная, местами даже нависающая карнизами, она кажется неприступной. В ней тоже имеются трещины, иногда даже сквозные, но большей частью она массивная и гладкая.

Иной выглядит южная стена — тут больше растений, сильнее развиты горизонтальные уступы, видимо, сказалось влияние солнца и ветра, текущих вод. С восточного края вершина скалы имеет форму огромной головы в плоской высо-

кой шапке. На фоне неба четко вырисовывается добродушное каменное лицо «хозяина скал». Ясно видны лоб, нос, щеки, губы, подбородок. А отступишь немного в сторону — и иллюзия пропадает: снова видишь неправильные каменные выступы.

На самую высокую скалу в центре Городища ведет деревянная лестница. Стоя на плоской площадке и оглядываясь вокруг, мы видим зеленую ширь лесов, голубые озера — Исетское, Мелкое, дальние синие горы Среднего Урала и теряющийся в дымке Свердловск.

Чертово Городище — также излюбленное место отдыха жителей Свердловска. Но и тут та же беда: надписи, надписи без конца.

Не умножайте их числа!.. Не разводите огня у самых камней — не раз небрежность и невниманье горе-туристов приводили к лесным пожарам; спуститесь вниз к небольшой речке Семипалатинке — тут удобное место для отдыха и костра.

Если хотите увидеть Каменные Палатки еще большего размера, поезжайте на том же электропоезде до станции Таватуй, обойдите с востока озеро или переправьтесь на лодке к селу Таватуй, откуда по лесной дороге дойдите до знаменитых скал Семь Братьев. Высоко над лесом поднимаются кверху каменные башни, семь гранитных столбов, как бы выросших на одном общем фундаменте. А немного в стороне — небольшой каменный выступ — Сестра. Скалы производят огромное впечатление на человека, попавшего сюда впервые. Высота их намного больше, чем у Чертова Городища, подъем значительно труднее, но зато преодолевший трудности подъема будет вознагражден чудесным видом, открывающимся с вершины!

А посмотрите внимательно: ведь и тут такие же горизонтальные трещины, те же плиты с закругленными краями, как будто наложенные друг на друга... Конечно, ведь тут такие же граниты, и история образования этих скал аналогична истории образования Каменных Палаток.

Если вы любите природу, если вы хотите все время узнавать и видеть новое, непременно посетите эти замечательные места!.. На станции Северка внимание всех пассажиров привлекают виднею-

Семь Братьев.

Фото Р. Рубель.

щиеся из окна вагона живописные скалы. Это — Северские Палатки. Недалеко от станции Палкино известны Палкинские Палатки, а к югу от Свердловска, недалеко от Шабровского талькового рудника, резко выделяются торчащие столбами среди леса гранитные скалы...

Прекрасна природа нашего края!

Она ждет вас, молодые, любознательные следопыты, друзья леса и скал! Просьба к вам — присылайте новые описания и снимки гранитных «палаток».

Р. РУБЕЛЬ

ВСЕВОЛОЖЕНКИ

В беседе с советскими и иностранными журналистами 12 июня 1960 года Никита Сергеевич Хрущев, говоря о произволе капиталистов-эксплуататоров, вспоминал для примера о бонах, получаемых им в юношеские годы.

На промышленных предприятиях в дореволюционной России некоторые заводчики платили рабочим за труд не государственными, а своими собственными бумажными деньгами. Так и на одной из донбасских шахт, на которой был рабочим Никита Сергеевич, «обращались» квитанции местного богатея, торговца Каракозова. А тот продавал всякую заваль да гниль — одним словом, грабил трудовой народ, так как людям, имевшим из денег только «каракозики», некуда было идти, кроме как в лавку самого Каракозова.

Такие деньги-боны весьма интересны как дошедшие до наших дней наглядные обвинительные свидетельства беззакония и хищничества капиталистов. Тем больший исторический интерес представляют первые в России боны — уральские.

...В 1842 году пермский губернатор уведомил министра финансов, что Все-

воложские, золотопромышленники и владельцы нескольких чугуноплавильных и железоделательных заводов на Урале, выплачивают рабочим жалование квитанциями от 10 копеек до 5 рублей серебром. «Как быть,— недоуменно вопрошал этот чиновник,— если я не имею в виду закона, который позволяет или запрещает существование оных квитанций или ярлыков?»

Губернатора тревожила только буква закона. А между тем, за квитанциями, прозванными в народе «всеволоженками», вставала во весь рост горестная жизнь уральского рабочего люда.

Еще при царе Алексее Михайловиче, отце Петра I, утвердился обычай платить большую часть жалования продуктами питания. Так в дальнейшем повелось и на Урале.

Денежное жалование рабочих людей было, как невесело шутили они сами, «что водица в решете». Не хватало еды, а о качестве ее даже сложили что-то вроде песни:

Щи хлебали с тухлым мясом,
Припивали кислым квасом,
Мутною водой.
А ржаного хлеба корка
Станет в горле, как распорка,
Что не проглотишь.

И вот однажды на золотых промыслах Всеволожских произошло чрезвычайное событие: полуголодные рабочие разгромили продовольственные амбары, контору и избили администрацию. Волнение это из-за своей неорганизованности, конечно, было подавлено, «возмутители порядка искоренены», а Всеволожские, спустя некоторое время, обнародовали специальный «Приказ заводским, мастеровым и рабочим людям». В приказе говорилось о том, что владельцы заводов и приисков не обязаны кормить рабочие семьи, что жены, подростки и старики-родители тоже должны «посильно» трудиться и что все отныне будут получать за труд особые квитанции. «А квитанции те в лавках принимать как наличные деньги».

Так загребушие лапы заводчиков протянулись и к скудной пище рабочих, и к их жалким грошам, которыми люди не могли уже распорядиться по своему усмотрению. Это снова переполнило чашу терпения, и на предприятиях Всеволожских опять произошли волнения с

расправами над наиболее свирепыми надсмотрщиками.

Ну, а что же ответил министр финансов пермскому губернатору? «Квитанции господ Всеволожских составляют род бумажных денег, выдача которых должна быть повсеместно прекращена». Так миролюбиво один капиталист рассудил другого капиталиста.

Безнаказанная затея уральских промышленников настолько пришлось по вкусу другим российским «господам», что вскоре после «всеволоженок» на ряде шахт, заводов и фабрик появились такие же заменители государственных денег. На выпуск этих бон царское правительство стало смотреть, как на нечто законное и само собой разумеющееся...

Вл. БРАБИЧ

СУВЕНИР КОЛХОЗНИЦ

У колхозниц сельхозартели имени Куйбышева, Мехонского района, Курганской области, сестер Анны Куприяновны Лубиной и Елены Куприяновны Бурнашевой есть интересный сувенир — фотография государственного банковского билета в три червонца. Такие билеты выпускались в 1923 году. В них, как свидетельствует надпись, содержалось 23,23 грамма чистого золота. Но не стоимостью и не содержанием ценного металла дорог сестрам этот денежный знак. На нем изображен русский крестьянин, сеятель с лукошком, подной горстью разбрасывающий семена. Это их отец.

1922 год. В глухую зауральскую деревню Прыговую (так она раньше называлась) приехал скульптор Иван Дмитриевич Шадр. В то время по заказу Госзнака он работал над созданием серии скульптурных портретов советских людей.

Натурщиком для скульптуры сеятеля Шадр избрал Куприяна Кирилловича Авдеева. Его пришлось долго уговаривать, пока он дал согласие позировать.

Позднее Авдеев рассказывал:

— Дело перед самым покосом. Жа-

ра нестерпимая. Я стою посреди ограды на особой подставке. Рука на отлете, затекает, и пошевелить ею нельзя. Пот градом. А он, Шадр, и отсюда зайдет, и оттуда подойдет. А то заставит меня, ради практики, насыпать в лукошко песку и ходить вдоль ограды — рассеивать, значит. Народ, бывало, соберется, глазеет. «Пострадай,— кричат,— Куприян, во славу Республики!». А я молчу.

Через три недели работа была закончена. Скульптуру, отлитую из гипса, Шадр увез в Москву.

Прошло некоторое время, и, по свидетельству очевидцев, вся деревня всполошилась. Кто-то из города привез новый денежный знак, а на нем — рисунок со скульптуры Шадра: Куприян-сеятель.

...Сейчас нет в живых Авдеева. Его дети выросли. Дочери умеют водить трактор, обзавелись семьями, работают в колхозе, их дети учатся в школе.

— Почему вы не сохранили сами банковый билет?

— В те годы терять такие деньги для нашего личного хозяйства было начесть. — говорит Елена Куприяновна.

— А сколько зарабатываете сейчас?

На этот вопрос нам ответили в правлении колхоза. Только за восемь месяцев 1960 года семьям сестер начислено около 900 трудодней. В счет этого они получили почти две тонны хлеба и около 5,5 тысячи рублей.

Ю. РЯБОВ

УЛИЧНОЕ ИМЯ

Иной раз, в разговоре со стариками, спросишь собеседника: «А откуда ты, дедушка, родом?» И вдруг услышишь такое, например: «Сам-то я, по-улошному, пермяк — солены уши, а старуха моя дальняя — из *гужеедов*, аргаяшская». Но не думайте, что старик — уроженец города Перми, а жена его из деревни, носящей название Гужеедова, или что-то вроде, — такой, кажется, и нет на Урале. Если вы захотите уточнить место их рождения, то, к удивлению вашему, окажется, что один из них родился в довольно далекой от Перми деревеньке в верховьях Камы, а другая — в селе Тютняр, Челябинской области.

Это — бытовавшие в прошлом коллективные прозвища, «уличное имя» жителей некоторых мест нашего края.

От старого времени, по воспоминаниям стариков, до нас дошло множество таких прозвищ. В них закрепились, иногда очень остроумно и находчиво, какие-то черты, особенности жителей села, города, уезда, губернии, памятные исторические события. Конечно, бывали прозвища шуточные, даже иногда издевательские, обидные, но чаще все же в них звучала горькая усмешка о своей или чужой незавидной доле, сочувствие, сожаление.

Теперь уже далеко не всегда можно доискаться до причин возникновения прозвища. Но зато какие интересные, а порой и очень важные подробности прошлого могут открыть нам такие разыскания!

Откуда ветлугаи?

Собирая материалы по истории заселения Урала, я нередко обращался к коллективным прозвищам. И они иногда открывали мне то, что трудно, а порой и невозможно уже было найти в исторических трудах и в архивных документах.

Так, по прозвищу *куряки* можно установить, что жители села Никольского и некоторых других селений в Октябрьском районе, Челябинской области, —

потомки выходцев из Курской губернии. А *могули*, как звали жителей некоторых деревень, например, Ольховки, в Сивинском районе, Пермской области, — выходцы из Могилевской губернии; *рязанцы* (село Коровье, Мишкинского района, Курганской области) — из Рязани; *тверские* (зареченская часть Нязепетровска) — из Твери; *смоляки* (деревня Худяково, Лопатинского района, Курганской области) — из Смоленской губернии. В Златоусте можно было услышать прозвище *ветлугаи*. Это — жители той части города, которую звали Ветлуга, очевидно, потому, что их предки были куплены из Ветлужского уезда, Костромской губернии.

Труднее было установить происхождение таких прозвищ, как *скобарі* и *скопари*. Как будто и слова разные, и звучат они в разных местах (первое — в селе Серафимовском и некоторых других селах Сивинского района, Пермской области, а второе — в ряде деревень Частинского района, Курганской области), а источник оказался один: жители этих мест переселены некогда из Псковской губернии. «Мы скопские!» — говорили они про себя.

Память прошлого

— Это надо у *кузюков* поспрашивать! — сказали мне как-то в Златоусте.

У кого это, какие такие кузюки? Оказывается, так «кличут» в этом городе старожилы его, а теперь иногда в переносном смысле — вообще людей, обросших хозяйством, крепко осевших в этих краях.

Но почему кузюки? Одни говорят, что это якобы от буквенного клейма «КЮУК» — казенный южноуральский каторожник. Однако, о таком клейме никто не слыхал — было ли оно? Другие предполагают, что прозвище пришло из Тулы, откуда в начале прошлого века в Златоуст привезли несколько опытных мастеров-оружейников. А там, в Туле, казюками звали ремесленников,

изготавливавших «казенные части» к оружию. Третьи же думают, что прозвище пошло от звания «казенный рабочий», какие в свое время в Златоусте составляли большинство населения.

Однако все эти толкования говорят об одном — о тяжком прошлом златоустовских рабочих. Таких прозвищ, связанных с историческими воспоминаниями, можно встретить на Урале много.

Слышал я и еще одно прозвище каслинцев: *каслинцы-масленцы*. Происхождение его можно объяснить, пожалуй, с большей достоверностью, чем предыдущее. В XVIII столетии к Каслинскому заводу, как и к Кыштымскому, для работы на нем были приписаны крестьяне Камышловского и Шадринского уездов. В самом начале 1760-х годов приписные взбунтовались и не пошли работать на заводе. Начальство, подкупленное хозяином завода Демидовым, двинуло против восставших воинскую силу и даже с пушкой. «Бунтовщики», отступая, заперлись в Масленском остроге (крепостце) — теперь это село Масляное, Шадринского района. Но плетью обуха не перешибешь — крепостца была разгромлена, восставших жестоко наказали и тех, кто остался в живых, отправили обратно, по своим заводам. Так в двух словах коллективного прозвища отразилась целая драма народная.

Еще такое же драматическое воспоминание послужило основой прозвища рабочих Верх-Нейвинского завода, Свердловской области. В прошлом веке рабочий Пузанов убил управителя завода Зотова за его зверское обращение с мастерами. Убил обухом. Так появились *обушники*.

С интересным прозвищем пришлось встретиться в городе Верхней Салде. Здесь жителей одной части заводского поселка звали *проигранными*. Говорят, что их предки были каким-то крепостником проиграны в карты заводчику Демидову и переселены сюда. Это тогда было делом обычным.

О растягаях и ягунах

В Академии наук СССР уже много лет составляется огромный коллективный научный труд — «Диалектический атлас

русского языка». В нем будут отражены все особенности русского говора на территории нашей страны. Коллективные прозвища и здесь пригодились. Иные из них убедительно отражают характерные особенности языка некоторых местностей.

Куштумские растягаи — это о жителях деревни Куштумга, Миасского района, Челябинской области, за привычку произносить протяжно окончания фраз. За это же *растягаями* зовут жителей деревни Талицы, Сухоложского района, Свердловской области, а *талагаями* — обитателей села Кочневского из-под города Камышлова.

Ягуны — это о тех, кто произносит «яго» вместо «его», например, в селе Бйянка и других селениях Миньярского района, Челябинской области.

Так же появились прозвища: *аличи* (деревня Вознесенка, Миасского района) за певучий говор и обыкновение говорить «али чо?»; *баты* (одно из селений на Бакальских рудниках в Челябинской области) — за пристрастие к вводному словцу «бат», то есть «бает» — говорит; *игольники* (деревня Белоярка, Щучанского района, Курганской области) — за обычаем говорить «иго» вместо «его». Документы говорят, что в Белоярку в 1851 году переселились 340 душ фабричного населения из Рязанской губернии. Так как игольниками же зовут жителей соседнего села Красноярки, то, вероятно, что и там жили выходцы из Рязани.

Красивое прозвище *гамаюны* досталось всем тем, кто говорит певуче (гамаюн — в легендах древних славян — вещая птица). А в Каслях, Кыштыме, Нязепетровске, Челябинской области, в поселках Михайловском и Нижне-Сергинском, Свердловской области, именно так многие и говорят.

Калдыки — это, конечно, менее красиво и приятно. Но что поделаешь, если выходцы из Самарской губернии вместо «когда» говорили «колда», а потомки их в Октябрьском районе, Челябинской области, надолго сохранили это произношение.

Однажды я записал частушку, которую поют в селе Островное, Мишкинского района, Курганской области:

Пичкалихой буду я —
Не узнаите миня...

Так поет девушка, выходящая за парня в селе Петровское, Юргамышского

района. Выходит, это тоже прозвище? Да, мне рассказали: «У нас тех, кто из Петровского, *пичкалями* зовут. Они говорят «привИзу» вместо «привезу», «рИ-вечь» вместо «реветь».

Горчичник без горчицы

Интересно по прозвищам проследить, кто чем раньше занимался.

Дегтярники — те, конечно, кто деготь гнал или продавал его (село Кунашак, Челябинской области); *хомутинники* (деревня Пашина, Красноармейского района) — хомуты и прочую сбрую изготовляли; *шилокопы* занимались сапожным ремеслом (особенно — в городах Кунгуре и Сарапуле, давних центрах кустарной кожевенной промышленности).

Потруднее расшифровать *жженопятиков*. Так звали, оказывается, рабочих-литейщиков на многих заводах Урала — Каслинском, Кыштымском, Сысертских и других. В то время в литейном цехе, действительно босым не ходи — живо пятки пожжешь.

Зато ошибочно думать, будто в деревне Ванюши, Красноармейского района, раньше делали корчаги, если здесь встречается прозвище *корчажники*. Это потому, что местные рыбаки якобы ловили рыбу в своих многочисленных озерах корчагами. Также и в Златоусте — горчицу никогда не садили, а *горчишники* были: так звали выходцев из Самарской губернии, где горчица — культура издавна знакомая.

Много прозвищ породило давнее занятие жителей Прикамья добычей соли. *Пермяк солены уши* — шутка, которой встречали всех выходцев из тех мест.

Солеными ушами звали не только пермяков. Я встретил это прозвище в бывшей Оренбургской губернии. Так звали казаков Ерыклинской и Орловской станиц — они также имели отношение к добыче соли.

Гужееды из Тютняра

Если собрать воедино все прозвища, которые как-то характеризовали здоровье уральцев, особенности их питания и одежды — печальная получится карти-

на. Они не хуже большой научной статьи покажут нелегкую судьбу народов Урала в недавнем еще прошлом — нищету, убогость быта, повальные болезни...

Слепошары — носили кличку поголовно болевшие трахомой жители села Ермолаевки, Куюргузинского района, Башкирии. *Синепупыми* и *самоварами* звали за вспученность живота от болезней и ненормального питания крестьян и рабочих деревень Таволги и Воробьи (Невьянский район, Свердловской области). *Зобаны* получили прозвище за масовое заболевание зобом (города Миньяр и Куся в Челябинской области и с. Быньги, Невьянского района).

Да и как не болеть было рабочему и крестьянскому люду старого Урала, если даже в прозвищах нашло отражение убогое, а местами невозможно голодное питание: пиканы (дикое растение-борщевник), конечно, при разнообразном столе неплохо восполнят недостаток в витаминах, но если кого-то прозвали *пиканниками* (окрестные села города Кунгура, село Старый Белокатай в Башкирии), то, надо думать, не за изощренный гастрономический вкус, а за то, что летом, в самое голодное время, початки пиканов становились основной их пищей.

А сколько сел на Урале получили прозвание *лапотоны*, (например, села Куяш, Урукуль, Кожакуль и Темряс в Башкирии), *лапотники* (например, Верх. Уфалей, еще в 1849 году) — потому что иной обуви, кроме лаптей, здесь не знали! Если услышите старое прозвище *шматы*, то знайте, что так звали некогда бакальских горняков за их обычную «обувку» — шматы, то есть истоптанные лапти.

И уж куда красноречивее — *гужееды!* Да, было и такое — целая группа сел, известная под именем Тютняр (в Аргаяшском районе, Челябинской области) в один голодный год якобы сварили и съели все ремни, даже гужи от хомутов! Не потому же ли в Златоусте некогда звали *бесшлейными* возчиков из Башкирии, приезжавших на своих конях, но без сбруи? Может быть, эти были настолько бедны, что у них вообще шлей никогда не бывало?

Вл. БИРЮКОВ

Охота запрещена,
фото М. Сурова.

Из фотографий,
присланных
на конкурс

Белка.
Фото Н. Владимирова.

ВАСИЛИЙ ЖУРАВЛЕВ—

С ДОБРЫМ УТРОМ!

Не сразу скажешь, как случилось это...
Все было в жизни ладно до поры,
Пока за городом не отшумело лето
И не исчезли в парке комары.

Я сгреб в охапку письма и бумаги,
Все в чемодан и, радость не тая,
На всю получку взяла в универмаге
Фуфайку, сеть, припасы для ружья.

Привет, друзья! Душа простора просит.
Я пойман им, как нельма на блесну...
Пропахла хвоей лиственницы осень.
Глухарь поднялся — и огонь блеснул.

Нет, не промазал! Знать, еще умею
На мушку брать и нажимать курок...
Огонь костра мои ладони греет,
И раздувает пламя ветерок.

Шумит река. Прогукала филин в чаще.
С усталости бросает в пот и в дрожь.
...Где б ты ни жил, и как бы ни был
счастлив,
Себя от мест родных не оторвешь.

Телогрейку снял и сел на нее
И сижу уже битый час.
Снова солнце за синим хребтом встает,
И березы пускаются в пляс.

То качнет головой, то рукой взмахнет
Та, к которой я в гости зашел,
А ручей по-шалашински басом поет.
Хорошо!

Снова селезень в небе дугу описал,
Тезка мой закурлыкал беспечно вдали.
Взбудоражила наши седые леса
Беспокойная, вечная юность земли.
— Поздравляю с весной! —

себе говорю: —
Скоро белые ночи всюю зазвонят...
Край любимый, ты только за эту зарю
Все, что хочешь, потребовать вправе
с меня.

РЫСЬ

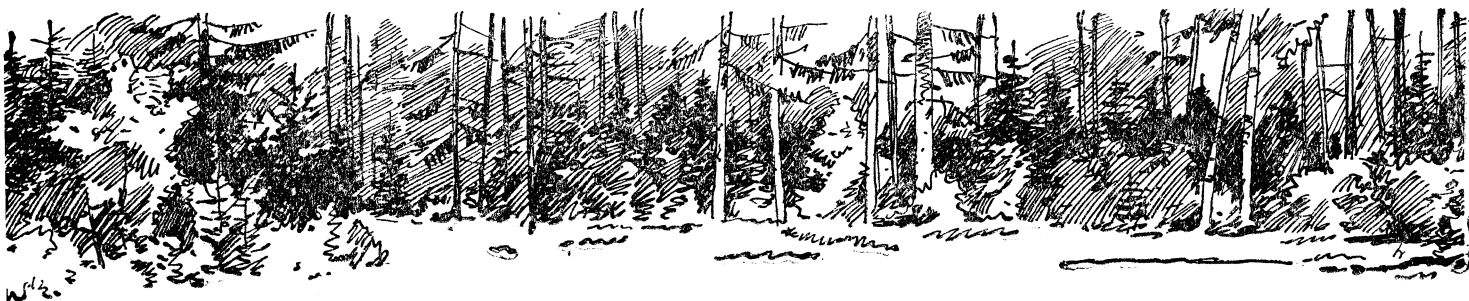
С трудом пройдя остатки бурелома,
На полусгнивший пенек присел
в раздумье я.
Доел горбушку, взятую из дома,
Хлебнул воды ладонью из ручья.

И снова в путь. Ружье на изготове.
Заметил я матерой рыси след.
Два-три пера, а дальше пятна крови —
Ей тетерев попался на обед.

Все дальше в лес, к покрытым снегом
кручам
От путика меня уводит рысь.
След оборвался в ельнике колючем,
Откуда сойки с криком поднялись.

Взвожу курки. Не сделать бы оплошки.
Такого зверя сразу не возьмешь.
Сперва одна, затем другая лежка —
И отпечатки меховых подошв.

Опять ушла. И все же ей не скрыться,
Хотя бы мне сто раз не повезло:
Все вижу я — растерзанная птица
Еще пытается взмахнуть крылом.

ПЕЧЕРСКИЙ

Я БЕЗ ЭТОГО ЖИТЬ НЕ МОГУ

*На речушках белеет шуга,
Лоси пробуют сено в стогах,
Вдоль дорог от зари до зари
На деревьях сидят глухари.*

*След собаки на мокром снегу...
Я без этого жить не могу.
Я опять заряжаю ружье...
Край таежный, ты — счастье мое!*

* * *

Е. Смирнову.

*Дотемна расставишь переметы,
Поздней ночью сядешь за обед,
До утра промучает забота:
Попадется пелядь¹ или нет.*

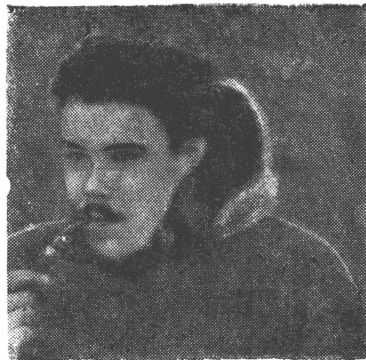
*Может быть, поправишься не очень,
Тропки приозерные любя,
Но когда заговорят о Сочи,
Непрерменно вспомнят про тебя.*

*Скажут, что не ездешь на курорты,
Пропадает отпуск каждый год.
Улыбнешься и пошлешь их к черту
И потащишь к лодке перемет.*

ЧЕРНЫШ

*Он токовал, не видя ничего,
Он в драке был неистов, неумен.
Из караулки, лежа на соломе,
Я восхищался буйностью его.*

¹ Пелядь — печорская рыба.

Василию Степановичу Журавлеву-Печерскому тридцать лет. Родился он у Белого моря, вырос на Печоре. Из седьмого класса ушел на курсы радистов гражданской авиации. Работал в КОМИ АССР, в Ненецком округе на охотничьей станции Силькин Нос. Служил в частях морской авиации на Балтике. После демобилизации стал сотрудничать в газетах, писать стихи.

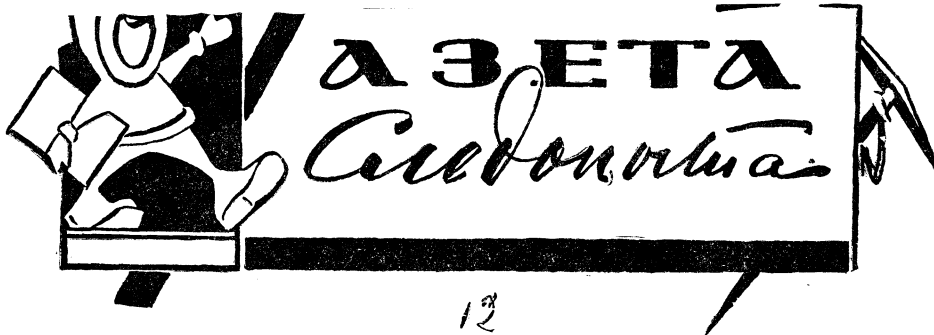
*Кружились перья, и адели брови,
А может быть, не брови —
капли крови.*

*Все разлетелись.
Только он остался.
В своей любви кому-то признавался.
Чертил круги, не слыша ничего.
Я не стрелял.
Я пощадил его:
И сам порой в предутреннюю тишь
Пою любовь, как молодой черныш.*

*Взглянул в окно — белым-бело.
На горку вышел — тихо-тихо.
Тропинки снегом замело.
Не хрустнет под ногой брусника.*

*Зима? Но этот снег сойдет.
Вновь гуси закричат в тумане.
Еще не начался отлет.
Брусника?
Только слаще станет.*

ФЕВРАЛЬ 1961 ГОДА

ПАРКИ, РЕКИ, ЛЕСА, ОЗЕРА, РОЩИ — ПОД КОМСОМОЛЬСКУЮ ЗАЩИТУ!

ОБРАЩЕНИЕ

*пятого пленума Свердловского обкома ВЛКСМ
ко всем комсомольцам и старшеклассникам области*

Дорогие друзья!

Прекрасна природа нашей Родины, и для советского человека, всем сердцем любящего свою страну, с понятием «Родина» связаны не только светлые корпуса гигантов-заводов, мощных электростанций, но и вековые сосновые, березовые, кедровые рощи, чистая гладь озер и рек.

Лучшим доказательством мудрой, настоящей любви к природе служит новый советский закон, принятый на III сессии Верховного Совета Российской Федерации, — закон об охране природы.

Новый закон учит по-хозяйски, разумно обращаться с этим богатством, чтобы оно не уменьшалось, а росло. Это закон людей, которые хотят жить не только богато, но и красиво.

Много замечательных дел на счету у комсомольцев-школьников Свердловской области. И пусть среди них одним из самых важных станет для вас забота о приумножении природных богатств. Мы не имеем права допустить, чтобы у нас в стране были поредевшие леса, загрязненные и обмелевшие реки, покрытые пылью и копотью, лишенные зелени города.

Пленум обкома ВЛКСМ поручает Вам, комсомольцам-школьникам, быть первыми в этой благородной борьбе за ленинское отношение к природе.

Комсомольцы и школьники! Следуйте примеру учащихся Первомайской школы Серовского рай-

она, которые заложили питомник, создали фонд семян хвойных деревьев для облесения пустошей, а их на Урале немало — около миллиона гектаров. Будьте такими же бережливыми хозяевами, создавайте при каждой школе питомники и теплицы, превращайте пришкольные участки в фруктовые сады. Под комсомольскую защиту возьмите парки, реки, леса, озера, рощи. Создавайте общественные заповедники!

Комсомольцы Ивделя, объявите своим городским заповедником кедровники, расположенные в черте города!

Комсомольцы Свердловска, охраняйте замечательные памятники природы: Семь Братьев, Чертово Городище, Каменные Палатки и другие.

Комсомольцы села Бардым, Манчажского района, охраняйте участки луговой и ковыльной степи, представляющие большой научный интерес!

Пусть станет цветущим садом каждый город, поселок, село!

Помните, что вы — наследники всей красоты родной природы, всех ее богатств и ценностей.

ЛУЧШЕ БЕРЕЧЬ И РАСХОДОВАТЬ НАРОДНЫЕ БОГАТСТВА

Выступая на Пленуме ЦК КПСС 17 января 1961 года, Н. С. Хрущев затронул вопрос о заповедниках:

«Что такое заповедник? Это богатство народное, которое надо сохранять. Но у нас нередко бывает так, что заповедниками объявляются такие места, которые не представляют никакой серьезной ценности.

Надо навести порядок в этом деле. Заповедники должны быть там, где необходимо сохранять ценные уголки природы, вести там действительно научные наблюдения. Такие заповедники, представляющие научную и государственную ценность, у нас, конечно, есть. Но значительная часть теперешних заповедников — это надуманное дело.

Что произойдет в лесах, если там не будет заповедников? Ничего. Природу надо, конечно, беречь, охранять, но не путем создания всюду заповедников с большим штатом обслуживающих их людей».

«Уральский следопыт» еще в прошлом году поднимал вопрос о создании общественных заповедников.

И сегодня мы еще и еще раз повторяем: комсомольцы, молодежь, школьники, все друзья природы должны встать на защиту лесных и водных богатств, сами будем охранять народное добро.

Мы — за общественные заповедники!

ХРОНИКА СЛЕДОПЫТСКИХ ДЕЛ

Свердловск

О С 4 по 7 февраля близ Свердловска, у обелиска Европа-Азия на свой X традиционный слет Дружбы собрались туристы Советского Союза. 100 команд из 56 городов и республик Советского Союза прошли на лыжах по живописным местам Урала к месту слета. Туристы обменялись опытом работы, выступили в трудных соревнованиях по закрытому маршруту.

О Двухсотпятидесятикилометро в ы й лыжный поход по Южному Уралу совершили учащиеся Свердловского областного техникума физической культуры и спорта. Они поднялись на вершину Яман-Тау, обследовали Каппову пещеру, нашли на берегах реки Белой два входа в безымянные пещеры и сделали их описание.

О Следопыты Дома пионеров Орджоникидзевского района закончили сбор материалов для краеведческого музея. Сейчас ребята приступили к оборудованию своими силами стендов.

О В экспозициях музея школы № 67 можно увидеть уникальные фотографии по истории Екатеринбург, портреты первых комсомольцев и пионеров города, редкие минералы, собранные следопытами в походах. Под руководством преподавателя А. А. Стихиной ребята сделали наглядные пособия, которыми пользуются на уроках.

О Президиум Областного клуба туристов утвердил положение о конкурсе на лучший туристский коллектив

Свердловской области. По условиям конкурса все туристские секции, клубы предприятий, учреждений и учебных заведений области должны включиться в поход за ленинское отношение к природе, помочь своим трудом лесозам, лесничествам в возобновлении лесных богатств Урала.

О Из похода по реке Ислым, в районе строительства железной дороги Ивдель — Нарыкар, вернулся сборный отряд туристов нашей области. По заданию Уральского геологического управления участники похода сделали описание коренных выходов горных пород, провели четыре концерта художественной самодеятельности для строителей железной дороги.

Челябинск

В январе в Челябинске проводился первый зимний областной слет туристов-краеведов. На него съехалось 350 делегатов от 30 школ. Слет открылся в пригородном бору соревнованием по ориентированию на местности. Тридцать отрядов получили карты с указанием азимутов и по сигналу ракеты двинулись на лыжах по лесу. За полчаса каждый отряд должен, двигаясь по азимуту, пройти 16 контрольных пунктов. О движении отрядов с контрольных пунктов сообщалось по расположенным там радиостанциям. Победителем в соревновании вышла команда Карталинской школы № 1, Полтавского района.

На второй день слет продолжался в обширном зале школы-интерната № 2.

— В течение трех лет мы проводили экспедиции по границе Европы и Азии, — рассказала на слете туристка средней школы села Миасского, Красноармейского района, Н. Черкасова. — Мы составили подробное описание всех столбов-памятников, установленных вдоль границы, восстановили их историю.

— В поход нужно ходить с пользой и для себя, и для страны, — сказал А. Гладких из Златоустовской школы № 3. — От горисполкома мы получили задание: найти залежи плитняка для мощения улиц города. Плитняк мы нашли и недалеко. Позднее мы обнаружили залежи охры. Найденной охрой покрасили полы в школе и дома.

Перед школьниками-краеведами выступил директор Областной детской экскурсионно-туристической станции Е. Туник, представитель управления «Геологоразведка» В. Пашенко, заслуженный учитель РСФСР А. Александров, председатель областного общества по охране природы В. Суслин, секретарь обкома ВЛКСМ В. Мальцева.

Участники слета приняли обращение ко всем школьникам Южного Урала, в котором говорится:

«Каждый класс должен создать туристический отряд;

все туристы-школьники должны охранять родную природу;

всем участникам туристических походов стать разведчиками полезных ископаемых!»

О В 1960 году в походах участвовало 30 тысяч школьников Южного Урала. В 1961 году готовятся пойти в поход 100 тысяч туристов-школьников Челябинской области.

ГОД НАЧАЛСЯ В ПУТИ

Для краеведов Красноуральского туристского клуба «Следопыт» зимняя экспедиция на север Урала была третьим большим походом за эту зиму. С коллективно сложенной песенкой

И не беда, что в Новый год
Не буду я на елке...
Я следопыт! Иду в поход
В мансийские поселки...

31 декабря ребята уехали из города. А в первый день Нового года они совершили восхождение на одну из вершин Северного Урала — Кумбу.

2 января следопыты отправились снова в путь, в село Всеволодо-Благодатское, а оттуда — в тайгу, к знатым мансийским охотникам и оленеводам. Отправились не на лыжах, а на нартах, на быстроногих оленях Н. В. Бахтиярова.

Еще с осени ребята затеяли большое и очень важное дело — решили создать в Красноуральске краеведческий музей. В поисках экспонатов, рассказывающих о жизни, труде и своеобразном быте трудолюбивой народности Севера — манси, ребята отправились в мансийский поселок. В двухстах километрах от Красноуральска, в районе нижней плотины горной речки Тальтии, нашли они желанные экспонаты и записали более двадцати воспоминаний пожилых манси, много рассказов бывалых охотников.

Вернувшись обратно во Всеволодо-Благодатское, ребята взяли на себя еще одно новое дело — кольцевание птиц и зверей. Получив у сотрудников

заповедника «Денежкин Камень» советы о кольцевании, они собрались снова в путь, к лесозаготовителям Шегультанского участка.

Ивдель. Старый уральский город. Отсюда красноуральские следопыты для своего музея принесли пепельницу из металла, выплавленного в давние времена на Сосьвинском заводе.

А сколько веселых и интересных эпизодов и встреч засняли ребята на киноплёнку!

Нет, всего сразу не перечислишь.

Подробный рассказ красноуральцев будет опубликован в одном из следующих номеров журнала.

Н. Белянкин.

ЕЩЕ РАЗ О КУБЕ НА УРАЛЕ

Старая, прорванная плотина, исковерканные сливные мосты и маленькая речка Куба, пробирающаяся меж крутых, заросших ивняком и ольховником берегов.

А когда-то здесь, выше плотины, расстилался глубокий пруд с удивительно чистой водой, кишевшей рыбой. Звался пруд Пильницким, так как у плотины стояла «пильная мельница» — лесопилка, изготовлявшая тес для строительства барок, на которых некогда сплавляли по реке Уфе продукцию Михайловского завода. Еще до революции фабрика сгорела, плотина обветшала. Однажды в дружную многоводную весну плотину прорвало. Ее не восстановили. А зря!

Если немного помечтать, подумать, прикинуть и приложить хозяйские молодые руки, то как можно изменить это удивительно красивое место. Небольшой экскаватор, несколько самосвалов, подготовленные заранее срубы трех-четырех ряжей — и зияющее душло в плотине будет закрыто. Вместо громоздких дере-

вянных сливных мостов нужно построить свободный цементный водосброс. Наполнится пруд, появится рыба. Может быть, Михайловский колхоз, земли которого спускаются к самому пруду, организует здесь крупное рыболовное хозяйство или разведет десятки тысяч уток, гусей?

Может быть, среди соснового леса на правом берегу заблестят на солнце корпуса большого (человек на пятьсот) уральского колхозного Дома отдыха, который назовут «Куба». Места здесь чудесные, просторные и тихие — все условия для хорошего отдыха. Чего стоит сам пруд — на нем пляж, солярий, водная станция, лодки; речка Куба — для рыбаков, художников, любителей природы; смолистые леса с ягодниками и грибными местами. Близко река Уфа и рядом огромный, в тысячу гектаров, заводский пруд с неповторимыми по живописности берегами — памятниками природы. До центра большого, распухшего и хорошеющего поселка три километра; до железнодоро-

рожной станции — семь.

Или другое: не Дом отдыха, а огромный палаточный лагерь для всех, кто хочет провести отпуск в походах, в экскурсиях. Какие здесь маршруты! Например, меридиональный: Полевской — Михайловский, через два (Уфалейский и Бардымский) хребта. Или Карстовый — по пещерам, провалам, в поисках подземных речек, на реке Серге. Или лодочный — Н. Серги — Куба и дальше по Уфе. В лагере, близко от Свердловска (при условии, что будет восстановлен рабочий поезд Дружинино — Михайловск), смогут отдыхать в течение лета тысячи людей.

Таких лагерей, где можно получить палатку, лодку и кое-что из походного снаряжения и экскурсировать в любом направлении, у нас мало, почти нет, и о них нужно думать сейчас; о них мечтают любители ближних путешествий, энтузиасты уральских просторов.

Николай ХРУЩЕВ

СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ СЛЕДОПЫТЫ СООБЩАЮТ

Стреляный воробей

Ветер выхватил бумажного змея из рук, и тот, прощально помахивая мочальным хвостом, стал набирать высоту. Змей был на редкость уравновешенного характера. Поэтому, видимо, и решил отдохнуть на нем этот удивительный воробей.

Да не по нраву пришелся змею бесцеремонный седок, встрепетул змей и давай метаться! Каких только фигур высшего змеино-пилотажа не выполнял он! А воробью хоть бы что, ему, наверное, даже нравилась такая болтанка.

— Орел, а не воробей! — восхищались мы. А кто-то засомневался:

— Может, он окопел уже со страху, вот и вцепился мертвой хваткой в змея... Посмотрим?

Стали мы сматывать нитки. Змей послушно снижался вместе с невозмутимым воробьем. Ближе, ближе... И только когда протянулись к нему наши руки, вспорхнул воробей и, озорно чиркнув, полетел своей воздушной дорогой.

Ничего не скажешь, стреляный воробей!

Щука выходит на берег

Ранней осенью речные хищницы всю свирельствовали в приостановленном плотиной Юрмыче. И не было от них житья мирным рыбкам. То и дело взлетали над водой серебристые стайки чебаков и пескариков, спасающихся от преследования. Даже гуси, уви-

дав такое диво, стали остерегаться нашей реки.

Рыбий фонтанчик взметнулся однажды у самого берега, и одна рыбка, не рассчитав, по-видимому, траектории полета, шлепнулась на песок. Полумертвая от страха, неподвижно лежала она, поблескивая чешуйкой. Я хотел было уже покинуть свое убежище, чтобы оказать ей необходимую помощь, но меня опередили. Всплеснула вода, и на берег с раскрытой пастью скользнула щука. Только хвост ее остался в воде. На мгновение замерла она, дивясь своей отваге, и, сделав сальто, ушла в воду. Рыбки как не бывало.

Что же заставило щуку покинуть свою стихию? Только жадность, слепая жадность хищника.

С. ТАЛИЦКИЙ,
с. Горбуновское

В СЕРДЦЕ ТАЙГИ

Репортаж из дальнего похода

Когда в редакцию попадут эти строчки, мы будем уже далеко в тайге. Мощные гусеничные тягачи «АТЛ» — раньше они перевозили тяжелые пушки, а сейчас переданы «на вооружение» мирных разведчиков-геологов — пройдут по неизвестным урманым тропам, отыскивая давние следы оленьих упряжек, лесных трассировочных отрядов и топографических партий. Не просто пройдут, а пробыт дорогу для бесконечного потока транспорта с тяжелыми буровыми станками, стальными бурильными трубами, горючим, продовольствием — всем, что так нужно людям, преодолевающим тайгу. Пробыт дорогу там, где порой не проходила еще ни одна машина.

Читатели нашего журнала уже не раз слышали о богатом Березовском месторождении газа, открытом на стыке Урала и Сибири, о газопроводе Игрим — Серов, который должен дать ценное топливо Свердловской области. Тугим кольцом охватили этот богатейший район разведчики нефти и газа. Идель — самый западный их опорный пункт. Здесь расположена Нерпийская сейсморазведочная партия. Чуть поодаль, в некогда глухой мансийской деревеньке Вершине, скоро начнется бурение глубокой скважины.

А навстречу идельцам с востока движутся поисковики Березовской, Нарыкарской, Сартынской экспедиций. Стремясь найти газ на наиболее выгодных участках, в непосредственной близости к трассе газопровода, они смело отрываюся от обжитых баз на берегу Оби, выходят к водоразделам уральских речек, в бездорожье.

Трудно, очень трудно дается этот скачок в сердце урмана. Едва пригреет весеннее солнышко, едва набухнут водой снега — все дороги окажутся перекрытыми. Не завезут зимним путем со станции железной дороги тяжелое оборудование — пропадет целое лето. Лето, за которое можно пробурить десятки скважин, одолеть множество геофизических профилей, вскрыть новые газовые и нефтяные фонтаны...

«Трасса жизни» — так, еще не проложив ее, назвали нефтеразведчики будущий зимник, который должен пробить наш отряд. Начавшись у Иделя, он захватит деревню Вершину, а оттуда протянется почти на пятьсот километров совершенно безлюдной тайги. Только в конце пути появятся населенные пункты, хантыйские поселки Хангокурт и Шухтунгорт — крайняя точка нашего путешествия.

Отряд наш небольшой — всего десять чело-

век. Руководит им Александр Семенович Симановский. Разговорчивый и круглолицый, очень подвижной, несмотря на довольно солидные «габариты», Александр Семенович — ветеран разведок в этом районе. Больше десяти лет назад он приехал в Тюмень, когда на всей обширной территории была лишь одна буровая установка, одна геофизическая партия. Работал «на юге», около Тюмени, и на севере, близ Ханты-Мансийска. Много лет был начальником различных разведок, а сейчас — технический руководитель буровых работ большой Тюменской экспедиции. Ему, как говорится, и карты в руки — не только в переносном, но и в прямом смысле слова: топографические.

Вторая по значению фигура в отряде — механик Василий Пономарев. В его распоряжении солидная техника: внушающие уважение мощные гусеничные «лошадки», две бензопилы «Дружба», чтобы прорубать дорогу в тайге, обильные запасы горючего, занимающие целый кузов одного из тягачей. Василий — мастер на все руки: водитель и моторист бензопилы, слесарь и автогенщик. А кроме того, просто веселый, общительный человек, что немаловажно для трудного пути.

С радистом Семеном Романовичем Анищенко, высоким неразговорчивым человеком, мы почти еще не знакомы — все дни он возится с рацией, настраивает ее, прилаживает, устанавливает в кузове тягача. Известно лишь, что это опытный специалист, начальник радиосвязи всего геологического управления. Ничего, дорога долгая, успеем познакомиться и поговориться. Из практики известно, что у походного костра любой молчальник обретает дар речи...

С остальными — техником-топографом, водителями тягачей, вальщиками леса — мы еще встретимся на наших страницах. Десятый — корреспондент «Уральского следопыта».

Как видите, оснащены мы основательно. Одеты тоже, — не одну зимнюю ночь придется скоротать в снегу или в брезентовой палатке. У каждого меховой костюм — куртка и брюки, спальный мешок из собачьих шкур, долгополый тулуп. В таком обмундировании хоть на Северный полюс...

Вчера наш топограф, боевой Вася Растегаев снова расстелил карты местности. Еще раз внимательно изучили нанесенные тропы, пунктирные линии предполагаемых зимников. Жизнь

С КАРАНДАШОМ

Путевые заметки художника

А. Ф. Бурака

сразу внесла изменения в намеченный маршрут. Мы думали взять проводниками старых манси, которые, говорят, много лет назад оленями ездили отсюда в Березово с рыбой и пушниной. А оказалось, что многие участки пути пройдены топографами местной геофизической партии, проектировщиками железной дороги Ивдель — Обь и новых леспромхозов. Так у нас появился совсем иной проводник — взрывник сейсмической партии Рудольф Копеев, парнишка-татарин с простуженным баском и ярким девичьим румянцем на широкоскулом лице. Прошлым летом он одолел пешком добрую половину предстоящей трассы.

Казалось бы, что особенного — тот или иной проводник? Но как здорово отражает это сегодняшнее содержание таежных странствий! Не древний старец-охотник, не опытный оленевод, всю жизнь проживший в этих местах, а молодой парень-геолог, с картой и компасом в руках, становится первым знатоком урмана, знаменитым таежным следопытом.

Сегодня — день выхода в путь. Озабочен Александр Симановский: все ли учтено, ничего не забыто? Водители тягачей Виктор Емельянов и Георгий Щербаков в который-то раз проверяют все узлы машин, простукивают траки гусениц — известно, в тайге ремонтные мастерские еще не выстроены. Мы грузим в кузова тягачей бочки с соляной, ящики с оборудованием, мешки с провизией. Работы хватает всем. Впрочем, Рудольф Копеев убежал ненадолго в парикмахерскую: прямо из отряда уедет в свою партию, нужно хоть напоследок постричься: «навести красоту».

А рядом с нами идут другие, не менее хлопотливые сборы. Начальник партии, молодой инженер-уралец Сергей Чурсин отправляет «в поле», за полтора километра от базы, третий сейсмический отряд. Тарахтят трактора и машины; из только что отстроенных санных балков — походных деревянных жилищ геологов — уже совсем по-домашнему вьются белые кудри дымок. Рядом завершают переделку танка «Т-34»: вместо орудийной башни, как огромная трибуна, стоит сколоченная из свежих досок площадка для перевозки горючего и иных грузов. Легендарная «тридцатьчетверка», так прославившая себя во время Отечественной войны, и сейчас перешла на передний край мирного сражения за урало-сибирскую нефть.

На самом деле, какими грозными дорогами войны прошла эта заслуженная машина? Какие люди шли на ней в атаку? Кому она была доверена в послевоенные годы, прежде чем начала колесить тайгу с вечными бродягами-геологами? Записываем номер — №... Еще в нынешнем году мы постараемся рассказать вам, дорогие читатели, биографию нашего нового бронированного знакомого.

Впрочем, мы отвлеклись. Уже гудят моторы тягачей. Готовы к дальнему походу люди. Кончаю писать. Времени осталось только для того, чтобы запечатать это письмо. До новой встречи на противоположном конце таежной «трассы жизни»!

Евгений АНАНЬЕВ,
наш специальный корреспондент

г. Ивдель,
январь 1961 г.

1

Еле передвигая ноги, напрягая последние силы, бреду впереди растянувшейся группы путников по извилистой, еле заметной тропке. В голове назойливая мысль: сесть, отдохнуть, а лучше всего — вернуться.

Соленый пот течет по лбу и щекам, попадает в треснувшие губы. Омертвели плечи от тяжелого рюкзака с провизией и этюдника с привязанными к нему холстами и картонами...

Уже более пятнадцати часов идем мы — три художника — к вершине горы Денежкин Камень. Мне не раз пришлось совершать такие походы к вершинам Южного и Северного Урала. Поэтому я знаю, что сдаваться нельзя — трудности вознаграждаются, к тому же, я возглавляю нашу небольшую группу и должен показывать пример. Друзья далеко отстали, они тоже выбились из сил и мечтают об отдыхе. Особенно Борис — уже пожилой художник-пейзажист, ему всех трудней. Давно замолкли шутки совсем еще юного художника Лени из города Серова, он тоже изнемог, но старается не показывать этого.

Почти год готовились мы к походу. И вот мы в пути.

...Еще несколько шагов — и я падаю на землю. Привал! Сразу становится легко и хорошо, не хочется даже шевелиться. Даже вспоминать трудности сегодняшнего дня.

2

А денек был нелегким...

От деревни Воскресенки проводник довел нас до квартальной визирки, указал дорогу дальше и предоставил нас самим себе. Вначале всем было весело.

И КИСТЬЮ НА ВЫСОТЕ 1493 МЕТРОВ

Но шутки и остроты иссякли уже на первом болоте. Идем час, два, а кругом только кочки. Ноги чавкают в топкой жиже. Порой она доходит до колен.

Наконец — земля. Можно немного отдохнуть. Но, увы, недолго. Снова в путь. Снова болото — второе... третье... Длинный путь лесом, опять болото и, наконец, — ровная тропка в темном черном лесье. Она выводит нас на круглую вырубку, в центре которой высокий столб с надписью на доске:

Государственный заповедник
«Денежкин Камень»

О государственном заповеднике «Денежкин Камень», о большой и очень важной его работе по охране и изучению природных богатств северной части Среднего Урала мне приходилось немало слышать и раньше. Я знал, что здесь, в таежных просторах, спокойно пасутся стада лосей, обитает многочисленное зверье и пернатые, редкие в наших обжитых районах.

Но меня как художника привело сюда и другое — неповторимые по красоте пейзажи горной тайги: манили величественные дали, открывающиеся с высшей точки заповедника — горного массива Денежкин Камень. Хотелось все это увидеть своими глазами и перенести на холст, картон и бумагу свои впечатления.

...Еще час пути — и мы буквально наткнулись на избушку. Словно на курьих ножках, окруженная буйной травой, приютилась посреди лесной полянки срубленная топором сторожевая избушка. Извилистые тропки вели от нее к

столику, к костру и в лес, где слышно переливистое журчание быстрой горной речки. Здесь так уютно, спокойно, удобно. Отдохнув, всласть напившись вкусной и необыкновенно прозрачной, с аквамаринной голубизной водою, опорожнив ведро супу, размышляем:

— Что будем делать — заночуем здесь или пойдем дальше, к вершине?

Конечно, отдохнуть хорошо, но азарт берет верх.

— Сейчас без четверти четыре, до вечера еще далеко. Пошли!

Сложив рюкзаки, поправив одежду и обувь, двинулись вперед, не зная, сколько километров до горы, какой путь, где будем ночевать.

Это была наша ошибка. За то, что не рассчитали своих сил, мы и терпим сейчас, изнывая от усталости.

Таков был этот денек...

3

...Воспоминания окончены. Медленно поднимаемся и опять бредем вперед.

Уже потянуло вечерней прохладой, небо начало покрываться золотым румянцем. Подъем стал совсем крутым. Лес поседел: густые нити мха оплели стволы и сучья деревьев. Всюду непролазный бурелом, густая темнота.

Тропка все чаще теряется среди огромных камней. Еще отдых, еще переход, и, наконец, лес кончился. Мы вышли на «каменную реку».

Когда-то огромные камни неслись с вершины, крошили друг друга и намертво ложились в низинах, образуя

реки из камней. Одна из них — перед нами.

Огромными зубцами встали впереди синие силуэты вершин. Самых причудливых форм шиханы словно сторожат дали. Они везде: прямо, сбоку, впереди. Между ними низкие кедры, как сказочные чудовища, шевелят корявыми ветвями.

Мы вступили в царство ветров и стихии, мы у вершины Денежкина Камня и не можем оторваться от величественной картины.

Солнце совсем закатилось, тучи угасли и стали темно-синими. Вдали вспыхивают огоньки. Их сотни, тысячи... Слева — меньше, справа погуще, а там, впереди, — целое зарево. Это рудники, рабочие поселки и города.

— Вот Североуральск, правее Карпинск, Серов, — угадывали мы, — вот домны, над ними высоко в небо поднимаются столбы красного пламени.

Костер, ужин и спать! Прямо у костра, под крышей из ночной мглы.

4

Проснулся я от жгучего холода. Костер давно погас, только под слоем пепла чуть тлеют угольки. Борис и Леня, закутавшись с головой и скорчившись в три погибели, спят.

Чтобы не прозевать восхода, я взял этюдник и побегал выбирать место для первого этюда.

Ставлю холст, готовлю краски, кисти. Природа начинает оживать, окрашиваясь в мягкий лиловый цвет. Туман клубится, оседает по долинам, открывая зубчатые силуэты вершин. Лес, как из наплыва в кино, выступает ровной стеной, вдали он растворяется в темно-синей дымке.

Быстро пишу, стараясь схватить общее впечатление утра. Светает. На глазах все просыпается, оживает. Из темной дали появляются извилистые полосы рек, ровные линии просек, золотистые отвалы породы близ рудников, селения, города.

Работаю быстро, возбужденно — все меняется на глазах, нужно быстрее схватить неповторимую красоту. В голове уже зреет замысел большого, монументального пейзажа «Утро над Уралом».

Друзья все еще спят. Хочется их разбудить, чтобы и они пережили восторг и красоту раннего утра в горах, но... уж очень сладко они спят. Я сходил за водой, поставил завтрак и только тогда устроил всеобщий подъем.

— Вы что, спать приехали? Смотрите, уже взошло солнце!

День — великолепный, ясный, только успевай пиши! Сбиваю два холста вместе и пишу весь день без отдыха.

Слева на скале — Леня, чуть подальше — Борис. Работаем все, как зачарованные, лишь изредка окликаая друг друга.

К вечеру решили пойти на самую вершину. С нетерпением преодолеваем одну гряду шиханов за другой. Поднимаемся на одну, думаем, конец — нет, впереди опять шиханы. Чем выше, тем реже и чахлей деревца.

Выше совсем голо. Лишь кое-где, укрывшись за камнем, вдруг появится совсем крохотный кустик сосны. Он стелется прямо по земле, плотно прижимаясь к ней, боясь подставить холодному ветру хоть одну ветку. И только мох разноцветными бархатными коврами скрашивает суровую картину.

Но вот перед нами встала голая, безжизненная вершина. Здесь нет ни кустика, ни травинки, — только камни, камни и камни.

Низко, почти над нашими головами, текут облака. Тучи срезают остроконечные вершины, придавая пейзажу суровую красоту.

Молча открываем этюдники и, затаив дыхание, пишем. На высоте 1493 метров! Ветер рвет холсты, старается сбить с ножек этюдники, но мы не замечаем его, увлеченные этой красотой.

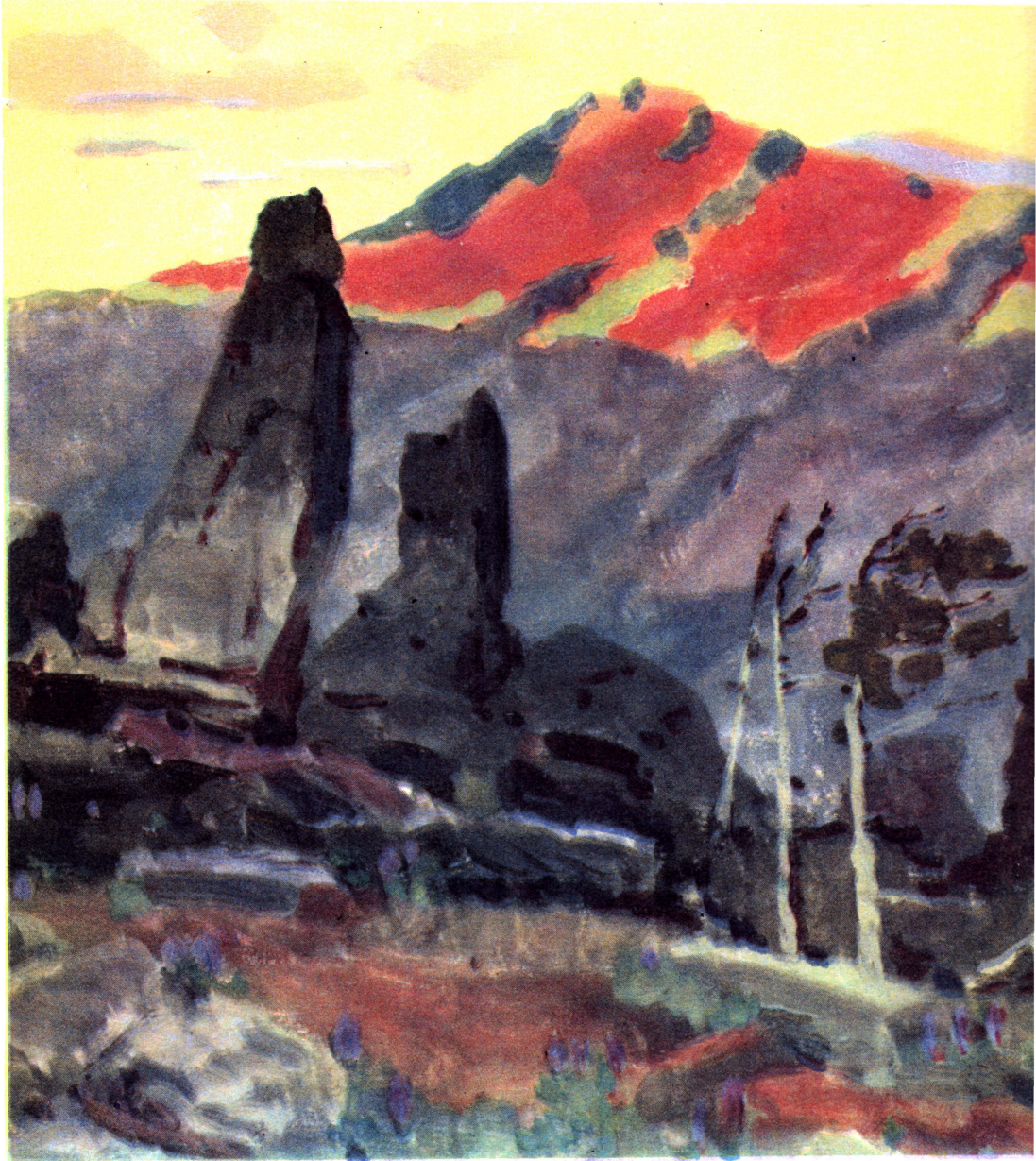
Целую неделю работали мы на горе, обходили ее отроги и увалы, лазили по шиханам и россыпям и — рисовали, рисовали, рисовали.

С большими впечатлениями, нагруженные этюдами и рисунками, покидали мы заповедные места. На всю жизнь останутся в памяти бесконечная тропка, темные бескрайние леса, каменные россыпи, величественные скалы, голубые дали, неповторимые пейзажи заповедника «Денежкин Камень».

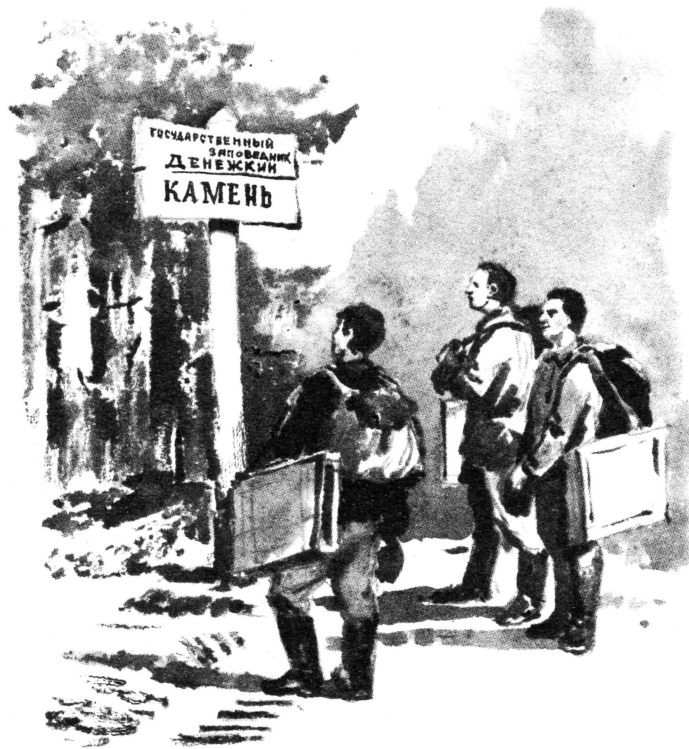
Август 1960

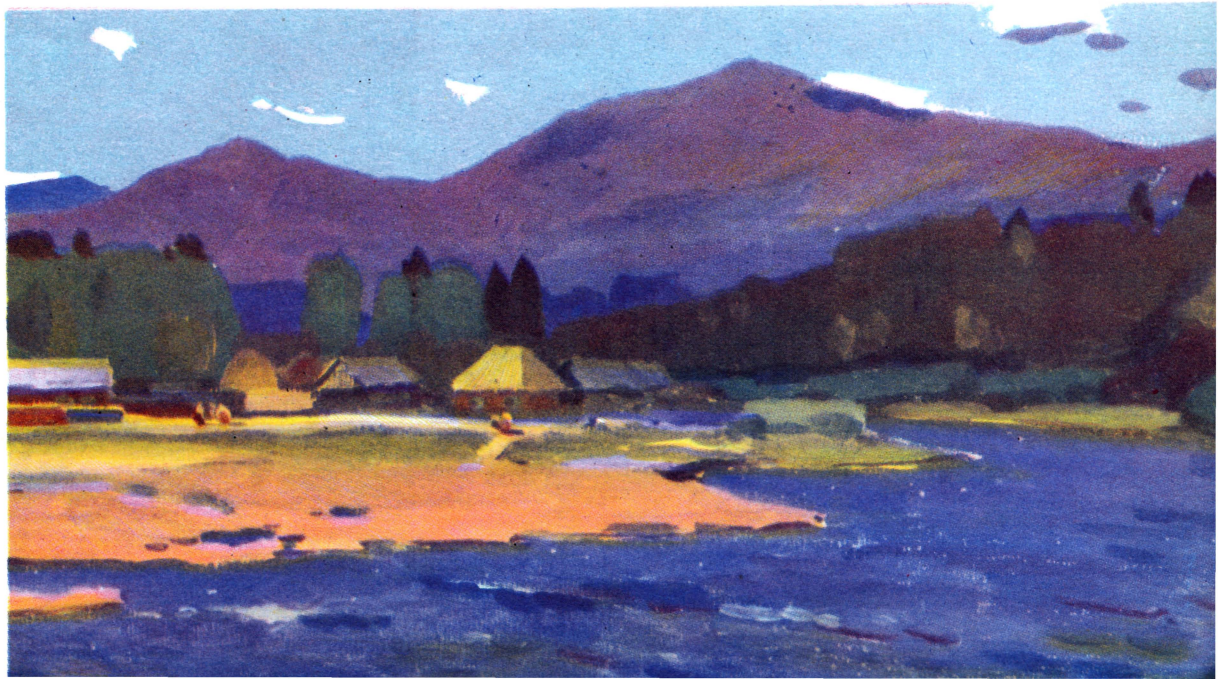

*Художник
А. Бурак*

ДЕНЕЖКИН КАМЕНЬ

ПЯТЬ ИЛИ ШЕСТЬ ?

Записки приятеля

Содержание предыдущих глав

Тайга, север, горы. В туристском походе пятеро заводских ребят. Сережка Векшин с Надей Зотовой белой ночью увидели спускающиеся парашюты. Сережка возвращается в ближайшее селение, куда прибыл на вертолете и майор Бехтин, от лица которого ведется повествование. Сбит отказавшийся приземлиться иностранный самолет. Предполагают, что он успел выбросить парашютиста, а то и двух.

По пути Сережка Векшин заходит на стан к студентам-зоологам. Лихие парни — Миша и Петя — только что проворонили подозрительного человека: они дурачились, а неизвестный принял их за бандитов и, испугавшись, скрылся.

Глава пятая

НА ХАРАКТЕР

В заводском обиходе говорят: «На характер». Это значит: из принципа, по упрямству, от сознания своей чести и достоинства, с азартом, — все вместе. Сережка бросил своих товарищей и отправился один в Р*, можно сказать, «на характер». Но беспокойство за все, что хоть немного его касается, всегда толкало Сережку к решительному действию.

Сидя со студентами возле их палатки, на поляне в ольшаннике, Сережка злился. Думал, думал, и чем больше думал, тем злился больше. Сон исчез, усталость забыта. Сережка не из тех, кого при размышлениях клонит ко сну. Он возбуждался с мальчишеской непосредственностью: левое ухо покраснело, брови поды-

мались, лоб взморщивался, глаза округлялись и замирали.

Призадуматься-то есть над чем. Известный убежал, а Миша с Петей ничего внятного сказать не могут.

В то же время Сережка не стал им говорить о парашютах, не стал объяснять, зачем спешит в Р*. Миша и Петя все-таки выглядели не очень серьезными, да и знал их Сережка весьма приблизительно: всего второй раз встретился.

— Лопухи! — со вздохом произнес он, прикидывая про себя, как быстрее добраться до цели. Ведь в Р* может и не оказаться таких людей, которым следует сообщить о парашютистах.

— Что-о-о? — возмутился Миша. — Ты поосторожней выражайся.

— Кто это — лопухи? — еще более вспылал задиристый Петя.

— За речкой лопухи, — отговорился Сережка. — Сплошные заросли... — Но добавил со значением: — Трава такая... Ни-кудышная!

* Продолжение. Начало в № 1.

— А ну, давай, сыграем в карты! — со вздорной угрозой предложил Миша, вынув из кармана колоду и начиная тасовать ее с проворством завязатого шулера.

— Да, да! — тем же устрашающим тоном поддержал Петя. — Сыграем. Посмотрим его умственные способности.

— Это что, ваш научный метод определять уровень развития? — усмехнулся Сережка. — На что играем?

Сережкина злость росла и постепенно вся обращалась на студентов. Он сдерживался, злость искала выхода. Азартный Миша согласился играть на что угодно, и Сережка решил проучить парней:

— Давайте — на раздеванье.

Забавное условие понравилось. Мигом сдали карты. Миша и Петя надменно ухмылялись, предвкусывая исход: сейчас этот мальчишка, слишком много, по их мнению, воображающий из себя, будет кормить мошкарку.

— Таежный гнус — это гнусно, — философски произнес Миша.

Петя уточнил:

— Раздеваешься и идешь поближе к речке, где гнуса больше.

— Согласен, — ответил Сережка.

Докучливые тучи мошкары вились вокруг. Только отойди от костра! Солнце клонилось к западу, жар спадал, и, казалось, из-под каждого листа, из-под каждой травинки вылетали тысячи этой кусливой мелкоты.

Но Сереже ничего не стоило надуть таежных хватов, хоть сам он и не увлеклся картами. Через несколько минут был вынужден раздеться Миша. Проиграл. А еще через минуту стал раздеваться и Петя.

— И трусы снимайте, — сказал Сережка.

Он деловито сложил их одежды в кучу, а карты разорвал и бросил в костер. Потом скомандовал:

— Марш — к воде! Ведь уговорились!..

Все это происходило так быстро, что Миша с Петей не успевали опаматоваться и послушно повиновались. И ловкий выигрыш Сережки, и его сильные пальцы, после игры разорвавшие пополам всю колоду разом, и Сережкино убийственное спокойствие, — все это ошеломило парней, умерило их спесь и чванство.

— А долго нам — так, без рубах? —

только и спросил Петя, отчаянно отмахиваясь, отхлопываясь, дергаясь и отбрыкиваясь от мошкары, липнувшей к голому телу. Миша, совсем угнетенный, присел на корточки и немилосердно хлестал себя по спине ольховой веткой, словно баннным веником.

— Три минуты, — серьезно ответил Сережка и стал насвистывать песенку Миши, слышанную еще при первом знакомстве с ними:

Мы био-зоо-веды,
Не страшны нам белы,
Зверь нам самый дикий —
Лучший друг и брат..

Он тщательно осмотрел оставленный скрывшимся незнакомцем рюкзак. Но это ничего не дало. Обыкновенный костюм, кепка, чистая рубаха, механическая бритва, полотенце, мыло, — все, что там оказалось. Кроме бритвы, явно заграничной, но такой, какие Сережка видывал прежде, все остальное ни о чем не говорило. Пистолет русский — обыкновенный, что носят наши офицеры.

Наблюдая за ним, Миша и Петя по-серьезнели. Вернувшись к костру, они стали вспоминать вслух всю историю: как бровастый появился, да как испугался и счел их за жуликов, за грабителей. Сережка сказал с раздраженной подковыркой:

— Что ж, он не зря боялся. Его и правда ограбили.

Он уложил все вещи незнакомца обратно в рюкзак. Миша и Петя, отмахиваясь от мошкары, растерянно и виновато переглядывались. Сережка добавил:

— В лесу, выходит, тоже нужны народные дружины — следить за общественным порядком.

— А пусть не притворяется! — в сердцах воскликнул Петя, оправдываясь.

— Как же он притворялся?

Вспокоившись и начиная оценивать все по-новому, Миша рассказал, как неизвестный говорил о себе. Миша еще пытался при этом улыбаться. Вот, дескать, какой дурачок этот бровастый. Но с каждой минутой он все ясней и ясней чувствовал, что тут не до смеха. Сережка слушал, напряженно насупись и порываясь встать. Петя тоже начал что-то соображать — раскрыл рот, встревожась, даже мошкарку перестал отгонять, и она облепила ему всю спину.

— М-м-да-а! Сомнительный мужчина, — подтвердил он.

Взяв рюкзак бровастого и сунув в него пистолет, Сережка решительно поднялся:

— Лопухи. Точно — лопухи! — сказал он, укоризненно покачав головой. И, не добавив ни слова, порывисто повернулся и зашагал прочь.

— Куда ты? — спросил Петя.

— Все туда же, — сердито ответил Сережка и, перейдя речку, помахал им рукой. — Будьте здоровы! Можете одеться, бдителюги!..

Сережка любил употреблять всякие словечки, производные от обычных, придавать им иную окраску. Уничтожающее — «бдителюги» — дошло до сознания Миши и Пети, считавших себя в тайге, как дома. Они вконец были сокрушены, превратились в напуганных мальчиков.

Миша, правда, еще попытался догнать Сережку:

— Стой!.. Вернись!.. Товарищ Векшин!..

— Боюсь, дрова заготовлять заставите, а я к немеханизированному труду не привык, — отшутился Сережка и скрылся за деревьями.

Миша сам не свой вернулся к костру.

— Стой!.. Стой!.. — безнадежно кричал Петя. Зарядив ружье, он выстрелил в воздух, сам не зная зачем.

— Верни-и-и-ись!.. — еще раз позвали они в один голос.

И, не сговариваясь, оба решили бежать за Сережкой. Надо же толком объяснить! Надо же что-то предпринимать, если в тайге появилась посторонняя личность.

— Надо же координировать наши действия! — воскликнул Миша, совершенно не представляя, что он будет делать, и что надо делать.

Похватав патронташи, надев их в спешке прямо на голое тело, они побросали в палатку остальные пожитки и стали тушить костер.

— Бровастый пошел в Р*, ближе — некуда. Можно нагнать его, отвести куда следует для проверки, — рассуждал Петя, неуверенно успокаивая себя и Мишу.

— Да, да!.. Скорее!.. — бормотал Миша в панике. — А то этот Векшин!.. Будет везде рассказывать, что мы потеряли бдительность. Еще и в газету напишет, просмеет... Он языкатый. Ты видел, как он разговаривает? Это, брат, рабочий класс новой формации!..

И они отправились бы за Сережкой, если б в это время вдали, вверху по руслу речки, не показался дядя Володя Чурсин. Когда парни перебирались с камня на камень через воду, старик увидел их и окликнул:

— Эге-ге-е-ей!.. Ученые-е-е!..

Миша с Петей吓了一跳 в заросли, но тут же смекнули: от старого охотника никуда не скроешься, далеко не уйдешь. И они вернулись к своей палатке, делая вид, что ровно ничего не произошло. Петя принялся раздувать плохо погашенный костер, Миша — чистить свое ружье. Здравый смысл окончательно покинул их.

— Ну, как ваши бурундучьи дела? — весело спросил Чурсин, по-хозяйски присаживаясь к костру. — Ох, и наматался я сегодня! Лошадь загнал, пришлось оставить у Кичмаева... Поставь-ка мне кипяточку... «Красные Орлы» в гражданскую по восемь верст делали за час, а я по лесу — все девять... Что у вас тут случилось? Чего вы — голопузые? Вроде, и не жарко...

Внешне беззаботный, Чурсин, однако, сразу все успел осмотреть и заметил, что костер заливался водой и притаптывался, а палатка не разбиралась. Да и по тому, как Петя услужливо принес воды в котелке, настроился вскипятить, по тому, как Миша с бессмысленным усердием чистил ружейное клеймо на подушке ствола, — по всему было видно, что у них не все ладно. Что-то произошло.

— Ничего, — кротко ответил Миша.

— У нас все в ажуре, дядя Володя. Не волнуйтесь, — успокоил Петя и добавил, как мог беззаботнее: — Все в ажуре — без дождя, без бури...

Парни стали, наконец, одеваться. Чурсин как бы между прочим взял Петино ружье, заглянул в патронник:

— А чего стреляли? И почему стреляли тем ружьем, а чистите это? Кому кричали «вернись»?

— Парень был здесь, — нехотя сказал Миша. — Не успели поговорить — ушел дельше, к вам в Р*.

— Да, да, Векшин, — поспешил подтвердить Петя. — Из тех туристов-машиностроителей. Они же у вас в Р* были.

— Один? — спросил Чурсин.

— Один, — ответил Миша.

— А чего — один? Что-нибудь стряслось?

— Кто его знает? — развел руками Петя и нервно хихикнул. — Спешит, спешит... Ничего не объяснил...

— Ну, я его нагоню, — нахмурился Чурсин и принялся за крепкий навар чаги, поднесенный ему Петей. Как истые таежники, парни пили вместо чая навар чаги — березовой губки, гриба-трутовика.

Помолчали. Отпивая большими глотками и выжидательно поглядывая то на одного, то на другого, старик ждал и надеялся: парни расскажут еще что-нибудь. Но они только посматривали на него вопрошающе. Тогда он поинтересовался:

— Никого больше не видели?

— Нет, — быстро ответил Миша. — А что?

— Да вот, нарочно завернул к вам — предупредить... и попросить...

Старик тянул, раздумывая. А Миша с Петей наострили уши: Чурсин пришел специально, значит, что-то чрезвычайное.

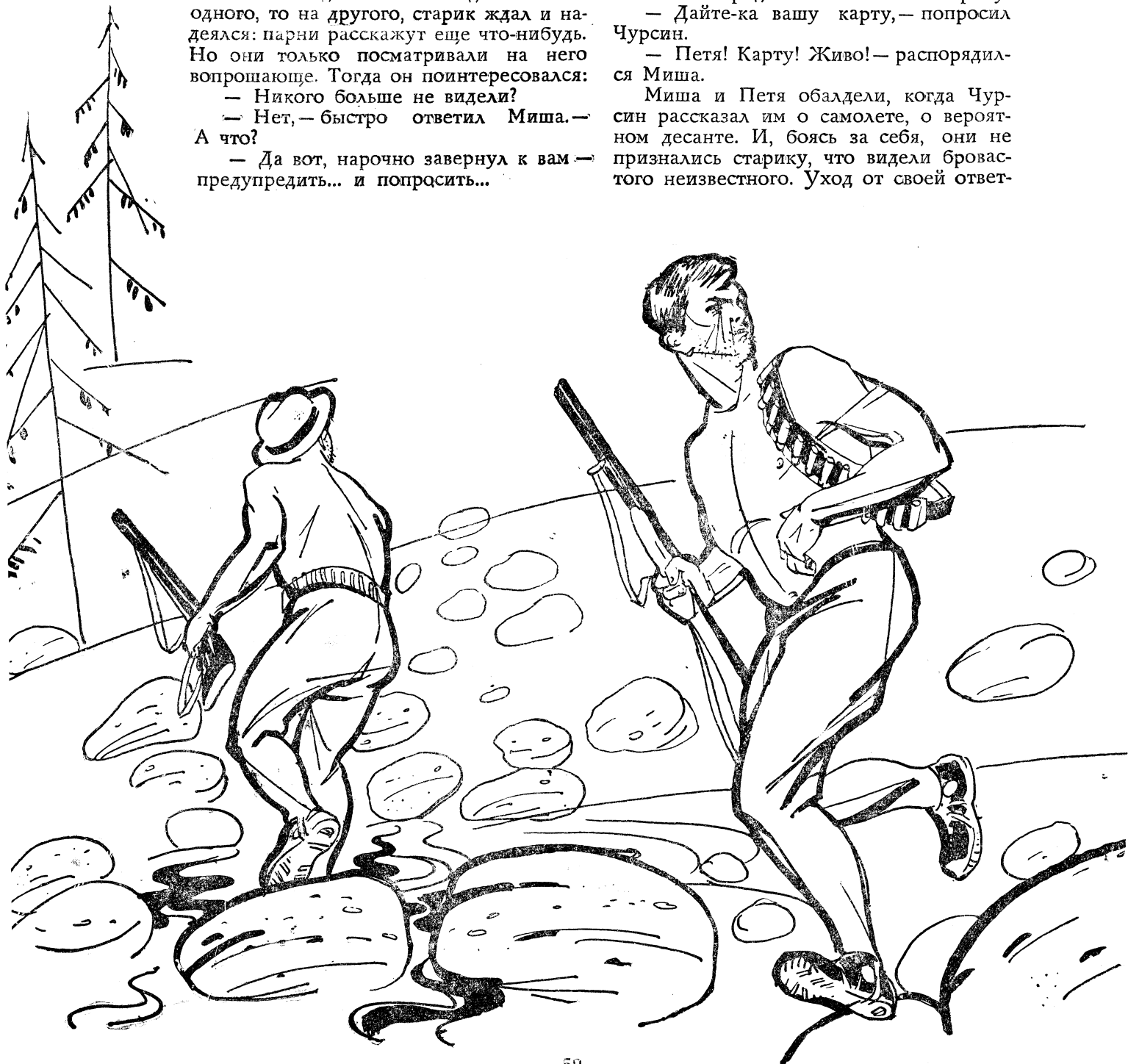
— Для вас, дядя Володя, вы же знаете, мы... — услужливо начал Петя, так как молчание становилось нестерпимо тягостным.

— Ваши поручения — мы всегда с удовольствием!.. — добавил Миша, с готовностью придвигаясь ближе к старику.

— Дайте-ка вашу карту, — попросил Чурсин.

— Петя! Карту! Живо! — распорядился Миша.

Миша и Петя обалдели, когда Чурсин рассказал им о самолете, о вероятном десанте. И, боясь за себя, они не признались старику, что видели бровастого неизвестного. Уход от своей ответ-

ственности — величайшее зло нашего времени. Я не боюсь этой громкой фразы, потому что оно действительно так, хотя в данном случае и звучит смешновато. Старику и в голову не пришло, что парни могут скрыть свою встречу с парашютистом. Дядя Володя попросил их пойти к туристам — усилить заслон на горе перед белой тайгой. И парни, очертя голову, двинулись выполнять его поручение, храбрясь и пыжась друг перед другом.

В тот вечер я с сержантом Митей благополучно возвратился на вертолете в Р*. Мы облетели все места, где в тайге работали или жили люди, поговорили со многими, чтоб были начеку, попросили сообщать нам все, что проявится. У геологов мне удалось по радио связаться со своими начальниками. Договорились, что я не буду пороть горячку, что и военные товарищи тщательно просмотрят с воздуха всю подозрительную местность, хотя с вертолета увидеть кого-либо скрывающегося в тайге трудно. Предлагали помощников, я пока отказался. Если понадобится прочесать лес, пришлют автоматчиков.

Вертолет определили в мое распоряжение, и я отправил его в районный центр — доставить почтальона домой, пополнить горючее, привезти радиостанцию, уже заброшенную туда.

В те часы я, конечно, еще ничего не знал ни о студентах-зоологах, ни о Серёжке Векшине. Мы с сержантом Митей прилегли отдохнуть в доме Чурсина,

ожидавая его самого, как условились. Кругом была такая мирная тишь, что закрадывалось сомнение: «А вдруг никакого десанта иностранный самолет и не выбрасывал?..»

Но я отогнал эту мысль, рожденную, возможно, свойством миролюбивого характера. «На характер» вообще рискованно поступать. Все мы, русские, по натуре оптимисты оптимистами — дальше некуда.

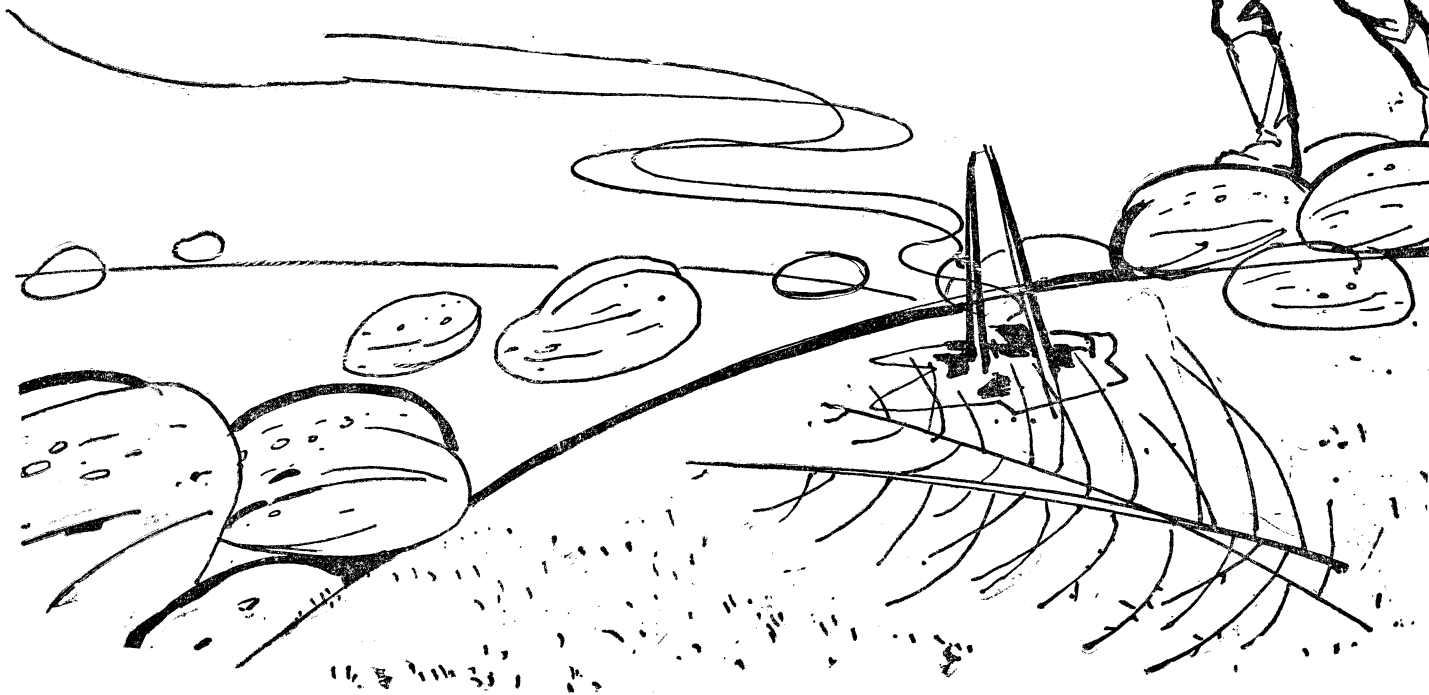
Привыкли мы верить своему человеку, случается, по первому впечатлению, и о чужих думаем: «Может быть, в самом деле заплутались, поймут, извинятся...» Жаль только, что разочаровывает нас практика соприкосновения с неожиданными гостями в нашем небе и на нашей земле...

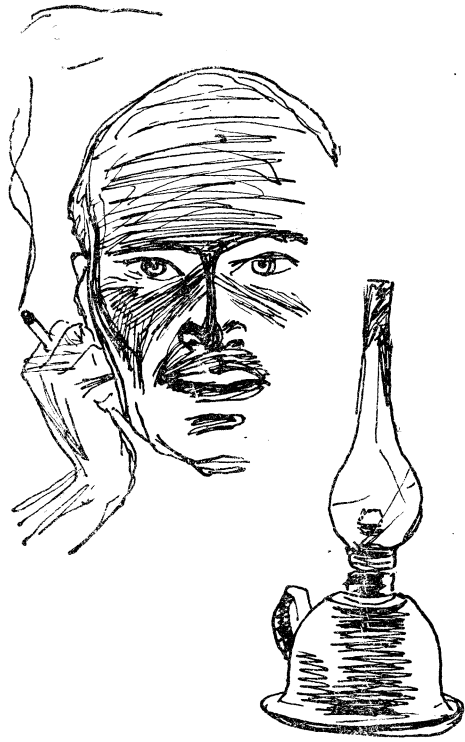
Нет, не должно наше миролюбие оборачиваться в благодушие!

Глава шестая

Я СОМНЕВАЮСЬ

Владимир Иванович Чурсин вернулся домой в начале ночи. Я с нетерпением ждал его и, грешным делом, волновался: случись с ним что-нибудь в дороге — насколько все усложнилось бы! Мы даже обнялись, как старые закадычные друзья. Он дельно и коротко доло-

жил, кто оповещен им о вероятном десанте, где и что предпринимается. Над картой района мы все обсудили, во всем разобрались, и он убеждал, что территория, где высадились парашютисты, берется в кольцо. Все тропы, все возможные направления, по которым кто-либо двинется из белой тайги, будут контролироваться охотниками, рыболовами, оленеводами. Там, где не побывали на вертолете мы с сержантом Митей, Чурсин договорился о засадах. Получалось — поставлена на ноги вся тайга.

Но я сомневался в легком успехе. Уж очень необжита, неизучена, дика вся эта местность. На десятки, сотни километров — лес, лес и лес, — то хвойный, то лиственный, то болотистый, то загроможденный скалами, валунами или каменистыми россыпями. Искать иголки в стоге сена — тяжелое занятие. А тут — «игопочки» блуждающие, да еще, наверное, вооруженные и оснащенные по последнему слову техники.

И, главное, если судить по литературе и кинофильмам, — у жителей тайги повсюду священные места, куда они ни за что не пойдут и посторонних не пустят. Не раз я читывал, как трудно в этих северных краях найти проводника

для какой-нибудь экспедиции, встретить содействие. А те, что идут без местных проводников, бывает, гибнут по непонятным причинам.

Есть, например, множество легенд о «Золотой Бабе», которую якобы бережно охраняют религиозно настроенные коренные жители этих краев. Будто где-то в тайге скрыт древний идол с несметными сокровищами. Путешественники о «Золотой Бабе» пишут более сотни лет. Одни сообщали, дескать, идол похож на составную деревянную матрешку — вятскую игрушку, что делают из осины в Предуралье: раскроешь куклу — в ней другая, поменьше, затем — третья, четвертая. Только «Золотая Баба» не деревянная, а из чистого золота и в несколько раз выше человеческого роста. Внутри — идол поменьше, из платины, затем — из серебра, потом — опять из золота.

Другие же утверждают, что это деревянный истукан, стоит на древнем капище — месте жертвоприношений, там и накопились несчетные сокровища — золотые, серебряные, платиновые слитки. В общем, легенда есть легенда, никто не видел воочию. Не веришь — сбегай проверь, — как говорят в Одессе.

Было немало отважных, пытавшихся найти этот легендарный клад. Широко известна экспедиция московских братьев Кузнецовых. В 1909 году они организовали с помощью тогдашней Императорской Академии наук полтора десятка ученых для исследования нашего Севера, путешествовали несколько месяцев и вернулись ни с чем. В их отчете, изданном солидной книгой, говорится, что местные проводники будто бы заставляли их кружить и кружить на одном месте в радиусе ста пятидесяти — двухсот верст. Не спуста!

Зарегистрировано и много случаев необъяснимой гибели разных людей в этих краях «Золотой Бабы». Легенды говорят, что там всюду наставлены натянутые луки-самострелы: шагнешь неосторожно — тебя навывлет пронзит каменная стрела. По легендам, там водятся огромные стаи рысей, и никто не уйдет от их нападения ночью, когда эти хищнейшие сильные кошки начинают прыгать с деревьев на всякого, кто осмелится приблизиться на семь верст к сокровищам. Это уже совсем враки.

Между прочим, почему бы нашим со-

временным краеведам не рассказать читателям о «Золотой Бабе» все подробней и вразумительней? Надо отделить фольклорный вымысел от правды, объяснить возникновение столь загадочного мифа¹.

Я поделился своими сомнениями с Чурсиным:

— Не мешает ли нам, дядя Володя, эта проклятая «Золотая Баба»?

Старик неожиданно рассердился на меня, закричал:

— «Золотая Баба» в Овроле пивом торгует! Можете съездить посмотреть!.. Правильно, Митя, я говорю?

Сержант Митя живо согласился. Чтоб умерить гнев старика, он подтвердил преувеличенно серьезно:

— Да, да, Алексей Михайлович! Легендарная буфетчица! Сказочно богата, а на жульничестве никак подловить не можем.

Дядя Володя посмеялся и помягчел. И уже спокойно, почти несердито сказал:

— Не знаю, товарищ майор, что думают религиозно настроенные мансийцы, к ним я не обращался, да где найдешь теперь таких? Но если вам понадобятся проводники, я найду вам десять, двадцать, тридцать добровольцев. Сколько надо!.. Ваши легенды сочинены в восемнадцатом веке, я их сам немало знаю, а сейчас вторая половина двадцатого.— Он опять засмеялся и добавил:— А если ваша «Золотая Баба» именно там, где спустились парашютисты? Хе-хе-хе!.. Самострелы! Стаи рысей!.. Чудеса!.. Езжайте, дорогой Алексей Михайлович, спокойно домой — доложите, что с парашютистами расправилась «Золотая Баба».

— Да-а, пожалуй, — примирительно поддержал я его шутку.

— Митя!..— Дядя Володя начал командовать сержантом.— Давай-ка организуешь свой пост. Какой же ты милиционер, если у тебя, здесь у нас, и поста нет? Вот-вот должны появиться голубчики!.. По-моему — двое. Да еще парнишка из туристов сейчас придет.

Я согласно кивнул Мите, и он исчез, схватив на ходу пару шанег, что пекла за перегородкой комнаты старшая дочь Чурсина. Дядя Володя проводил его до

сеней, давая наставления — куда смотреть, с кем держать связь из молодых охотников.

Шаньги с мятым картофелем и пережаренным луком так вкусно пахли, что я, наверное, глотал слюнки. Дядя Володя, прежде чем продолжить наш разговор, принес полную тарелку этих уральских ватрушек, с пылу, с жару, и заставил меня поесть.

Его расчеты, что вот-вот в Р* придут двое, основывались на своеобразных доводах. Он достал из кармана лоскут добротной легкой парусины. Рассмотрели. Это оказался карман от куртки.

Нашел его дядя Володя неподалеку, на сучке, невысоко над землей. По его заключению, шел человек, спешил, перепрыгивал с камня на камень, зацепился — и нашитый карман целиком отлетел. Дядя Володя утверждал, что человек, судя по тому, как лоскут висел, двинулся к Р*.

— И человек заведомо новый. За последние месяцы в нашей округе никого в такой куртке не бывало.

Другой человек, на тропе, ведущей в Р*, долго шел впереди дяди Володи, хорошо были слышны шаги. Но когда старик стал нагонять его, тот сумел схитрить. На каком-то спуске по каменистой россыпи человек столкнул вниз камень, а сам остался наверху. Дядя Володя и проскочил мимо, думая по шуму, что человек спустился.

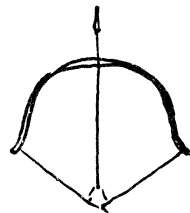
— Прео-о-опытный таежник! — посмеивался старик.— Надуть меня посреди леса не всякий может. Придет — посмотрим, что за гусь... Ну, и вскорости должен подойти сюда парнишка из туристов.

Он рассказал, как наведалься к студентам.

— Раз парень от туристов побегал сюда, стало быть, там у них что-то стряслось. И немудрено: они добрались как раз до той долины, за Спесивой горой.

Я слушал старика и диву давался. Казалось, спроси, сколько он сегодня встретил на пути кедров, берез и сосен, — дядя Володя прикинет про себя и ответит.

Он сидит за столом, напротив меня. Озаряя его широкие скулы, натянутую бронзовую кожу, горит желтым светом керосиновая лампа. Щурясь на огонь, старик аккуратно откусывает душистую

¹ От редакции: сообщаем тов. Бехтину, что такой материал готовится отделом краеведения и скоро будет опубликован в нашем журнале.

шаньгу, зубы — все один к одному! Тщательно прожевывает, запивая молоком. И только проглотив и словно убедившись, достигла ли пища желудка, он произносит несколько фраз:

— Те, что идут сюда, торопятся. Сильно торопятся. Иначе за день столько не отмахать. Стало быть, Р* — их цель.

Любуясь, как он ест — не ест, а лакомится — я предложил: не выйти ли и нам с ним на помощь сержанту Мите? С чем спешат сюда голубчики — неизвестно.

— Хва-а-тит, — ответил дядя Володя. — Восемь мальчишек у меня по за углами расставлено.

Ожидание будоражило. Я прислушивался к звукам за окнами. Подмывало выйти на улицу — встать где-нибудь в засаде с пистолетом наготове, и я еле сдерживал накаляющее волнение. Черт те что! Хорошо знаю, что подобные события, которых напряженно ждешь, обычно проходят буднично и просто, гораздо обыденнее и менее занимательно, чем в приключенческих книжках, да и не впервые мне все это. Но все-таки я — живой человек, с нервами, с чувствами. Ответственность и значительность дел, редко похожих одно на другое, всегда приподнимают дух и обостряют переживания.

Не здесь ли кроются главные упущения приключенческой литературы, думаю я сейчас, когда пишу эти строки? В некоторых книжках, что мне приходится читать, действуют и переживают они — шпионы, диверсанты и им подобные сверхчеловеки, а мы — советские патриоты — лишь двигаемся по прямой линии, согласно своему долгу, выполняем роль третьестепенных персонажей. Авторы, видимо, сами это чувствуют и, чтобы уравновесить впечатление, делают шпионов и диверсантов глупыми, недалекими, совершающими пустяковые и опрометчивые поступки.

— Идут они порознь, — негромко рассуждал дядя Володя, покончив с ужином и закручивая большую папироску самосада. — Атаковать наш Р* они не будут. Намерения у них другие.

Я заметил, что он тоже сторожко прислушивается. Но не подает виду и тихо говорит, словно сам с собой:

— Неужели на спуске по камням надул меня этот парнишка из туристов?.. Не должно быть!.. Такая хитрость

в лесу — у заводского человека?.. Жаль, давно дождя не было — следы плохие... Нюся! — неожиданно громко окликнул он свою дочь, которая мыла посуду за перегородкой. — Ты не помнишь, какие ботинки были у тех, заводских, что в дальний березняк пошли, за Спесивую гору?

— Обыкновенные, за сто шестнадцать, на микропоре. Как у Пашки Гилева, видал, он недавно привез, — ответила Нюся. Это были единственные слова, что я от нее слышал за все время пребывания в доме у Чурсина.

— Так-так-так-так, — задумчиво и весело проговорил дядя Володя. — Векшин, Векшин его фамилия — студенты сказали. Ну, хитер!.. Ну, хитер!..

Второй раз старик упомянул — «Спесивая». И я спросил его о горе: на моей карте такая не значилась. Почему — Спесивая?

— Название, наверное, дано в шутку, на картах гора никак не пишется, — улыбнулся дядя Володя. — Есть поверье, будто бы, если на Спесивой горе заночевать — ей это не нравится: она начинает шевелиться, дыбиться и сбрасывает с себя. Просто ходить можно: гора как гора, с лесом, с камнями, а заночуешь — сбрасывает. Дед мой божился, что это сушая правда. Он в молодости однажды там чуть не погиб. Будто бы заночевал на горе зимой с товарищами — компания человек восемь. Разгребли снег, соорудили шалаш, разожгли костер, — все чин чинном. А ночью поднялся буран. Они сидят, распарились в тепле, сушат онучи. И вдруг под утро гора зашевелилась — вздыбливается, словно уросливая кобыла, стряхивает их с себя. Страх!.. И сидеть невозможно, и перепугались до расстройства пищеварения. В чем были — так и повыскакивали из шалаша: без тулупов, босые. Кругом снегу по пояс, метет, ветер сбивает с ног, сдувает с горы вниз. И стужа — градусов сорок, а то больше. Все они и позамерзали. Выжил один мой дед, он упрямый был вогул, мансиец по-теперешнему. Когда его ветром с горы сдуло, он пополз обратно наверх, к шалашу — и успел, не заоченел. Ползет и думает: уж лучше на горе перетерпеть ее вздыбки, чем окачуриться на морозе. Забрался — глядит: костер весь развалило по сторонам, и на том месте, где горел огонь, торчит огромный золотой ку-

киш. Схватил мой дед шапку да тулуп, нярки да онучи и — деру...

Рассказывая, дядя Володя все время посмеивался и не столько над приключениями своего удачливого деда, сколько, по-видимому, надо мной: я сидел, развесив уши, забыв на несколько минут обо всем. Я люблю такие байки: в них предания затейливо переплетаются с действительными событиями, и сразу не отличишь, где реальность, а где вымысел. Я задумался, замечтался.

Но дядя Володя быстро вывел меня из этого состояния.

— Может, это ваша «Золотая Баба» показала кукиш моему деду? — весело сказал он с откровенной издевочкой.

Я ответил какой-то шуткой и круто вернулся к нашим делам. Чтобы дать понять старику, сколь замысловаты бывают обстоятельства в подобных операциях, спросил:

— А нет ли тут какой-нибудь связи между туристами и парашютистами?

Конечно, сам я не чувствовал и не мыслил такой связи, а просто механически сопоставил: день в день в белой тайге появились и те, и другие.

Дядя Володя в ответ — как посмотрит на меня! Не то что укоризненно, а прямо уничтожающе. И сказал тихо-тихо, оглянувшись, — не услышала бы дочь.

— Вы уж, товарищ майор, и меня тогда зачислите в эту общую банду. Какое имеете право подозревать вы, если их видел я, видели многие наши, они у нас в Р* ночевали, и ни у кого никаких подозрений не возникло?

— Но вы меньше моего знаете в этой области. А у меня это постоянная работа, — возразил я, подзадоривая старика.

— Ничего! Газеты мы читаем. — Дядя Володя крепко обиделся. — И как сто миллионов монет выделяются неким правительством для тайной работы против нас и расходуются — представляем. Это у вас в городе голубей поразвели и за голубями все забывают.

Вспоминая эту ночь ожидания, проведенную у Чурсина, я улыбаюсь про себя: как все обернулось неожиданно, и как после все оказалось запутанным и сложным!

Без стука, без шума сержант Митя спокойно кого-то привел. Мы с дядей Володей слышали только тогда, когда сержант в сенах начал снимать сапоги и заставлял кого-то тоже разуваться:

— Чисто у них. Понимаешь! Половики! И в уличной обуви заходить не принято, — объяснял он. — Уважать надо!

Мы поднялись навстречу. Сержант Митя вошел вместе с рослым мужчиной. На лице напряженно улыбающегося незнакомца мы прежде всего увидели крупные мохнатые брови, застывшие в настороженном изломе. Одет по-альпинистски, сбоку на куртке не хватает кармана, выправка военная, ноги поставил, как в строю, — пятки вместе, носки врозь.

— Товарищ майор! — торжественно доложил сержант Митя, хотя ему и запрещено так называть меня. — Задержан иностранный парашютист, нарушивший воздушное пространство СССР вчера ночью и направлявшийся, по его заявлению, в милицию, то есть ко мне. Сопротивления не оказывал. Обыскан. Оружия при нем не найдено. Вот его предъявленные лично им документы. Мною не просмотрены, ввиду отсутствия уличного освещения в данном населенном пункте.

Сержант протянул мне пачку документов, а бровастый мягко шагнул вперед и скороговоркой тоже отрапортовал:

— Так точно! Юрий Попов! Нас было пять человек. Четырех я убил. — Говорил он четко, видать, заранее подготовил свой рапорт. — Добровольно отдаюсь в руки властей. Прошу принять. Оружие и вещевой мешок у меня отобрали по дороге ваши, советские бандиты. Имею ценные показания, готов сообщить их уполномоченному лицу...

Всю ночь я занимался добровольно сдавшимся бровастым. По его показаниям, оставалось только проверить — найти четырех убитых — и задача выполнена. Он якобы, еще проходя курс в диверсионной школе, задумал перейти к нам и во всем признаться. По происхождению он — русский, гитлеровцы вывезли его ребенком с оккупированной территории. Родителей не помнит.

Готовили их всех пятерых для самой коварной цели. Они не должны были шпионить в обычном понимании этого слова, не должны совершать диверсий, а пристроиться где-нибудь на большом заводе и жить, работать, усердно изображая передовых советских людей, чтобы в конце концов занять как можно более высокий пост. До первого, так сказать, выстрела.

Своим планом — отдаться советским

властям — бровастый якобы поделился с одним своим другом по школе. Друг одобрил его план и посоветовал всех остальных перестрелять — искупить свою вину перед Россией и снискать милость, а каждый добровольно сдающийся по советским законам прощается. Друг снабдил его перед вылетом на нашу территорию дополнительными патронами.

Документы у бровастого все налицо — и диплом об окончании металлургического техникума, и паспорт, и комсомольский билет. Все они — подделанные, подчистками сфабрикованы из настоящих. Весь его рассказ выглядел логично, убедительно, поведение оправдано. Но я сомневался...

Глава седьмая

ОН МЕНЯ СОДЕРЖИТ

Сережка Векшин тоже вскоре появился в Р* и причинил нам много хлопот. Гораздо больше, чем добровольно сдавшийся парашютист.

Задержала его под утро в лесу молодежь — помощники дяди Володи. Сережка отчаянно сопротивлялся:

— Дураки! Я к Чурсину иду! В тайге чепэ, понимаете, чепэ — чрезвычайное происшествие.

— Ладно, ладно, — ответили ребята.

У них в Р* — отряд друзей природы, народ боевой — убежденные хранители порядка в лесу, хозяева. Они тут же наподавали Сережке за сопротивление, за то, что обозвал их дураками, отобрали у него рюкзак, обнаружили пистолет... Кто-то в запальчивости ткнул его прикладом и обозвал диверсантом и предателем.

Сережка разъярился. Он стукнул кулаком одного — тот свалился, другого ударил ногой в живот, и началась свалка. Кто-то в горячке выстрелил. Поднявшийся галдеж разбудил все Р*. Жители повыскакивали на улицу. Подоспевший сержант Митя даже растерялся.

В зыбком предутреннем свете, сменившем полусумерки белой ночи, он увидел, как двое местных друзей природы наставили ружья на Сережку и прижили его к бревенчатой стене пристройки. Собралась толпа. Все шумели. А Сережка схватил оба ствола руками и, пытаясь вырвать ружья, отбивался то одной, то другой ногой:

— Я покажу вам, какой я предатель!

Темнота таежная! — орал он, перекрывая крик собравшихся.

— Дай ему по скуле! По скуле! Он меня двух зубов лишил! — слышался чей-то плачущий голос.

Еще минута — и Сережке пришлось бы худо. Сержант Митя врезался в толпу, пробился к нему и наставил револьвер:

— Руки вверх!

— Ты что, товарищ милиционер, пьяный, что ли? — сказал Сережка. От него отступились, отхлынули, шум утих, и он объяснил: — Не умею я руки вверх подымать, не знаю, как это делается. — И с достоинством добавил, сведя руки за спиной: — Доставь меня своему начальству — дело срочное есть... У кого рюкзак?.. Дай-ка его сержанту!.. Проверь, товарищ сержант: пистолет они не присамили, пошехонцы?

Его привели в порванной рубашке, с запавшим глазом, изможденного и столь растерзанного, что бровастый не сразу признал знакомого. Сережка весь съежился и настороженно разглядывал то парашютиста, то сержанта Митю, то меня. Сережка смолчал, когда бровастый подтвердил, что это один из бандитов, ограбивших его, что вещи все в целости, ничего из рюкзака не пропало.

Сережка лишь криво усмехнулся и, сообразив, что я здесь старший, стал следить за каждым моим движением. Я распорядился парашютиста держать пока в бане, сержант Митя пошел его там устраивать. Старик Чурсин уже прилаживал к бане запор и должен был организовать охрану. А мы с Сережкой начали разговаривать.

— Ну, рассказывайте, — предложил я.

— А вы кто такой? — насупился он.

Оба мы устали: бессонная ночь, а у Сережки — две, да многокилометровый переход. Поэтому внешне мы очень лениво перебрасывались словами, интонации в голосах звучали скупой, приглушенно. И тем сильнее выглядело наше неудовольствие друг другом.

— Вас привел ко мне милиционер, следовательно, я — представитель государственных органов, — сказал я.

— Это ничего не значит, — ответил Сережка. — Может, вы все тут заодно. А милиционер ваш одет не по форме. Точно! В галошах — на босу ногу. Я сразу не заметил, а то бы так вы меня и видели!..

— Я не внушаю вам доверия? — начал я сердиться.

Сережкина наивная логика, его осторожность, уместная в той обстановке, были весьма милы и обаятельны. Сейчас, когда пишу, я с улыбкой иронизирую по этому поводу. А тогда было не до иронии. Я сердился на молокососа, сидевшего передо мной, и, подавляя свое чувство, подумал: видик — отъявленный хулиган после кровопролитной драки.

Показал ему свое удостоверение и, стараясь говорить помягче, объяснил, что сержант отдыхал и высочил на шум, не успев натянуть сапоги.

— Гм!.. — Сережка удовлетворенно изучил мой документ и предъявил свой. — На ловца и зверь бежит.

Кого из нас он подразумевал под зверем, кого под ловцом? Я повертел в руках его заводское удостоверение. Кроме имени, фамилии и его специальности — слесарь-сборщик — да табельного номера на левой стороне, в книжечке ничего, как обычно, написано не было. На правой половинке, разграфленной в крупную клетку, поставлены разные печатки: цифра четыре, силуэт лосенка, скрепленные газовые ключи, какая-то шапка.

— Какой завод? Цех? — спросил я.

Сережка удивился:

— Если вы такой работник, за которого себя выдаете, вы должны знать пропуска наших предприятий. Вот это — означает завод, это — цех, это — проходная... А это — то, что я дружинник, могу пользоваться телефонами заводской охраны, недавно у нас ввели... — И, словно спохватившись, добавил насмешливо: — А может быть, и все наоборот...

Я не знал условных значков на пропусках наших заводов, и меня возмущал дерзкий тон Сережки. Я напустился на него.

— Бродите по лесу — грабите прохожих! Где ваши остальные? Что это за компания подобралась такая? Как вы себя ведете?..

Долго не прощу себе этого. Мне тогда еще не были известны подробности Сережкиной встречи со студентами, история с рюкзаком и пистолетом. Основываясь только на том, что бровастый признал грабителя и рюкзак принес Сережка, я как следует отчитал парня, накричал.

Он выслушал, поднялся, поблел.

На лице — такая решимость, что я подумал: уж не собирается ли он опять кинуться в драку?

— Не знаю, уважаемый, кто вы на самом деле, но в нашей стране чекисты так не ругаются и, прежде чем говорить, хорошенько думают... Точно... — произнес Сережка весомо. — И вообще, если вы настоящий!.. Трудящиеся работают! Налоги платят. Долю своего труда отчисляют! Вас содержат!.. Чтоб вы охраняли нас!.. Чтобы...

Готовый ко всему, он выпалил это единым духом, возвысив голос, резкий, с мальчишеской хрипотцой. Он чуть заметно глянул искоса на керосиновую лампу, затем на окно, словно примерился разбить — потушить свет и выскочить, как это делают герои приключенческих книжек. Я погасил лампу: вокруг давно было светло. Сережка разочарованно сел и напустил на себя каменное безразличие.

У меня тоже есть самолюбие, меня задела его слова. «Подумаешь, он меня содержит!..» Я взял себя в руки. Потрепанный вид Сережки так не соответствовал его речам, что трудно было не высмеять их. «Впрочем, — прикидываю я теперь, — за его словами, видать, крылась гражданская гордость».

— Неумело, неумело выражаетесь, — пробормотал я тогда, мобилизуя свое самообладание.

Выручил старик Чурсин. Он слышал Сережку, разуваясь в сенях, и вошел в комнату с веселым смехом:

— Правильно, парень! Охранять нас! И — с нашей помощью!.. А ну-ка, покажи свои обувки... Так и есть! Стало быть, это ты на откосе, в распаднике за кедами шел впереди меня и не спустился по россыпи, а скатил камень?

— Я, — просиял Сережка. — Точно! Позади меня шли вы?

— Я, — так же обрадовался дядя Володя. — Молодец! Хорошая хитрость. Уралец или сибиряк? — И сам себе ответил, ласково ощупывая Сережкины плечи. — Векшин? Стало быть, ура-алец. Сибиряки — они покрепче, уральцы — похитрее. Ну, не обижайся на ребят, что немного поклепали: тут такая ситуация... А зовут тебя как?

— Сергеем.

— Ну, докладывай, Сергей. Что своих бросил? Что случилось?

Сережка своим рассказом все услож-

нил. Я уже построил для себя логическую цепь всей сути происшествия в тайге. Версия бровастого — пять человек, и он убил четверых — мною принималась при условии, если будут найдены парашюты и трупы. Я допускал, что бровастый, может быть, все наврал, но он должен будет показать место разыгравшейся у них трагедии. Сережкина версия опять все путала.

— Может быть, их было пять? — допытывался я.

— Шесть, — настаивал Сережка.

Конечно, проще всего не ломать голову разработкой новой версии, а начать поиски парашютов, убедиться в их количестве и делать выводы. Но если их там пятеро живых, вооруженных? Они не будут сидеть на месте. И они могут сбить заслоны, если станут выходить из тайги. Я смотрел на карту: придется обследовать, возможно, до нескольких тысяч квадратных километров. Математика — штука упрямая: двести километров ширины, не меньше, помножить на минимум двести километров длины — получается сорок тысяч!

Я еще раз допросил бровастого. Он снова рассказал, что их было пятеро, четверо убито. Подробно описал, как он опускался на высокоствольный березовый лес, плотный, без единого просвета, как, застряв среди ветвей, запутался в стропях парашюта, обрезал их и, встав на ноги, начал расстреливать остальных, и они, не достигнув земли, повисли мертвыми на деревьях.

С оговоркой, что это, возможно, неточно, он показывал на своей довольно подробной карте: пять—десять километров севернее лагеря Сережкиных товарищей. Бровастый готов найти трупы на парашютах. Правда, это очень трудно: полдня он двигался оттуда по прямой сплошным березняком, однообразным и густым, не встречая никаких ориентиров. Но он настаивает на том, чтобы непременно отыскать убитых — проверить его показания.

Утром в Р* возвратился вертолет. Я связался по радио со своими руководителями, доложил о ходе операции.

И дело опять усложнилось. Военные товарищи, сбившие иностранный самолет, усомнились в пяти или шести парашютистах. Самолет, по их утверждению, был небольшим. Экипаж весь погиб, не успев выпрыгнуть. Так что десант мог

состоять самое большое из двух человек. Я подробно информировал начальство о результатах допроса бровастого.

Делать нечего — одними заслонами, кольцом вокруг тайги не обойдешься. Да и надежно ли такое кольцо? Надо искать парашютистов.

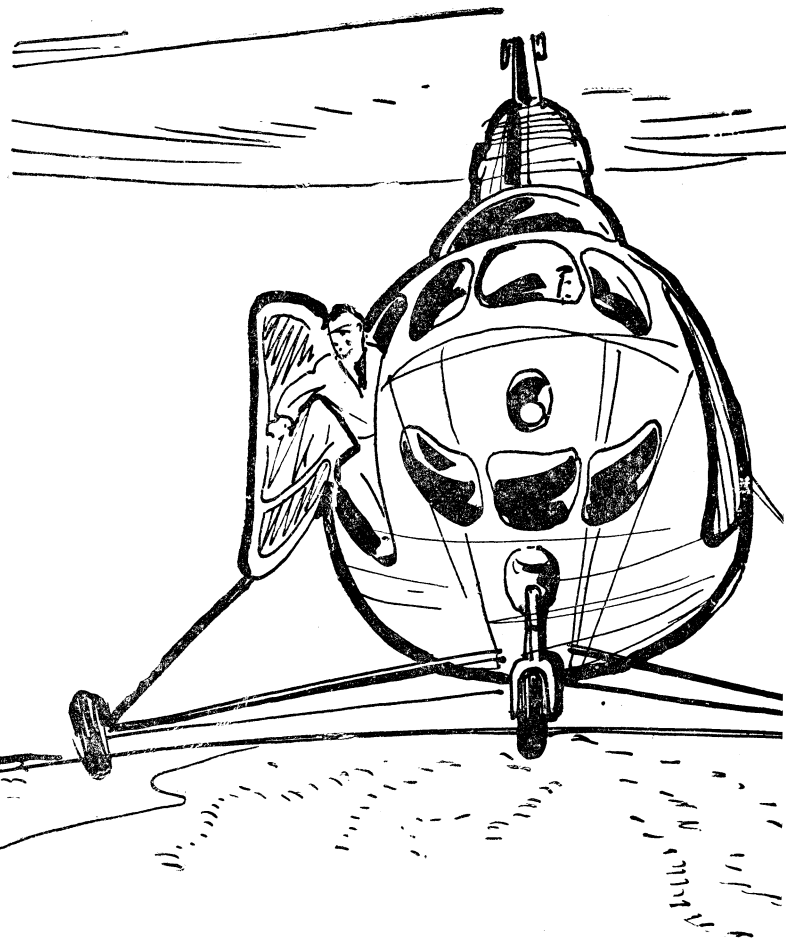
Обсудив с руководством свои действия, я еще раз послушал Сережку. Он снова подробно рассказал, как увидел парашюты в небе.

— Все видели, что шесть? — спросил я.

— Нет, только я и Надя. Остальные были в палатке. А когда мы их подняли по тревоге, парашютисты уже приземлились.

— А Надя тоже говорит, что шесть?

Сережка долго мялся, кисло ухмыльнулся и, наконец, ответил:

— Надя утверждает, что пять. Но я докажу, что шесть. Я запомнил, где они приземлились. Это прямо на север от нашей палатки. Только стрелка компаса, имейте в виду, там барахлит: в горе, наверное, много железа. Давайте немедленно — туда, пока остальные парашютисты не разбежались далеко.

Я предложил ему сначала выспаться. Он никак не соглашался, требовал сейчас же отправить его на вертолете к товарищам:

— Понимаете, мы там без оружия! Пока вы здесь разрабатываете свою операцию, наших ребят, может быть, уже убивают. А я здесь торчу!..

Кое-как удалось его уговорить — заставить лечь, и он мгновенно уснул. Я был доволен, что хоть соберусь с мыслями. При Сережкиной настойчивости, настырности невозможно ничем заниматься.

Итак, что у меня получается? Пять или шесть — неизвестно. Скорее всего — пять: бровастый подтверждает, что самолет был небольшим, десант еле утолкали в грузовой отсек, — они прямо лежали друг на друге.

Однако, будем добывать доказательств. Вот-вот прибудет и армейский вертолет. Я решил перебазироваться на Спесивую гору, господствующую над белой тайгой. Договорились, что туда же забросят автоматчиков. С дядей Володей Чурсиным условились, что он остается на месте: все, с кем он связан, будут сообщать новости в Р*. За проводниками я вертолет пришлю.

Вздremнув с полчаса, я принял таблетку фенамина и стал собираться. Неплохая штука — фенамин, сильный стимулятор для высших отделов нервной системы. При любой усталости — примешь и снова ощущаешь бодрость, исчезает сонливость, чувствуешь прилив новых сил, словно хорошо выспался. Правда, после такого искусственного возбуждения, когда опять придет усталость, надо отдыхать вдвое: на фенамине держись в случае крайней необходимости, с ним организм работает на износ.

Стояла ведренная погода. Жарко. Все благоприятствовало тому, чтобы провести операцию в темпе — отыскать пять парашютов и четырех убитых десантников. Сержант Митя привел к вертолету бровастого, и тот опешил, не смог скрыть своего удивления.

— Но-но, давай заходи! — подтолкнул его сержант. — Это же обыкновенная телега. Тебя, поди, учили, что у нас телега — единственный вид транспорта? Вот сейчас съездим по твоим делам, вернемся и станем ши лаптем хлебать.

Острота сержанта Мити предназначалась для парнишек из дружины охраны природы, которые собрались поглядеть на иноземного парашютиста. Но никто из них даже не улыбнулся. Впрочем, они не были мрачными, а лишь серьезно-задумчивыми. Они впервые почувствовали все великое значение своей дружины.

А небо над головой было ослепительно-синим — чистым и безмятежным. Обычно оно белесое в наших краях. Но в ту пору, видать, долго стояли безоблачные дни, и небо голубело и голубело.

Я пошел будить Сережку. Он спал прямо на полу, на белом домотканом половичке, которыми устлана вся комна-

та. Кто-то — или дочь Чурсина или сам старик — прикрыл его ватником. Сережка лежал с раскрытым ртом, по-ребячьему мерно дыша, и спал так сладко, что я не стал его тревожить. Жалко. Пусть отдыхает парень — он свое сделал.

Но как только мы все уселись в вертолете, и над нами засеребрился в солнечных лучах круг вращающихся лопастей винта, из дома выскочил Сережка. Босой, с ботинками в руках, прижимая к груди шаньги, он в несколько прыжков достиг машины и начал тарабанить в дверцу:

— Откройте! Откройте! — кричал он истошно.

Его услышали, несмотря на оглушительное стрекотание мотора. Водитель, переглянувшись со мною и получив молчаливое согласие, впустил. Сережка пожал ему руку, а мне сказал со сдержанным негодованием:

— Как не стыдно, Алексей Михайлович!..

Если бы в кабине не было постороннего, бровастого, Сережка, наверное, опять наговорил бы мне кучу неприятностей. Он, оказывается, попросил на всякий случай дочку Чурсина разбудить его, когда все соберутся отлетать.

Предусмотрительно!

Я смолчал. Сережка обулся и, поглядывая вниз на раскинувшуюся под нами тайгу, начал уписывать Нюсины шаньги. Мне очень хотелось попросить у него кусочек, но я, конечно, не сделал этого: неудобно.

Глава восьмая

СПЕСИВАЯ ГОРА

В то солнечное утро у палатки Сережиных товарищей произошли события, подтвердившие предания о спесивости горы. Дед Чурсина, оказывается, не врал, хотя дядя Володя и сам не верил в то, что мне рассказывал.

Весь предыдущий день и всю ночь Коля и Вася с Надей и Зиной-беленкой прилежно поддерживали костер. Они старались, чтобы дым шел как можно гуще и, не скупясь, подкладывали сырые ветки, траву, листья — вперемежку с большими плахами. А когда стемнело, наваливали столько сушняка, что костер постепенно раздавался ввысь и вширь, слой раскаленных углей под огнем рос и рос.

Стараясь не опалиться, не обжечься,

повар Вася прилаживал над костром котелок — вскипятить воду для бульона на завтрак. Он уже приготовил кружки, положил в каждую по два мясных кубика, а для Нади — три. Заспешил и стал разгребать пылающие сучья, чтобы поставить воду где-нибудь сбоку на пышущие жаром угли покрупнее. Рогульки и перекладына давно обгорели, а небольших камней поблизости не оказалось. Вот Вася и возился.

Остальные опустились в овраг под горю, где лежал упрессованный за зиму снег. Оттуда вытекает крошечный ручеек. Талой водой туристы и пользовались — и умывались и пили.

Котелок, поставленный Васей на угли, неожиданно подскочил и опрокинулся. Вася выругал себя за оплошность, налил воды из другого котелка и крикнул товарищам:

— Прихватите с собой еще водички!

— Ладно, умыться сам придется сюда! — ответил из оврага невозмутимый Коля.

Настроение у всех четверых вошло, что называется, в норму. Они успокоились и были снова беззаботны, веселы. Молодежь! Первое время часто и с опаской поглядывали на белую тайгу, но там вся природа, казалось, спала, и тревога, поднятая Сережкой, улеглась.

Надо отдать должное Коле — он своими мягкими распоряжениями и здравыми рассуждениями поддерживал в коллективе выдержку и уверенность. Ну что ж, если из тайги появятся какие-нибудь люди! Мы-де сделаем вид, что ничего не знаем и ничего не подозреваем, будем с ними ласковы, предупредительны и гостеприимны. Постараемся задержать их возле себя. Не может быть, чтобы Сережкино сообщение кому следует оказалось новостью, если это на самом деле недобрые парашютисты. О них уже наверняка знают, их вот-вот начнут искать.

Правда, ночью ребята спали неважно: все-таки страшновато. Они поочередно дежурили на ближайшем валуне, с него хороший обзор местности. А большую часть ночных полусумерек просидели у костра и развлекали друг друга всякими рассказами.

Толковали и о «Золотой Бабе», и о «Великом Полозе». Вспомнили и «Хозяйку Медной горы», и «Каменный цветок», и «Малахитовую шкатулку», и «Ящерку-огневку». Больше рассказывала Надя, —

она знала почти все сказы Бажова. А слушал Надю увлеченней всех повар Вася. Он огкровенно любовался ею, благо — Сережки не было, и никто Васе не давал тычка в бок: «Не заглядывайся на кого не надо».

Надя же возьми и придумай свою сказку, будто из прочитанных. «Золотая Баба», мол, это гордая и справедливая женщина. Она вышла замуж за богатыря по имени Урал. Всем был хорош богатырь Урал — и силен, и умен, и красив, но по мелочам ее часто обманывал. То медведя убьет, а скажет, что двух. То, говорит, сплошную электрификацию сделал. То дров наготовит на месяц, а похваляется, что на всю зиму. То еще что-нибудь. Любил преувеличивать, напрашиваться на похвальбу. А она не выносила показухи — ловила его на каждом обмане, и жизнь у них складывалась недружно. Тем более, что народ все видит, и всякая нечестность ей была известна.

И однажды, мол, когда богатырь Урал начал докладывать ей, что он уже построил лестницу до неба долезть, «Золотая Баба» вконец рассердилась на него, топнула ногой в золотом кованом сапожке и исчезла навсегда. С тех пор она только под землей ходит — все слышит, все знает, что Урал делает. И как только он поступит нечестно, так она ему поставит преграду на пути — камень ли, гору ли, чтоб споткнулся или упал, лоб расшибя. И так делает «Золотая Баба» каждому обманщику — любителю показухи.

А кто хочет правду знать про дела богатыря Урала, тот должен к самой земле приникнуть — подслушать: она снизу и скажет, где и что показуха, а где и что — истинно сработано.

Эта смешливая сказка произвела большое впечатление на Васю. Он подумал о том, что если подружится с Надей, то всегда будет говорить ей только правду, как бы ни была она горька, правду в самых незначительных мелочах, в подробностях. Хлопоча у костра, он даже решил, что обязательно шепнет Наде о бульонных кубиках в ее кружке — не два, как всем, а три.

Устанавливая снова котелок на огне, Вася почувствовал, что костер шевелится и весь приподнимается. Парень замер, не веря своим глазам. Что за чертовщина!.. Галлюцинация!.. Когда подолгу глядишь на пламя, всякое может померещиться.

Вася поднял руку поскрести в затылке — она так и окаменела где-то за ухом, потому что вся земля под костром завдыхала, стала вспучиваться, словно кому-то живому и огромному нестерпимо жгло спину, и это чудовище забеспокоилось, заприподнималось под ветками, под углями. Вот-вот встряхнется и встанет на дыбы — сбросит с себя весь костер и схватит Васю. Раскаленные угли, зола, горящие ветки начали отскакивать в стороны, а большие сучья — вздыматься торчмя.

— Э-э-э!.. — хотел позвать Вася всех остальных. Но голос пропал. И тут же он явственно ощутил, что земля приподнимается и под ногами. Он отшатнулся, а костер продолжал разваливаться на стороны, треща, расступаясь от

середины, где вырос целый холм, который все увеличивался и увеличивался.

Вася не был трусливым парнем, но тут побледнел и, издав какое-то бессмысленное восклицание, стремглав побежал прочь с горы. Прямо с котелком в руке он промчался мимо обескураженных Коли и Зины с Надей. Они остоленели, увидав Васю: в лице у него — ни кровинки, подбородок трясется, а ноги шевелятся как-то неодушевленно.

— Что случилось? — спросил Коля.

— Ба... ба... ба... ба..! — только и пролепетал Вася, растопырив руки — в одной котелок с водой — и взмахивая ими, словно пытаясь взлететь.

Он в ужасе обернулся назад, и ребята глянули туда. И все увидели, что костер на горе подпрыгнул, кто-то или что-то подбрасывает, подковыривает снизу горящие и дымящиеся головешки. Вася опроремью кинулся дальше, через овраг, в лес, не выпуская из рук котелка с водой. Зина-беленькая вскрикнула и присела: «Коля! Ой, Коля, Коля, Коля!..» Коля схватил ее за локоть и потащил на гору, осторожно всматриваясь во вздыбленный костер. Надя уцепилась за Зину, и несмелой цепочкой, с Колей впереди, они медленно подошли к развороченному огню.

Посреди костра земля вздулась большим бесформенным золотисто-бурым волдырем, торчащим, словно большой палец в кукише.

— Вермикулит! Я читал. Это он... —

облегченно вздохнув, произнес Коля и тихо распорядился: — Беги, Надя, за Василием, а то он с перепугу до заводской проходной котелок донесет. Да смотри, не насмехайся: он перетрусил, потому что, наверное, не знает о вермикулите.

Верно сказал Коля. Страх всегда — от неведения. Я и сам сбобел бы, возможно. Твердая земля на глазах подымается и сбрасывает с себя костер!.. У любого екнет сердце от неожиданности.

Теперь я знаю, что за минерал — вермикулит. От нагревания до двухсот — трехсот градусов он вспучивается и увеличивается в объеме в двадцать — двадцать пять раз. Это гидрослюда — полностью окисленное железо с присутствием большого количества молекул воды. Костер очень жарко горел на земле больше суток, и вермикулит под углями нагрелся. Отсюда и все необычайное свойство Спесивой горы.

Вот и кукиш «Золотой Бабы!» Представляю, что было бы, если б никто из ребят не слыхивал о вермикулите, да если б вспучивание произошло ночью, да во время бури!.. Сколько бывает несчастных случаев от незнания, от малограмотности, от неподготовленности!..

Когда Надя ушла вдогонку за Васей, наш вертолет и появился над Спесивой горой. С другой стороны прилетела машина армейских товарищей. И первое, что все мы услышали, приземлившись, — это популярную лекцию симпатичного толстяка Коли Шевелева о вермикулите.

А Вася в лесу все бежал и бежал, наткаясь на кусты, на деревья, путаясь ногами в траве. Наконец, попал на тропинку и дунул по ней, что было сил. Надя звала его, но он не слышал. Она несколько раз видела его вдали за деревьями и упорно догоняла.

Неизвестно, на сколько километров он удалился, если б на пути ему не попались студенты-зоологи Миша и Петя.

Держа ружье наперевес, Миша пробирался к туристам на Спесивую гору, Петя остался несколько позади. Миша чуть не столкнулся лбом с бежавшим Васей. В двух шагах они неожиданно увидели друг друга и узнали не сразу.

— Стой! — рявкнул Миша, угрожая ружьем.

Вася глянул в небритую и немытую физиономию — деваться некуда. Собразительность отсутствует, когда у человека шок с перепугу, движения подсознатель-

ны, и Вася плеснул водой из котелка Мише прямо в глаза. С таким приемом нападения отважный таежник еще не встречался. Ружье у Миши выпало из рук, и он завопил на весь лес.

Бросив котелок, Вася подхватил Мишино ружье и помчался по тропинке дальше. Выскочил на опушку, к болоту. Тропинка круто сворачивала. И на повороте Петя, ловко пригнувшись за огромным гнилым пнем, подставил Васе подножку. Вася плюхнулся в болото. Но быстро пришел в себя, вскочил и кинулся на Петю — тоже небритого, грязного и поэтому очень подозрительного по виду.

— Хэндс ап! — скомандовал Вася. — Руки вверх, — почему-то по-английски, хотя это были единственные слова, которые он помнил из единственно известного ему по учебе в школе иностранного языка.

— Ты что? Сдурел? — Петя с силой оттолкнул его.

— А ты что? Ты что? Ты что? — кричал Вася, вытирая зеленую тину с лица и в конце концов начиная что-то смекать.

— Ружье! Ружье!.. Петька, отбери мое ружье!.. Он меня, должно быть, — кислотой! Кислотой! — заикаясь, орал подбежавший Миша. Он схватил ружье за ствол, пытаясь вырвать, но Вася не дал — отскочил в сторону.

— Что вам надо? — грозно спросил он.

— А тебе что надо? — резонно возразил Петя.

— Я ослепну! Я уже ничего не вижу-у-у-у! — по-девчоночьи взвизгнул Миша, налетая на Васю с кулаками. — Он мне кислоты в глаза плеснул.

— Какой кислоты? — удивился Вася, защищаясь локтем. — Вода у меня в котелке была. Где котелок? Куда ты девал мой котелок?

— А водой — зачем? — спросил Петя, ничего не понимая.

— Отдай ружье!..

— погоди, разберемся... Вы куда?

— А ты куда? Мы-то к вам...

— А я оттуда. Туда нельзя!..

— Что?.. Парашютисты?..

— Мы парашют нашли... И скафандр!..

— Вот здесь, в болоте...

Подоспевшая Надя увидела трех перепуганных парней, которые плохо понимали друг друга, уже охрипли и сипели, отчаянно размахивая руками. Она

подошла, раздурманенная от бега, маленькая, но спокойная и как-то сразу укротила насмешливыми глазами.

— Вася! Я за тобой, там у нас все в порядке... Ф-ф-ух!.. Еле догнала тебя. — Она отдышалась и, улыбнувшись, кивнула студентам, как старым друзьям. — Здравствуйте, мальчики! Вы что? К нам поближе перебираетесь? Ой, какие вы небритые, грязные — смотреть страшно.

— Мы ловим диверсанта-парашютиста, — доверительно засипел Миша. — Парашют, скомканный, в ранце... Скафандр на меху... С кислородным прибором... Вон там, за кочками...

— Один? — спросила Надя. — А должно быть пять...

Я как сейчас вижу это солнечное утро на Спесивой горе. Мы все стояли, вглядываясь в белую тайгу, широким морем раскинувшуюся перед нами. Сережка показывал место вдали, где, по его мнению, опустились парашютисты. А потом Сережка побежал вниз, навстречу Наде — она появилась с остальными из лесу. Он бежал, широко раскинув руки.

— Ура-а-а!.. Види-и-ишь!.. Два вертолета! Мы помогли!..

Подбежав, он схватил Надю в охапку, вскинул на плечо и понес на гору. Она отбрыкивалась и колотила его по спине кулаком. Но Сережка не выпускал ее — она маленькая, легкая — и только смеялась, счастливый-счастливый...

И это воспоминание сплетается у меня с другим — печальным. Я так же вижу, до боли ясно, вечер, когда Сережка, так же вскинув Надю на плечо, натужно нес ее к палатке уже мертвую. Но об этом — позже.

Один комплект снаряжения парашютиста, который принесли утром парни во главе с Надей, намного все усложнил, спутал мои планы и предположения. Нашли его студенты случайно и совсем не в той стороне, где Сережка и Надя видели приземление десанта.

Я допросил бровастого:

— Это ваш комплект?

Он долго осматривал, примеривался, что-то прикидывал про себя. Потом нехотя ответил:

— По-видимому, мой. Я долго тащил на себе, а потом устал и бросил в болото.

— Но ведь он найден там, где вы, по вашим показаниям, и не были вовсе!

— Я не помню, где я шел: тайга...

Окончание следует.

И. КЕЛЛЕР и М. МОЦЕНОК

Рисунки В. ВАСИЛЬЕВА

Мчится поезд. Это необычный поезд: несколько товарных вагонов. На плотно закрытых дверях большие пломбы на толстых красных шнурах. В конце поезда два зеленых классных вагона. На паровозе, площадках, в тамбурах усиленная охрана. Клеенчатые плащи не скрывают красно-черных шевронов на рукавах шинелей, черепа и крест-накрест костей. Это отборные головорезы из гвардии адмирала Колчака.

С угрюмых машиниста и кочегара, занятых своим делом, офицеры не спускают глаз.

Дежурные по станциям, начальники разъездов, получив телеграмму: «Отправлен «литер глаголь»¹, выбегают на платформы, мечутся, истошно кричат стрелочникам: «Открыть семафор!» и прячутся за двери.

Мчится странный поезд мимо станций и разъездов, обгоняя все поезда. Кочегар, не стирая пота с лица, бросает в топку уголь.

Небольшая станция, каких много за Уралом. Здание и платформа притулились у подножия крутой горы. Ярусами зеленеют сосны и ели. Быстрая речушка, извиваясь, течет у самой насыпи.

...Осенний день. С березок нехотя падают последние золотые листья. От платформы вот-вот отправится пассажирский поезд. Уже прозвучали два

¹ Шифрованное обозначение поезда с золотым запасом.

удара станционного колокола. Невысокий паренек в старом, изрядно потрепанном ватнике и больших не по ноге солдатских ботинках торопливо идет вдоль вагонов. Из-под кроличьей шапки торчат оттопыренные уши. Глаза у паренька большие, черные. Тщетно он пытается пробраться в вагоны. Отовсюду его гонят.

Тоненьким голосом он просит проводников:

— Дяденьки, пустите. Ехать же надо... Мать у меня больна. Второй месяц в дороге. Денег не то что на билет, на хлебушко нету.

Проводники неумолимы:

— Пустить тебя, а ты у пассажира чемодан стибришь!

Три удара колокола. Поезд трогается. Паренек бежит по платформе, цепляется за поручни последнего вагона, прыгает на ступеньку, но его толкает толстый пассажир, и он падает на кучу песка.

Опустела платформа. Одиноко стоит паренек. Он смотрит на запад, куда только что ушел поезд. Станция забита вагонами. Так было вчера и позавчера. Нет паровозов. Паренек трижды обошел все составы. Поезда идут по единственно свободному пути и только на восток. На запад — раз в сутки. Пареньку в кроличьей шапке нужно на запад.

В старую выработку мимо коногона и белой слепой лошади по штреку проходят шахтеры. В руках у них обушки

и лампы. Последним пробирается, низко пригнувшись, чтобы не задеть головой крепь, высокий, широкоплечий человек. Подняв лампу к самому лицу коногона, он говорит:

— Смотри, Тарбаган, в оба! Сюда ни души!

В коногоне мы узнаем паренька, что одиноко стоял на платформе.

— Ладно, дядя Иннокентий! Не первый же раз...

Тарбаган отцепляет три вагонетки, ломиком сталкивает их с рельсов, прикрывая вход в выработку. Пронзительно свистит. Слепая лошадь дергает вагонетки. Тарбаган идет вслед за ней. В старой выработке заседает подпольный комитет. Там, «на-гора», невозможно собраться. В шахтерских поселках свирепствуют колчаковцы, хватают людей по малейшему подозрению, пытаются, вешают, сбрасывают в шахты.

Мчится поезд. Бьются о двери большие пломбы на красных шнурах. Красный вагон. Это очень просторный салон. За столом сидит, закрыв глаза, белогвардейский полковник, сухой, похожий на египетскую мумию. На рукаве английского френча белеет значок — череп и скрещенные под ним кости.

Салон заполняют офицеры.

Скрипучим голосом, не открывая глаз, полковник говорит:

— Мне приказано верховным правителем доставить ценнейший груз в сохранности. Еще раз повторяю, это... это, — полковник долго жует тонкими губами, — это государственные архивы, имеющие мировое значение... Ротмистр Стенбок, будучи в карауле, сорвал пломбу и пытался проникнуть в вагон...

Полковник открывает глаза. Маленькие, глубоко сидящие, неопределенного цвета, они злобно смотрят на офицеров. Медленно, опираясь о стол, полковник поднимается с кресла-дивана и неожиданно громко говорит:

— Властью, данной мне верховным правителем России, адмиралом Колчаком, приказываю ротмистра Стенбока за нарушение моего приказа...

Полковник делает паузу и, сверля маленькими холодными глазками офицеров, заканчивает фразу с расстановкой:

— Стенбока рас-стре-лять!

Все угрюмо молчат. Пытается что-то сказать только поручик Липатов. Они со Стенбоком друзья. Полковник не дает ему говорить.

— Да-с! Рас-стре-лять! Сейчас же! Поручик Липатов! Исполнение приговора поручаю вам. Не ожидайте остановки поезда. Господа офицеры, вы свободны!

Окраина шахтерского поселка. Раннее утро. Тарбаган и дядя Иннокентий прощаются. За плечами паренька небольшой солдатский вещевой мешок. Одет Тарбаган не богато, но тепло.

Дядя Иннокентий вполголоса говорит, поправляя пареньку кроличью шапку:

— Все теперь ясно? Разузнаешь, следуй за ним, не спускай с глаз... Доберешься до Гайшета, дуй до дому... Не забудь явки и пароли...

Дядя Иннокентий жмет руку Тарбагану:

— Смотри же, Василий Луценко! Не запятнай доброй памяти брата. Случится что — веди себя, как вел Степан. Ну, прощай, товарищ Луценко! Счастливого пути!

Прижимает к груди Тарбагана, целует, поворачивает и ласково толкает:

— Иди, Василь! Иди, большевичок!

Та же станция, где мы оставили Тарбагана. С того дня, как он ушел из родного поселка, миновал месяц. Ничего еще не нашел Тарбаган, хотя объехал десятки станций. Глаза паренька потеплели от воспоминаний. Сам дядя Иннокентий назвал его «товарищ Луценко, большевичок!» Тарбаган, повеселев, прыгает с платформы на пути.

Заломив шапку, шагает по шпалам и поет:

Вперед, разгневанный народ!
Бушуй, вспененная стихия!
Вперед! На звенья цепи рвет
Освобожденная Россия!
Вперед, о родина! Вперед!

Мчится поезд. Поручик Липатов подхитил к купе. На часах мрачный черно-волосый офицер с карабином. Его мы уже видели на паровозе. В купе спит ротмистр Стенбок. Часовой открывает купе. Входит Липатов, будит спящего.

— Женька! Стенбок, вставай!

Стенбок просыпается.

— А-а, ты? Чего пришел?

— Идем!

— Куда?

— К полковнику Вержбицкому. Слушай, Стенбок, зачем тебе понадобились бумаги?

Стенбок очень удивлен. Он даже встал.

— Какие бумаги?

— Да те, что сопровождаем... Ну, архивы какие-то...

Стенбок опрокидывается на подушку и громко хохочет.

— Ой, чудило гороховое! Ой, насмешил, Липатов! Ха-ха-ха!

Стенбок вдруг соскакивает с постели, вплотную придвигается к поручику, обнимает его и шепчет на ухо:

— Там золото! Понимаешь, золото! Везем не архивы, а золотой запас России... Горы золота! Стал бы я из-за бумаг пломбу рвать!

Липатов поражен.

Липатов и Стенбок выходят в тамбур. Стенбок шагнул на открытую площадку, Липатов стреляет ему в затылок. Ротмистр, падая, сваливается с площадки.

А поезд мчится. Офицерская фуражка катится за вагоном.

По шпалам идет Тарбаган. Он босиком. Ботинки перекинута через плечо.

Начинается дождь. Тарбаган вымок и устал.

Узловая станция. Все пути забиты составами с беженцами, военными грузами, имуществом различных ведомств, санитарными поездами. Под натиском Красной Армии колчаковская армия отступает с Урала. Освобождены Пермь, Екатеринбург, пала Тюмень. Ошалелый от бессонных ночей и ругани, стоит среди толпы начальник станции. Все требуют отправить их в первую очередь, тянутся руки с бумагами — белыми, синими, красными.

К нему пробирается солидный, решительного вида молодой человек с каштановой бородкой, в отличном пальто и черной шляпе. Он берет начальника под руку и выводит из толпы.

— Слыхали, господин начальник, о торговом доме «Чепрунов и сын»? Известная фирма! Москва, Петроград, Екате-

ринбург, Пермь, Ирбит... Я Чепрунов-сын, Нил Зотеевич. Прошу любопытствовать на бумаги. Письмо министра путей сообщения господина Ларионова. Накладные-с... Пять вагончиков — московское сукно, ивановский ситец. Довоенные запасы. Тревожусь, где вагончики. Не проскочили?

— За день, господин Чепрунов, столько пропускаем. Не успеваем... Не те времена, когда знали назубок номера!

Начальник станции пытается высвободить руку, но Чепрунов держит ее очень крепко, и они вместе входят в кабинет.

— Помогите отыскать мои вагончики! Фирма Чепруновых никогда не остается в долгу. Отблагодарим.

Чепрунов кладет на стол пачку царских и колчаковских ассигнаций, подумав, добавляет золотой пятирублевик.

Начальник станции быстро убирает деньги в стол и подает Чепрунову толстую книгу.

— Ищите сами!

Чепрунов внимательно листает книгу, сверяет со своей записной книжкой, потом идет на платформу.

На станцию приходит Тарбаган. На путях пустынно. Идет дождь.

Уныло горят керосиновые фонари. В комнатке телеграфиста полумрак. Аппарат что-то выстукивает. За печкой, на полу, дремлет Тарбаган. Он никак не может согреться. Вдруг начинает грозно стучать аппарат. Телеграфист смотрит на ленту и трясущимися руками зажигает большую лампу. Поднимается суматоха. Вбегают начальник станции. Телеграфист прерывающимся голосом читает ему ленту: «Литер глаголь» останавливается у вас тчк Обеспечьте немедленной заправкой тчк Проследовании телеграфыте тчк Министр путей сообщения Ларионов тчк».

Тарбаган все слышит. Глаза у него раскрыты от удивления. Телеграфист совсем забыл о паренке, которому разрешил погреться.

К вокзалу подходит товарный поезд с двумя зелеными классными вагонами. Лязгнув

буферами, останавливается. С паровоза спрыгивает офицер и наблюдает, как дежурный по станции подает воду в паровоз. Из вагон-салона выходит полковник и идет в здание станции, к телеграфисту. Поручик Липатов, прячась, пробирается за ним к окну.

Полковник говорит телеграфисту:

— Передайте депеши в Омск!

— Слушаю, господин полковник.

Передаёт по аппарату: точка-тире-точка.

Тарбаган кусает губы: так ему хочется узнать, что значат эти точки и тире!

Сквозь оконное стекло Липатов пытается разглядеть, что делает полковник. Тарбаган прижимает шапку к лицу.

Полковник забирает депеши и предупреждает телеграфиста:

— После подтверждения ленту уничтожьте немедленно. Отвечаете головой!

Полковник уходит.

Липатов и телеграфист. Телеграфист удивленно смотрит на поручика.

— Я адъютант полковника. Он усомнился, не забыл ли в депеше одну важную деталь. Приказал проверить.

— Дешеш принято две... О какой идет речь?

Липатов озадачен, но не теряется.

— Читай обе!

Телеграфист громко читает с ленты.

— Вне очереди тчк Особо важно тчк Омск тчк Ставка верховного правителя тчк Лично тчк. Его превосходительству адмиралу Колчаку тчк Докладываю груз полной сохранности тчк Тайге жду указаний дальнейшем пути «литера глаголь» тчк полковник Вержбицкий тчк.

Тарбаган слушает, он даже выпустил кроличью шапку. Глаза радостно блестя. Кажется, нашел!

Телеграфист, пропустив меж пальцев ленту, читает:

— Вне очереди тчк Омск тчк Гостиница Гранд Отель господину Нимура тчк Путешествие протекает благополучно тчк Благодарю фрукты тчк Вержбицкий тчк.

Поручик Липатов кивает головой.

— Все в порядке! Полковнику показалось, что в депеше он пропустил слово «адмиралу».

Липатов поворачивается и замечает за печкой Тарбагана. Тарбаган закрывает глаза и делает вид, что спит.

— Встать! Кто такой? А ну, за мной!

Липатов хватая Тарбагана за ворот ватника и выталкивает на платформу.

Чепрунов на путях станции. Проходит мимо товарных составов, заговаривает с железнодорожниками, солдатами, но так, чтобы никто не заметил.

Липатов втаскивает Тарбагана в вагон-салон к полковнику Вержбицкому.

— Господин полковник! Задержал его у телеграфиста. Находился там, когда вы заходили...

Полковник хмурится, жуёт тонкими губами. Тарбаган канючит:

— Ничего я не видел и не слышал. Спал... Пеший добираюсь до дома.

Полковник зажимает нос и брезгливо говорит:

— Чего вы, поручик Липатов, всякую дрянь тащите в вагон? Я же приказал. Я же запретил кого-либо подпускать к вагону на пистолетный выстрел.

«Литер глаголь» трогается.

— Ничего он не мог слышать... Выбросьте его из поезда и прикажите продезинфицировать ковер.— Полковник отворачивается.

Липатов сталкивает Тарбагана на ходу с поезда. Тарбаган с криком летит под откос.

«Литер глаголь» молнией пронесится мимо.

Купе в зеленом вагоне. На столике свеча в бутылке. Пламя пляшет от быстрого движения поезда. На стене качающиеся тени. Поручик Липатов уговаривает мрачного офицера, которого мы уже встречали на паровозе, на часах у купе.

— Подумай хорошо, барон! В вагонах золото. Запас всей России! Стенбок не стал бы врать... Да и что за нужда из-за каких-то бумаг полковнику дважды в сутки ходить на провод, докладывать лично Колчаку. Ну, как, барон, рискнем?

— Стенбок рискнул и...

— Дурак он... Хотел обделаться в одиночку... А с тобой нас будет трое. Поезд гонят в Иркутск. Там японцы. Приберут они золото к рукам — и фьють!.. Полковник с Нимурой связан. Отхватим с тобой, пересядем ночью на скорый — и прощай, полковник!

В коридоре вагона тени. Это Липатов и двое офицеров. Осторожно, сняв сапоги, чтобы не шуметь, выходят на площад-

ку. Один за другим лезут на крышу вагон-салона, перебираются на товарный.

Полковник Вержбицкий смотрит на часы. Открывает стол и берет маузер, вставляет в деревянный приклад. Тихо смеется, поджимает тонкие губы.

Липатов ломом вскрывает люк. В отверстие первым спускается сам, за ним — офицер. Барон медлит. Из люка появляется Липатов. Он кричит:

— Ладно, будь здесь, барон! Ложись, а то снесет. Будешь принимать мешки.

Внутренность товарного вагона. Аккуратно уложены ящики. При свете свечи Липатов взламывает ящик.

— Золото! Не врал Стенбок, царство ему небесное!

Барон лежит на крыше, пряча лицо от ветра. Офицеры, толкаясь, набивают вещевые мешки.

В сопровождении вооруженного офицера на крыше появляется полковник Вержбицкий. Барон показывает ему на лом.

Офицеры завязывают мешки. Пора уходить!

— Эх, малы наши мешочки,— вытирая пот, говорит Липатов.

— На наш век и этого хватит!

Липатов выталкивает на крышу мешок, барон принимает. Другой мешок. Барон принимает и ставит рядом. Липатов выбирается сам, оборачивается и видит рядом с бароном полковника.

— Продал, гадюка!— Хватает мешки и бросается с ними в темноту.

Полковник стреляет. Барон нагибается к люку и кричит:

— Бросайте все и выходите!

Офицер выбирается на крышу. С трудом выпрямляется. Короткий выстрел, и он летит вниз.

— Свидетелей, барон, у нас не должно быть!

Мчитсся в ночи «литер глаголь».

Красноярск. Вокзал. Забит до отказа. И кого только здесь нет! В центре, среди гор чемоданов, корзин, баулов, — царский сенатор с семьей и прислугой. Помещики, изгнанные с насиженных мест, выхоленные, в мехах дамы и мужчины. Слышно: «Мерси!», «Тэнк ю!» Эти стремятся во Владивосток, чтобы оттуда удрать от революции за границу. На чемоданах сидят чиновники — действительные, тайные и просто советники всех рангов. Они не знают, зачем и куда едут. Авантюристы, разбогатевшие при Колчаке на темных махинациях; спекулянты, торгующие кокаином, спиртом, золотом, драгоценными камнями; сестры милосердия. И, наконец, военные всяких национальностей, чинов и родов оружия, застрявшие в поисках своих частей.

Толпа пассажиров растет. Омские и новониколаевские поезда идут только до Красноярска. Здесь пересадка.

В зал входит Чепрунов. Он только что приехал. В руках небольшой, вятской работы чемоданчик. Он в том же пальто, только шляпу сменила меховая шапка. С трудом пробирается через шумящую толпу. Оглядывается, кого-то ищет. В толчее лицом к лицу сталкивается с «личностью». Личность, несмотря на холода, в шляпе, в потрепанном

пальто без воротника. Маленькие рыжеватые усики, брови словно сбриты. Личность и поражена, и растеряна. На рябом лице и радость, и страх.

Чепрунов замечает в углу, у самой голландской печи, нарядно одетую даму. Около нее хлопочет пожилая полная дама. Они здесь давно, три недели, обжились. С ними чемоданы и корзины. На чемодане клетка с попугаем. Закусывая, полная дама громко рассказывает соседям о своих напрасных попытках уехать в Хабаровск. Попугай то беспричинно смеется, то кричит: «Др-р-рузья! Хлопнем по бокальчику!» Попугай привлекает всеобщее внимание. Полная дама отгоняет излишне любопытных. Сюда, к даме с попугаем, и устремляется Чепрунов. Вполголоса он говорит молодой даме:

— Дайте, пожалуйста, Коко немного сахара!

Молодая дама поднимается с места и, волнуясь, говорит:

— К сожалению, сейчас сахара у нас нет! Приходите вечером.

Это явка наблюдателей за поездом с золотым запасом. Чепрунов и молодая дама обменялись паролями.

Личность, убедившись, что Чепрунов сидит с дамой и не собирается уходить, убегает.

Тарбаган входит в зал. Оглядывается, кого-то ищет. Он очень похудел, хромотает. Вместо кроличьей шапки, на голове промасленная кепчонка с ушами — «американка». Она велика и все время сползает Тарбагану на глаза.

Личность в контрразведке. Его слушает скуластый колчаковец. На нем зеленый китель, красные галифе и высокие сапоги с кисточками. На рукаве красно-черный шеврон и очень маленькие серебряные череп и кости.

— Не врешь? — говорит он с акцентом.

— Смею заверить. Он меня допрашивал, когда я сидел в московской Чека. Бородку отпустил, под купца рядится. Головой ручаюсь!

Из-за спины входящей в зал женщины появляется беспризорник. Он оборван, черен от грязи. Становится рядом с Тарбаганом. Оба замечают у печи попугая.

Тарбаган пробирается вперед. Бес-

призорник следует за ним, не обращая внимания на пинки.

Чепрунов и молодая дама тихо беседуют. Тарбаган подходит, смотрит на попугая, трогает рукой клетку и срывающимся голосом говорит:

— Дайте, пожалуйста, Коко немного сахара...

Молодая дама оборачивается и удивленно смотрит на Тарбагана. Он еще раз повторяет:

— Дайте, пожалуйста, Коко немного сахара...

Чепрунов тоже смотрит на паренька. Молодая дама успевает только произнести: «К сожалению, у нас...», как поднимаются шум и крики: «Держи вора!»

По корзинам и чемоданам, прижав сумку с хлебом и провизией, мчится к дверям беспризорник. Пассажиры хватают Тарбагана, стоящего у клетки.

— Стой, мерзавец! Заодно с ним!

Около дамы с попугаем вырастает толпа.

— Вора поймали! Другой убежал.

— Позвольте! У меня вчера чемодан стащили... Не он ли?

— У меня портмоне с деньгами...

— Что вы стоите? Бейте вора! — виз-

жит старик-чиновник в фуражке с бархатным околышем и норовит ударить Тарбагана зонтиком.

Тарбаган растерян. Губы дрожат. Он ничего не может понять. Бледное с синяком лицо краснеет.

Решительно поднимается Чепрунов, отталкивает старика-чиновника, берет Тарбагана за рукав.

— Разойдись, господа! Я сведу его, куда надо!

Старик-чиновник недоволен, потрясая зонтиком, визгливо кричит:

— На месте надо убивать! Пролетарий!

Чепрунов и Тарбаган идут по перрону. Чепрунов крепко держит Тарбагана за рукав. Тарбаган сильно хромает. Оба молчат. У ресторана Чепрунов останавливается, открывает свободной рукой дверь и вталкивает паренька.

Официант ставит на стол миску с борщом и наливает Тарбагану полную тарелку. Соседи удивленно смотрят на странную пару. Дама в соболях презрительно произносит:

— Нашел время! Филантроп!

Тарбаган с большим аппетитом ест борщ. Чепрунов молча подливает.

— Значит, попугай тебе очень понравился?

— Угу...

— Раньше что ж, не видывал попугаев?

Тарбаган поднимает глаза от тарелки.

— Выходит, не видывал...

— Откуда же ты знаешь, что его зовут Коко и он любит сахар?

Тарбаган откладывает ложку и смотрит на дверь. «Непонятный человек. Вел в полицию, завел в ресторан, допрашивает».

— Ешь, ешь! Черт с ним, с попугаем! Как тебя зовут?

— Тарб...— Паренек поперхнулся.— Василий...

— Сколько лет?

— Четырнадцать...

— Что ж ты, друг Василий, по вокзалам в такую пору шатаешься?

Тарбаган засопел, вошел в роль, черные глаза уставились в потолок.

— Батьку красные засекали... Мамка померла... К тетке пробираюсь...

В ресторане появляется личность, незаметно занимает столик, берет пару пива. Наблюдает за Чепруновым.

— Так-так, друг Васюк! Красные твоего батьку засекали? — и тихо, шепотом: — К сожалению, у нас сахара сейчас нет. Приходите вечером!

Сказав, Чепрунов пристально смотрит на Тарбагана. Тот, чтобы побороть смущение, кашляет и поднимается. Поднимается и Чепрунов. На ходу он расплывается. Оба выходят.

Чепрунов, держа Тарбагана за плечо, идет к вагонам. Из ресторана выскакивает личность, оглядывается и бежит в конец платформы.

На запасном пути, между товарными вагонами и бронепоездом стоит «литер глаголь». Вагоны заиндевели, на крышах снег. В тамбуре в полушубке барон с карабином. В салоне полковник. Он в валенках и меховой безрукавке. Зябко потирая руки, ходит по салону. В кресле низенький, очень похожий на японца человек в гражданском. Он, медленно подбирая слова, говорит:

— Дорогой полковник! Господин Нимура очень-очень беспокоится... События развертываются быстро. Ваш поезд очень-очень далеко от Владивостока. Почему застряли стоянку? Господин Нимура давно очень-очень хотел вас видеть за Читой.

Полковник останавливается.

— Сие от меня не зависит. Имею указание адмирала ждать его здесь, под охраной бронепоезда...

— Господин Нимура очень-очень хочет видеть вас Чита. Бронепоезд надо на большевик!

Чепрунов и Тарбаган идут по путям. Неожиданно из-за вагонов появляется патруль колчаковцев. За их спинами личность.

— Предъявите документы!

Чепрунов расстегивает пуговицы пальто. Личность подходит вплотную. Вдруг Чепрунов сильным ударом валит личность и, крикнув Тарбагану: «Беги, Вася!», метнулся под вагон. Сбросив на ходу пальто, бежит вдоль вагонов по междупутью. Его преследуют, стреляют под вагоны.

Тарбагана держит за ворот колчаковец. Личность еле-еле поднимается, подходит к Тарбагану и злобно рвет ему уши. Тарбаган кричит:

— Дядя, пусти! За что? Я ж его не знаю...

На путях маневровый паровоз. Машинист слышит выстрелы, уменьшает ход. Помощник смотрит из окна. По междупутью бежит Чепрунов. Он ранен в руку. Его нагоняют.

— Еремеич! Человек от беляков спасается. Давай назад...

Машинист дергает ручку гудка, и паровоз идет навстречу.

Гудок. словно голос друга, он привлекает внимание Чепрунова. Он видит взмах руки. Паровоз останавливается. Чепрунов подбегает к нему. Одной рукой вцепился в поручни, но подняться уже нет сил. Он виснет и вот-вот...

Путаясь в шинелях, приближается белый патруль. Помощник машиниста с кочегаром втаскивают Чепрунова. Машинист дает полный ход, и, окутанный паром, паровоз исчезает.

Колчаковцы в бессильной злобе стреляют вдогонку.

Скуластый контрразведчик допрашивает Тарбагана. Возле него личность. Он больно крутит Тарбагану уши. Один глаз Тарбагана заплыл синяком. Тарбаган хрипло твердит:

— Не знаю его... Сначала он в полицию повел, потом щами кормил...

Утро в сибирском городе. Главная, широкая улица. Каменные дома. Высокие заборы. Много магазинов и лавок. На улице оживленно. Заборы заклеены объявлениями. Верховный правитель сообщает, что «Ново-Николаевск никогда не будет сдан красным», что «Иркутск—столица Сибири!» и туда «переехало для плодотворной работы правительство», что «город находится на военном положении».

По улице на извозчичьих санках едут двое. Один в хорошей шубе и шапке-мономашке. Знакомое лицо. Где-то мы уже его видели. Где?

На углу в большом доме помещается ювелирный магазин и при нем мастерские. Извозчик останавливается. Нарядный господин медленно выходит из санок, опираясь на трость. Извозчик берет чемодан и несет в магазин.

Машинист Еремеич входит в калитку с железным чемоданчиком, оглядывается и идет в домик. У стола сидит Чепру-

нов. Он без бороды, голова выбрита. Около него фельдшер. Прячет в сумку бинты, пузырьки.

— Хорошо подживает. Сквозная! Крови потерял только много. Придется еще с недельку полежать.

— Я думаю, завтра...

— А кому ты с такой рукой нужен? Когда надо будет, отправим...

Придерживая раненую руку, Чепрунов ходит по комнате.

— Эх, Василий, Василий, бедовая твоя головошка!

Осторожный стук в окно. Еремеич спрашивает:

— Вам чего?

— Не продадите ли картофель? Со станции мы... беженцы...

Входит немолодая женщина. Ее мы уже видели на вокзале, у клетки с попугаем. Только сегодня она проще одета.

— Без перемен, Николай Иванович. Поезд еще не проследовал. Где-то отстаивается. Из Иркутска сообщили, ждать теперь надо его с Колчаком. Запас правительств в Иркутск не провезло. Наблюдаем круглые сутки. Ксану с попугаем отправили. Колчаковцы заглядывать что-то стали. И та личность. Вашего паренка нигде нет. Видно, все еще в тюрьме.

По улице ведут арестованных. В последнем ряду с краю плетется Тарбаган. Он все еще хромает. Без шапки, уши завязаны грязным полотенцем. Арестованные проходят мимо ювелирного магазина. Ворота раскрыты. Мальчишки-ученики — их много — чистят тротуар и двор от снега.

Толстоватый паренек уставился на Тарбагана, улыбнулся ему. Тарбаган ответил улыбкой и заковылял дальше. Арестованные уже заворачивают за угол. Толстяк снежком запускает в Тарбагана. Тарбаган оборачивается. Толстяк кивает в сторону ворот: «Беги, паря, беги!»

Тарбаган стремительно бросается на тротуар. К нему устремляются толстяк с мальчишками.

— Куча мала! Куча мала!

Конвоир стреляет в воздух. Прибегает еще один. Конвоиры растаскивают кучу. Тарбагана нет. Высокие ворота закрыты. Злобно плюнув, конвоиры убегают за угол, где остановились арестованные.

Мастерские. В большой, длинной комнате верстаки. В углу станки. Снуют ученики, обслуживая сидящих за верстаками мастеров.

На полу сидит Тарбаган и вырезает ножом отверстие в куске угля. Он в черной, с чужого плеча косоворотке и заплатанных штанах, босиком. Ботинки стоят рядом.

Толстоватый паренек, спаситель Тарбагана, наставительно говорит:

— Ты, Тарбаган, не волнуйся! Живи пока у нас. Петр Осипыч, мастер, добрый до нас, вьюношев. Ты не смотри, что мы по золоту. Мы все — большевики! Кроме хозяина... При нем ты ни звука. Спекуль он! Пересидишь Колчака, а там тебя до Черемховских копеек отправим. Беляков выбросим, соцмол создадим... Знаешь, что такое соцмол? Я тебя с братом Петрованом тогда познакомлю...

Слово соцмол вызывает у Тарбагана в памяти гибель брата Степана. Секретаря шахтерской ячейки социалистического союза рабочей молодежи Степу Луценко колчаковцы, замучив пытками, сбросили в старую шахту. Это он, Степан, прозвал Василька за оттопыренные уши и непоседливость Тарбаганчиком.

На кусок угля падает тяжелая слеза.

Тарбаган смотрит в окно. У тротуара извозчик. Из дверей выходит, опираясь на трость, человек в шубе и шапке. Тарбаган застыбает от удивления.

Вихрем пронесится пережитое. Комнатушка телеграфиста. Длинные пальцы, сдавившие горло. Салон. Полковник с тонкими губами. «Зачем, поручик Липатов, тащите в вагон всякую дрянь?» Толчок с площадки.

Тарбаган рассказывает Петру Осиповичу о встрече.

У прилавка стоит Липатов. Угощает хозяина сигарой. Смеется. Выбирает из ящика перстни и золотые портсигары.

Петр Осипович подводит к двери Тарбагана. Тарбаган смотрит в дверь.

— Он. Поручик Липатов! Тот самый. Откуда у него золото?

Вечером у Еремеича встречаются Петр Осипович, Чепрунов, Тарбаган.

Глухая ночь. На маленькую станцию прибывает поезд верховного правителя. Спешно отправляется бронепоезд. Торопливо бежит с докладом полковник. Его встречает в тамбуре адъютант.

— Все, полковник! Сейчас прицепят ваши вагоны к поезду адмирала.

В подпольной типографии печатают листовки. Это обращение ревкома ко всем рабочим: не допустить вывоза за границу российского золота, захваченного Колчаком! Не выпустить из Сибири Колчака!

Поручик Липатов в костюме салатного цвета, напевая, укладывает в чемоданы золотые слитки. Ему помогает личность. Они встретились на вокзале. Оказалось, старые знакомые!

Листовки читают в депо, на заводах, в казармах, читают партизаны в тайге, у костров.

На рельсах завал. Дав оглушительный гудок, машинист останавливает состав. К паровозу бегут, размахивая оружием, военные. Высоченные сосны, сходящие с горы к магистралям. Из-за сосен строчит пулемет.

Партизаны! Паника. Офицеры разбегаются, бросают оружие, срывают на ходу погоны.

Партизаны у вагонов. Из теплушки выскакивают Чепрунов и Тарбаган. Чепрунову показывают командира, и он называет пароль. Командир снимает меховую рукавицу и жмет Чепрунову руку.

— Имеем сведения: где-то на подходе «золотой поезд». Третий раз останавливаем, и все не тот!

Чепрунов улыбается.

— Золотой запас Колчак возит теперь с собой... Он еще далеко. Но в этом поезде есть частичка того запаса. Идемте!

Тарбаган ведет партизан к классному вагону. Чепрунов приказывает всем открыть двери купе и сдать оружие. По коридору партизаны. Купе Липатова. Он растерян. Руки в перстнях дрожат. «Сдайте оружие! Будите и вашего спутника, поручик!»

Липатов не трогается с места. Сколько он приложил изобретательности, сколько энергии! И вот все потеряно.

Тарбаган пробирается в купе. Он тря-

сет за плечо человека, уткнувшегося носом в подушку.

— Вставай! Вставай ты, дядя!

Это личность. Он потрясен. Перед ним и Чепрунов и Тарбаган. Командир отряда приказывает Липатову:

— Захватите чемоданы! Следуйте за мной!

Завал разобран. Поезд трогается. Чепрунов и Тарбаган остаются в купе, которое занимал Липатов.

По пояс в снегу бредут, спотыкаясь, к подводам Липатов и личность. Они тащат на себе тяжелые чемоданы. На лыжах партизаны. Завывает вьюга. Морозно, но с Липатова и его спутника льет пот.

В салон Колчака входят военные дипломаты. Нимура в форме полковника. Адмирал зябко кутается в меховую куртку. Американец читает:

«Ни в коем случае не допустить движения по линии Забайкальской дороги на восток от Иркутска поезда с золотым запасом России... Портить пути. Взрывать мосты, тоннели... Уничтожать средства передвижения, открытым боем вырывать ценности народа из рук шайки грабителей...»

— Знаете, кто послал большевикам эту телеграмму? Ленин. Ленин-Ульянов.

— Мы требуем, господин Колчак, передать запасы под охрану наших флагов и оружия.

Колчак отрицательно качает головой.

— В Иркутске генерал Сычев, за Байкалом — атаман Семенов. Нет оснований... — говорит он.

Тайга. На лыжах к железнодорожной магистрали подходит вооруженный отряд. Это черемховские шахтеры. Среди них Чепрунов и Тарбаган. Короткий митинг. Говорит Чепрунов.

— Здесь намечено перехватить поезд Колчака. Никто, товарищи, не знает, когда это произойдет. Будем дежурить столько, сколько понадобится. Неделю,

две, три. Будем жить на морозе, в пургу, но не отступим ни шагу назад. Приказ Ленина выполним. Золото не отдадим.

Шахтеры рубят сосны, готовят ежи. Из веток сооружают шалаши. Тарбаган в группе шахтеров выходит на линию.

Метет поземка. Заснеженный Тарбаган. За пазухой ракетница. Он смотрит на запад. Когда-нибудь да должен появиться поезд Колчака!

Сквозь вой ветра доносится далекий свисток. Тарбаган прислушивается, вынимает ракетницу. Ракеты — красная, белая, красная...

Медленно ползет состав с классными и товарными вагонами. Большие пломбы на красных шнурах. Колчак и полковник Вержбицкий у покрытого изморозью окна.

— В Читу, Александр Васильевич, только в Читу! Это хорошо, что мы идем сейчас под иностранными флагами.

От резкого толчка полковник чуть не падает.

Выстрелы. Пулеметная очередь. Тишина. Гаснет свет. Дрожащими руками полковник зажигает свечи.

В салон входит Чепрунов. С ним несколько шахтеров и Тарбаган.

— Прошу оставаться на своих местах. Поезд следует под нашей охраной в Иркутск. Я — начальник караула...

Вержбицкий сначала недоуменно, а потом злобно смотрит на Тарбагана. Тарбаган делает несколько шагов вперед и презрительно смотрит на полковника:

— Вот и свиделись... Я ж тот самый! Вместе едем! Чуете, литер глаголь!

Перрон станции Иркутск. Вооруженные рабочие, шахтеры, железнодорожники, солдаты. Дядя Иннокентий, похудевший от бессонных ночей и больших, неотложных дел.

На календаре — 15 января 1920 года.

Медленно подходит поезд к перрону. На паровозе и вагонах иностранные флажки. Больше всех японских. На площадках, даже на крышах вагонов, вооруженные шахтеры. У многих обмороженные щеки.

Из вагон-салона выскакивает Тарбаган и кричит:

— Дядя Иннокентий, привезли!

ПОЛКА · УРАЛЬСКОГО КНИЖНИК СЛЕДОПЫТА

БУДЕТ ИЗДАНО

В ПЕРМИ

Пермское книжное издательство давно заслужило хорошую славу вниманием к краеведческой литературе. Не намерено оно ослаблять внимания к ней и в этом году.

Снова, как и в прошлом году, будут выходить завоевавшие успех и признание выпуски «Библиотечки путешествий и приключений». Нынче издательство обещает выдать в числе их книги: «Пламя над тайгой» А. Соколова (о парашютистах-пожарных), «Камень нерушимый» А. Белоусова (о поисках алмазов в уральской тайге), «Немые свидетели» В. Оборина (о работе археологов на Западном Урале), «Исток жизни» А. Ромашова (о трудовых подвигах строителей Березников в годы первой пятилетки), «Зеленый клад» С. Николаева (о тайнах и богатствах наших лесов и лугов), «На север» А. Граевского (о путешествии на водометном катере в верховья Вишеры) и другие.

Будет продолжена и серия «Замечательные люди Прикамья». Намечено выпустить книги о татарском национальном герое Хусаине Мавлютове, о талантливом музыканте Г. И. Лузенине, о профессоре-глазнике П. И. Чистякове.

Интересными обещают быть: коллективная книга «Знаешь ли ты свой край?» — о прошлом и настоящем Пермской области, книги о городах — Кизеле, Очере, Гремячинске, Соликамске, выпускаемый уже третий год «Календарь-справочник Пермской области», очень важный справочник «Библиография Пермской области», первое исследование об уральском географе-самоучке И. Я. Кривошекове, путеводитель по одному из старейших музеев края — Чердынскому краеведческому музею.

Следопыты Урала ждут от пермяков хорошего и своевременного выполнения этих многообещающих планов.

Г. ЗЕЛЕНКО ГДЕ ИСКАТЬ ЖЕМЧУЖИНУ АЛТАЯ

По родным просторам. — Так называется библиотечка, которую вот уже второй год выпускает издательство «Физкультура и спорт».

«Авторы книг — туристы, люди, прошедшие с рюкзаком за плечами не одну тысячу километров, побывавшие в различных районах Союза, — пишет в предисловии издательство. — Тот, кто прочтет эти книги, сможет узнать много нового и интересного о природе и людях нашей страны, вместе с героями разделит трудности и радости походной жизни, познакомится с техникой различных видов туризма, оценит крепкую туристскую дружбу».

Вот одна из книжек серии — «Где искать жемчужину Алтая», написанная студентом Московского университета Г. Зеленко¹. Это живой, занимательный рассказ о походе группы московских туристов по Алтаю, о поисках озера, описанного в старых книгах, но не известного даже местным жителям, о встречах в пути с замечательными людьми, о великой силе дружбы, помогающей преодолевать любые препятствия.

«Нашли ли мы ту жемчужину, о которой мечтали, отправляясь на Алтай? — спрашивает автор книги в конце и отвечает: — Думаю, да. Вся тонкость, как мне кажется, состоит в том, что надо прежде отыскать эту жемчужину в своей душе. А ею может быть только любовь к своей стране, к ее людям — простым и в то же время великим труженикам и мечтателям, желание видеть и слышать то, что делается вокруг нас».

А. П.

¹ Зеленко Г., Где искать жемчужину Алтая, Издательство «Физкультура и спорт», 88 стр. Цена 1 р. 35 коп. (14 коп. — с 1/1 1961 г.)

Первооткрыватель Брусницын

8 февраля (20 января) 1831 года началась разработка первого изумрудного прииска на Урале. Он был и первым в России. Поводом к открытию прииска послужила находка крестьянином Кожевниковым прекрасного изумруда в корнях дерева, поваленного бурей.

10 февраля (28 января) 1911 года выдан патент изобретателю парашюта, жителю Екатеринбурга И. Сонтага.

11 февраля 1902 года в городе Перми стала работать первая городская электрическая станция мощностью 100 киловатт. Она построена по проекту знаменитого русского ученого, изобретателя радио Александра Степановича Попова. Станция работала до 1936 года, когда город был включен в уральское высоковольтное кольцо.

Сейчас в здании, где была станция, находится электротехнический завод. На здании имеется мемориальная доска.

16 (4) февраля 1824 года родился Наркис Константинович Чупин, историк, выдающийся краевед Урала. Его «Географический и статистический словарь Пермской губернии», изданный в 1873—1886 годах, долгое время служил и служит своеобразной энциклопедией всем изучающим наш край.

Золото в России впервые открыл Ерофей Марков в 1745 году на Урале. Это было рудное золото, его находили в крепких горных породах.

В начале XIX столетия нашли и россыпное золото. Его первооткрывателем был Лев Иванович Брусницын, служащий Березовских золотых рудников.

Брусницын родился 22 (11) февраля 1786 года в семье рабочего, промывальщика руд. Работая на Петропавловской рудопромывательной фабрике, Брусницын обратил внимание на пески, содержащие золото, и, промывая их, доказал, что в Березовске имеются богатейшие залежи благородного металла.

Золотосодержащие пески вскоре нашли в даче Уфалейских заводов, в Невьянке, в Миассе, в Богословске, в Гороблагодатской даче, на Вишере, а затем — в Сибири, на Алтае, на Лене, на Дальнем Востоке.

14 февраля 1956 года Пермский фанерный комбинат, построенный на правом берегу Камы в Нытвенском районе, в день открытия XX съезда КПСС дал первые кубометры фанеры.

К концу семилетки Пермский фанерный комбинат будет крупнейшим предприятием этого типа в Советском Союзе.

15 февраля 1931 года с конвейера Челябинского тракторного завода — одного из первенцев пятилетки — сошел первый опытный трактор «Рождение» трактора было приурочено рабочими ко дню открытия VIII съезда Советов Уральской области.

26 февраля 1925 года постановлением ВЦИК в составе существовавшей тогда Уральской области образован Коми-Пермяцкий национальный округ (сейчас входит в состав Пермской области).

27 февраля 1920 года В. И. Ленин подписал постановление Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, отмечавшее исключительную энергию и дисциплину труда, проявленную пермскими рабочими при восстановлении моста через Каму, взорванного в 1919 году колчаковцами при отступлении из Перми.

Главный редактор В. Очеретин. Зам. главного редактора Л. Неверов. Редакция: В. Волович, М. Гроссман, С. Захаров (ответственный секретарь журнала), Ю. Курочкин, А. Малахов, К. Рождественская, Г. Томилов, В. Шустов.

Обложка В. Беляева.

Художественный редактор А. Асс. Технические редакторы Т. Меньщикова и Э. Максимова. Адрес редакции: Свердловск, ул. Малышева, 24; телефон Д1-22-40. Рукописи не возвращаются.

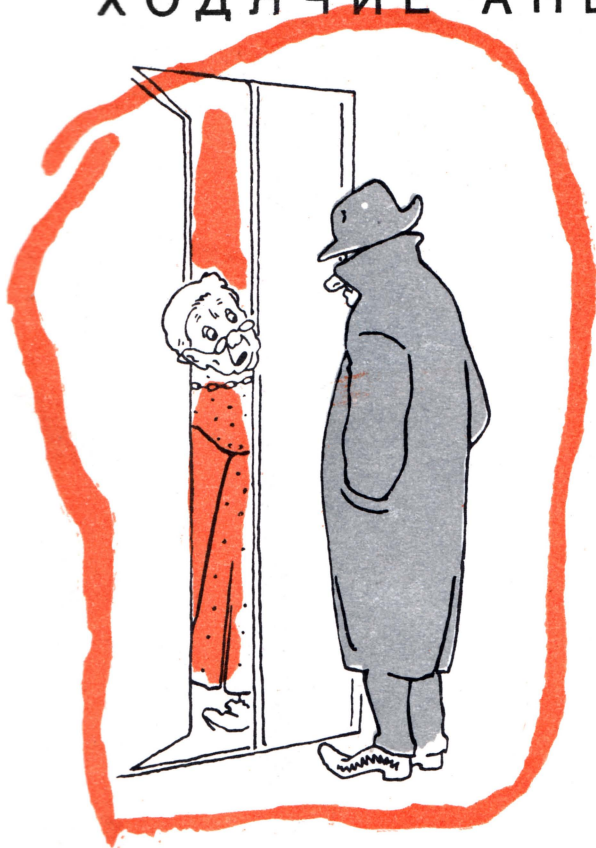
Подписано к печати 17/II 1961 г.
НС 23718

Тираж 80 000.

Бумага 84 × 108 1/16 = 2,5 бум. л. — 8,2 печ. л. Уч.-изд. л. 9,56.
Заказ 602. Цена 30 коп.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, ул. имени Ленина, 49.
Обложка и вкладка отпечатаны на Свердловской фабрике офсетной печати

ХОДЯЧИЕ АНЕКДОТЫ

КАК В ДЕТЕКТИВНОМ РОМАНЕ

В дверь квартиры, где жила старушка, ревностная почитательница детективной литературы, кто-то робко постучал. Старушка с трепетом открыла дверь. На пороге стоял мужчина в сером пальто и такой же шляпе.

— Здесь продается письменный стол? — спросил он.

Старуха рассердилась:

— Опять — ко мне! Я уже троем сегодня говорила, что шпион живет этажом выше.

*Прислал С. Кривых,
Н. Тагил.*

ПРОУЧИЛ

Иллюзионист Кио как-то возмутился, что в буфете торгуют черствыми пирожками. Буфетчица ответила ему грубостью и продолжила свое дело. Тогда Кио решил проучить грубиянку. Он заплатил рубль, взял пирожок, разломил и вытащил из начинки сто рублей.

— Хорошо-о-о! — весело сказал он и попросил еще.

Во втором пирожке опять оказалась сторублевка. В третьем — тоже.

Буфетчица спешно прекратила торговлю и принялась разламывать все пирожки подряд. Конечно, ни в одном из них ничего не нашла. А через несколько часов в буфете появились свежие горячие пирожки.

*Прислал Н. Слаутин,
Свердловск.*

